

А. Вербицкий, Ю. Фридман

ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ

1. Дамоклов кирпич

- Читаю: "Шестьдесят третий день весны. Нарушал законы природы".
- Это всем пишут, — сказал Джагги.
- А по какому поводу это обычно пишут всем? — вкрадчиво переспросил дедушка.
- Ну... если идешь к доске, а у тебя монета из кармана выпала и в воздухе зависла.
- И такое у вас случается с каждым? — удивился дедушка, приподняв брови.
- Нет. Разное случается, — Джагги смотрел в пол.
- Что-нибудь еще, например, зависло? — допытывался старик.
- Кирпич, — одними губами произнес Джагги.
- Кирпич выпал из кармана и завис? — подхватил дедушка, — Ну и ну. Это по дороге к доске?
- Дедушка так и лучился от готовности принять на веру любое сколь угодно поразительное известие. По этому признаку Джагги мог судить, что старый зануда все равно не отступится — а лашпу ему на уши не повесишь.
- Кирпич надо мной висел так, — Джагги показал рукой высоту, на которой у него над головой в воздухе задержался кирпич. — Я ходил, а он за мной летал.
- Привязчивый какой, — вздохнул дедушка. — И с чего это ты ему так полюбился?
- Ни с чего, — разозлился Джагги. Он, в конце концов, уже взрослый, в школе последний год. — Ни с того, ни с сего.
- Вот как, значит, ни с того ни с сего кирпич висит над головой и не падает? — безмятежно продолжал восхищаться дед. — Глиняный кирпич?
- Да. Необожженный, — буркнул Джагги.
- В унитаза топил-то? — вдруг деловито спросил старик.
- Я... я потом вынуть хотел, — мальчик поперхнулся соком ковавы, — я же не знал, что целый конduit в дыру пройдет!
- Ах, так это был конduit, — задумчиво протянул дед. Как это он так

всегда капканы свои расставляет, что попадаешься?

— А ты что думал?

— Я думал, ты дневник свой топил. Хотел двойку скрыть.

— Так это сколько ж должно быть двоек, чтоб на Дамоклов кирпич хватило?! — Джагги даже подпрыгнул на табуретке.

— Еще и таких, которые в кондуит не внесли, — напомнил дед. — Вот я и прикидывал. Но если целый журнал, тогда тебе еще повезло. Как его сняли-то?

— Ну, к школьной магичке повели, — Джагги опять помрачнел. — Она взяла свою палку эту и ею опустила его мне на голову, а по дороге в песок превратила. Волосы я потом под краном мыл.

— И что теперь с тобой сделают? — поинтересовался дедушка.

— Ничего, — Джагги пожал плечами. — Она не заложила меня, а может, даже не догадалась. Там сейчас затор в канализации, им типа не до меня.

Джагги посмотрел в стакан: сока больше не было. Он встал из-за стола и направился к двери.

— Внук, — окликнул его старик, — а за что ты его топил?

— Да замечания накопились там, — все равно от деда скрывать бесполезно, — на двенадцатом родителей вызывают.

— А чего тебе они назамечали?

— А, все то же. “Нарушал законы физики”, “Бросался с третьего этажа”... Дед расхохотался. Он рявкнул хохотом, и скрипнули окна, и на столе подпрыгнул пустой стакан. Этот грохот всю дорогу по коридору раздавался у Джагги за спиной, а потом еще какое-то время проникал сквозь стены комнаты.

Проклятые законы природы! Джагги вздрогнул, как в детстве, невольно испугавшись своего мысленного богохульства. Шир Годвель, учитель Закона Божьего, терпеть не мог предрассудков и велел всем в классе заучить тот самый стих, где говорилось, что бог Никкуд не карает, а отдает в руки Закона. Логично: зачем трудиться писать законы природы, если потом все равно все приходится делать самому? Во дворе тоже считалось, что наказывают людей главным образом Лора и Миару. Лора между богами отвечала за смерть, Миару за любовь; поговаривали, что на самом деле это одно и то же божество. Канонические стихи, в которых они упоминались, всегда начинались со слов: “О Лора! О Миару!” Дед знал их все наизусть, цитировал к слову и невпопад, хотя чаще просто говорил, например: “О Лора! О Миару! Пойду-ка я облегчиться”.

Джагги уселся на кровать и вынул из-под подушки левитатор серии АЙКА-12, конечно, сломанный. Этим он нарушал сразу несколько законов (только не природных, а государственных). Самым серьезным из них был, пожалуй, запрет на хранение магического артефакта без приложенной документации. Левитатор был неисправный, Джагги стащил его на помойке в кварталах дежурных магов. Может, там к нему и прилагалась документация, но искать ее было некогда. Он покрутил в руках толстый диск из фальшивой кости, потер пальцем темные окошечки на пояске прибора. Никаких признаков жизни. Как левитатор он бесполезен, во всяком случае, пока не удалось найти левотехнолога или, на худой конец, мага, который согласился бы его посмотреть. Бесполезен, да; все же есть основания подозревать, что это не мертвый артефакт. Экспериментируя так и эдак, Джагги как-то заснул, сунув его под подушку. Спал минуты три — мать разбудила, чтоб шел обедать. Но за это время успел увидеть сон, совсем не похожий на сон. Длинный, как большой кусок жизни. Вот так АЙКА-12! Джагги сперва не связал это с левитатором, убрал его в ящик — и сны пошли самые обыкновенные. А вот вчера вечером кто-то из взрослых опять зашел невовремя, Джагги едва успел спрятать артефакт под подушку, и снова увидел странный сон. Продолжение первого. И рассказывать он никому об этом не собирался. Рассеянно просидев за уроками где-то с полчаса, Джагги почувствовал, что его пытаются позвать с улицы. Но телептонного приемника у него не было, так что вызов он принять не мог, а выходить из дому не хотелось. Он потряс головой, чтобы сбросить паттерны, и вернулся было к научному патриотизму, как вдруг раздался “пфшлëпп”, и к стеклу окна с внешней стороны прилип комок глины. Прилип и стал, сползая, отваливаться, вызывая притом не самые аппетитные ассоциации. Джагги подошел к окну. Фигус! Бродячий Фигус! Набросив куртку и пробормотав в ответ на вопрос матери что-то невразумительное, Джагги выскочил за дверь; прыгая через три ступеньки, сбежал по лестнице.

— Фигус! Ты! Откуда у тебя телептон?

— Ниоткуда. Пойдем в Мусорный Сад.

Помойка за полицейскими кварталами не прослушивалась — таково было мнение экспертов. Почему такое могло случиться, Джагги пока не мог понять, а эксперты помалкивали. Туда ходили обсуждать тайны и секреты. Называлась она сперва “Мусорный Зад”, но от хождения в широких кругах ее имя незаметно облагородилось, стало звучать загадочнее. Джагги и Фигус отправились туда дворами, только раз вышли

на перекресток и увидели, как из будки выглядывал будочник, с важным видом настраивая свой траблоуловитель. Но их таким грубым прибором нельзя было даже прощупать: они были никто, мирные жители, два подростка, которые отправляются по своим делам в Мусорный Сад.

Когда дошли, Фикус сел на тумбу, а Джагги — на перевернутую корзину. Фикус поковырял разноцветную грязь ботинком и сказал:

— Косматую замели.

Мозг Джагги лихорадочно заработал.

— Сканировали ее?

— Я почему знаю, — пожал плечами Фикус. — Вроде не по обвинению. Но могли.

— Как это — не по обвинению? — растерялся Джагги.

— А так. Как пророков всех заматают. Увозят за проволоку, и поминай как звали.

Косматую звали Инезильдой Дагран. Раньше она училась с Джагги в одной школе, только на класс старше, и слыла первой красавицей в своей параллели — да пожалуй, и во всей школе. Потом, когда с ней это началось, она сильно изменилась. Высохла как-то, походка из плавной, сводящей с ума, если долго смотреть на нее из-за угла — стала резкой и дерганой. Стала, никого не стесняясь, то и дело везде и всюду расчесывать короткие путаные волосы, только это не помогало. Время от времени она принималась говорить нараспев, когда в рифму, когда так просто. Пока это случалось не слишком часто, она ходила в школу, потом уже у нее не получалось подолгу сидеть на уроке, да ее никто и не задерживал. Родители, похоже, выправили ей какие-то справки. Подружки, одна за другой, затеяли ее сторониться, и в конце концов раздружились с ней все, кроме Лаисы. Теперь Лаиса была первой красавицей, так что могла позволить себе любое чудачество. Джагги и Фикус (бродячий, бездомный Фикус) именно тогда стали друзьями бывшей Инезильды, сперва из чистого интереса — “Видал? Пророки бывают!” — “Да мало ли, может, это зараза какая к ней пристала или сглазил кто,” — “Да иди ты со своим *сглазил!*” — а там уже общий опыт непослушания связал их с Косматой, как это бывает у подростков. Дед Джагги говорил в таких случаях: “Ну что, приняли адреналина на брудершафт?”

— Это что? Все правда, про пророков? Зачем они службе безопасности?

— Джагги пнул ногой какую-то упаковку, видимо, от съестного. — Это же просто дворовые враки!

— Знаешь, где мои родители? — спросил Фикус.

Фигус всегда был именно что бродячим, бездомным. Он ночевал в диогенках возле санитарной станции, куда все такие, как он, ходили мыться. Он пришел из Тумеса, соседнего городка, в котором тоже ночевал в диогенках и так же мылся под струей из шланга в общем корыте. Выходит, у него были родители? Джагги смотрел на него во все глаза, возможно, даже разинув рот.

— Отец был хармотехнологом и по секрету — пророком. Всегда. Только он скрывать научился, не то что бедняга Косматая, на нее, ясное дело, уж как найдет, так найдет. А мать в школе учила истории магии. Когда отца увезли, ее взяли за распространение.

— Какое распространение? — не понял Джагги.

— Ну, пророчества эти. Она их записывала и куда-то передавала, всяким интересующимся. Да еще комментировала сама, такие делала комментарии на полях.

— А ее куда дели? — спросил Джагги.

— Под землю, — сказал Фигус.

— Казнили?

— Да.

Оба замолчали. Закат, как зверь в зоопарке, просовывал свои красные пальцы сквозь странные объекты мусорной архитектуры, но не мог войти к людям в клетку. Да и нечего, конечно, делать зверю в клетках людей.

— Слушай, Фигус, — сказал Джагги, как будто с особой тщательностью подбирая слова, — а может, ее не казнили? Про это же не сообщают, это был бы СГЗ, Секрет Государственного Значения. Может, просто держат ее где-нибудь... там?

— Нет, — Фигус отвернулся, глядя на красную половину неба, и свои слова произносил очень спокойно. — я проверил.

— Ты к спириту ходил? — ахнул Джагги. — К спиритологу?

— Да, — кивнул Фигус, на этот раз повернув голову и взглянув на товарища, — он подцепил след, остатки. И передал мне отцовское пророчество — похоже, что от нее.

— Скажешь? — замирая сердцем, спросил Джагги.

— Если скажу, — усмехнулся Фигус, — я буду распространитель. А ты будешь — ГНИНФ, гносеоинфицированный!

— Мы с тобой оба гнинфы, — сказал на это Джагги, — если Косматую просканируют.

— Пророков, как я понял, редко сканируют. — Фигус пожал плечами. —

Это им как-то потом мешает.

— Скажешь? — повторил Джагги.

— Слушай, — снова кивнул Фигус.

*Кто в чужую ночь увяжется за семеркой,
С тем сирота наяву пойдет,
Попадется им и живой, и мертвый
На пути назад и на пути вперед.*

Порыв ветра у самой земли подхватил все легкое — пыль и разноцветные обертки. Известно, в каких случаях всегда возникает мгновенный, сразу исчезающий ветер.

— Это про тебя... — тихо сказал Джагги.

— Это про нас, — твердо отвечал ему Фигус. — Помнишь, что бубнила Косматая?

Джагги стало страшно. И в то же время...

— У тебя есть что рассказать? — жестко спросил Фигус.

Ну да. Фигус ведь не дурак. Джагги кивнул. Встал, потянулся, чтобы размять мышцы. Закат уходил, пальцы его потемнели и уже слепо шарились по земле в западном закутке горизонта. Джагги огляделся вокруг, не найдя лучшего, снова сел на свою корзину и начал рассказ.

2. Травоядный козлолак

Их было семеро. Заводилой был Гараччи, пижон и авантюрист. И с чего Ниола так на него запала? Легковесный парень: храбр, да дурак изрядный. А она серьезная, думает много и хорошо. Гибкая к тому же, талия так и просится в руки.

Это начались уже мысли Вакса, хармотехнолога. Он здесь самый взрослый. Два года как работает, причем так силен, что его вызывают для самых опасных дел. У него есть сродство к магии, но это ему неинтересно. Он ни на грош не верит Гараччи с его картами и пророчествами. но не отпускать же сопляков одних. Аччи, в общем-то, славный малый, с ним не соскучишься; Рейко — хороший поэт. Да еще эта девушка. Такая компания и городских ворот не пройдет, на выходе заметут.

Мяур и Мукт — из магического училища. Мяур рыжий, а у Мукта волосы цвета очень темного каштана торчат во все стороны. У Мяура его рыжие тоже торчат. Трудно поверить, что и они когда-то превратятся в скучных человечков с запыленной лысиной в одинаковой мышино-

цвета форме. Этих Гараччи сосватал в поход первыми, даже раньше Ниолы. Конечно, тут нечему удивляться — они сразу поверили, что смогут взглянуть на полноценную магию запредельного уровня, такую, какой она была в древности. Мукт наверняка к тому же втайне мечтает взять у великих магов автограф, а по возвращении хвастаться.

Остается вопрос, почему присоединился Юши, библиотечная крыса. Юши мудр; к тому же, его повседневный ум быстрый и цепкий. Неужели он поверил Аччи и надеется что-то раскопать для истории магии? Или все-таки дело в том, какая легкая походка у Ниолы, и какое розовое, почти прозрачное ушко у нее на просвет? Впрочем, при чем тут ушко. Юши мудр, а ушки есть у каждого.

— Ну и где он? — спрашивает мудрый Юши.

— Небось уже в общей клетке, — Ниола пожимает плечами. — Подрался с кем-нибудь.

— А как же поход? — удивляется Рейко с таким видом, как будто ожидал рифмы, а ее нет.

Мяур и Мукт встревоженно переглядываются. Чем набиты их походные мешки? Наворовали учебных артефактов в лабораториях? Да ведь они уже сейчас разряжаются один за другим. емкость у них никакая. Чует сердце Вакса — парни затеяли заряжать их сырой первородной магией, с которой так или иначе им предстоит столкнуться в дороге. До Неисчерпаемого Месторождения, про которое им насвистел Аччи, допустим, им не добраться, но уже в лесу Блуждающих Огней на что-нибудь да напорешься. Прекрасно — и как же они собираются заряжать свои магические приборы? Это не ручная магия условно утраченных архивов с законопроектами — то есть, архивов уже запротоколированной информации, которая, однако, никогда и никем не будет востребована. И не перезарядка от портативного резервуара, которую они изучили еще на подготовительных курсах. Нет; работать с сырой магией из леса ни Мукта, ни Мяура никто не учил. Это секретность второго уровня, а в магическом училище они не дойдут и до первого.

Юши постукивает костяшками пальцев по стенке фонарной будки. Здесь им назначил встречу Гараччи, потому что перед тем, как выйти за черту города, им нужно обо всем условиться и на посту действовать слаженно. Аччи намекал, что он раздобыл важную бумагу, которая решит все их проблемы, но почему-то план прохода через постовые ворота все равно требовался.

Внизу раздается дикий звериный рев.

— Чего уперся, тентакль тебе в зубы? — это голос Аччи.
Снизу режут снова.
— Это лестница, — уговаривает кого-то Аччи, — по ней ходят ногами.
Ну? Ты же умеешь скакать по горам, волосатая борода?
— Борода? — удивляется Ниола. — Он что, привел никкудака?
— Только этот почтенный никкудак, видать, нажрался сушеных медуз,
— усмехается Вакс: хармотехнологи знают толк в веществах, расширяющих сознание.
— Похоже, — соглашается Юши, — но отчего же он так ревет?
— Не хочет идти по лестнице, — объясняет Рейко (так, кто он? — поэт; сон подсказывает сам, как толстенная антвортинка в справочном бюро). Все это время они стараются выглянуть в окна фонарной будки таким образом, чтобы увидеть, что происходит прямо под ней. Но это, разумеется, невозможно.
— Эй! — кричит в конце концов Гараччи. — Спускайтесь вниз!
Итак (констатировал про себя Вакс), план распался уже на минус первом шаге. Собраться в будке фонарщика перед выходом из города не удалось, потому что не все любят ходить по лестнице.
Ниола вышла из будки первой, ступила на лестницу и засмеялась. За ней, уже топтавшиеся у порога от нетерпения, выскочили Мукт и Мясур, и дико расхохотались. Дальше Рейко, тот же эффект... Вакс, пока ждал своей очереди (ему спешить некуда), вспоминал легенду об острове Безвозвратном. Когда-то, дескать, младший сын Верховного Мага — тогда еще это был высокий титул, но младший сын его не наследовал — отправился в корабельное путешествие, вроде бы просто желая развлечься. После многих странных островов приплыли они к небольшому, извилистому, щедро устланному туманом. Вдоль береговой линии стояли жители острова; все, как один, указывали пальцем на корабль путешественников и смеялись. Был отправлен в шлюпке на берег паренек из команды с заданием расспросить о причине смеха. Но, едва шлюпка причалила и парень ступил на берег — обернулся к ним, стал показывать на корабль пальцем и смеяться. Делать нечего, корабль обогнул остров и отправился навстречу новым приключениям. Тут как раз подошла очередь Вакса, он переступил через порожек кабинки будки, поставил ногу на ступеньку и расхохотался так, что едва не потерял равновесие. Аччи стоял под лестницей и из последних сил удерживал на веревке грязновато-бежевого козла. Никто из товарищей не мог ему помочь — не имели сил, а Рейко сел прямо на землю и помирал со смеху

там.

— Да держите же его! — заорал Гараччи. — Это наш пропуск через пост! Вакс, икая, сказал:

— Мяур, достань крош (крепкий ошейник), я вижу, как он у тебя выпирает из мешка.

Но Мяура не слушались пальцы, так что Вакс и Юши вдвоем извлекли крош и застегнули его на шее животного. Козел наморщил морду, понюхал воздух и стал спокойнее. Мяур взял поводок из рук Вакса, попробовал сосредоточиться, не справился и передал Мукту. Тот смог.

Ниола спросила:

— Мы пройдем через пост, когда стражники лопнут от хохота, и путь станет свободен?

— Если это не сработает, — серьезно ответил Гараччи, — у меня есть запасной вариант.

— Поделишься? — вкрадчиво поинтересовалась Ниола.

— Я хотел обсудить это в будке фонарщика, — Гараччи посмотрел наверх, — здесь нас могут подслушать.

— Давай рискнем, — предложил мудрый Юши.

Прохожие по обе стороны мостовой встречались, но быстро, опустив глаза в пол, шли мимо. Никто не хотел неприятностей.

Гараччи тронул странный артефакт, который висел у него под одеждой на шее и иногда выпадал наружу из-за ворота, порылся в сумке, перекинутой через плечо вдобавок к небрежно упакованному мешку за спиной: — Вот бумага, — он сказал.

Ниола взяла желтоватую, “под пергамент”, бумагу у него из рук и стала читать вслух, пропуская всем понятные строчки:

— ...шестнадцатого в луну поздних цветов... пропустить до последнего удара полуночи отряд сопровождения козлолака... выпустить в лес... — она подняла голову, оглядела животное. — Это козлолак?

— Скорее всего, — не моргнув глазом, отвечал Гараччи. — Слышала, как он ревет?

— Беэээ, — подтвердил "козлолак".

Ниола посмотрела на клумбы. Юши проследил ее взгляд, улыбнулся, подошел и сорвал немного культурной травы. Козел заволновался. С разжатой ладони библиотекаря он взял губами весь пучок и сразу начал жевать.

— Некоторые козлолаки могут есть траву, — не сдаваясь, прокомментировал Гараччи.

— Почему ты так решил? — удивился Рейко, поэт. По образованию он был домашний ветеринар.

— Да вот, этот же жрет, — Аччи указал на козла.

Мукт и Мяур переглянулись.

— Ладно, — подвел итог Вакс. — Как я понимаю, у Аччи нет ничего лучшего, чем эта загадочная грамота и этот травоядный козлолак. Если мы пробуем свою удачу сегодня, нам надо выйти за ворота до темноты. Если вдуматься, у нас не так много времени.

Трудно поверить, но Рейко встал с земли, Мяур перехватил у Мукта поводок учебного кроша, и все пятеро действительно отправились вслед за Аччи к Закатным воротам. Вакс пожал плечами и пошел следом.

Шли они, беспечно перебрасываясь словами. Как всегда, Ниола не сводила глаз с Аччи, Юши и Рейко — с Ниолы, а Мяур и Мукт следили за козлолаком и только иногда переглядывались. Гараччи то и дело поднимал голову к небу и что-то шептал. Другой бы подумал, что он молится Никкуду, но Вакс даже не сомневался — руководитель похода репетирует выступление перед стражниками. Постепенно дома вдоль улицы редели, как растения на засушливых почвах.

У заставы стражники резались в "Догони меня кирпич". Молодецкая игра. Аччи встал, открыв рот, и засмотрелся, явно забыв, зачем они сюда явились. Помог козлолак. Он увидел в горшке букет атманчиков, пожевал губами и взревел от жадности, дергая крош. Ниола побледнела. Они с Рейко переглянулись. Свежие атманчики по уставу стояли в воде на каждой заставе. Их аромат отгонял востромов — животных со встроеной магией. В том числе любых оборотней, кроме особых мутантов, развивших стойкость к запахам. Но и те относились к красно-фиолетовым цветочкам без энтузиазма.

— Ну, чего вам? — спросил старший из стражников, нехотя прервав игру.

— Как вы ловко трассировали! — все еще не отошел от зрелища Аччи.

— Это был скрытый финт ушами?

— Никаких финтов, — строго сказал старший. — Тренировка и упражнение. Чего надо?

— Да вот в лес идем, — как бы очнулся Гараччи, — тут у нас грамотка...

— В ле-ес? — протянул младший. — А что это вам там понадобилось, ваше соплячество?

— Я совершеннолетний! — обиделся Гараччи. (Совершеннолетним он не был, до этого ему не хватало нескольких лун.)

Старший уже читал бумагу.

— Не понял, — сказал он, оторвавшись от текста и рассматривая компанию, — кто из вас козлолак?

— Да все они, — пробурчал младший. — Кроме вот этой, она хорошенькая. Вызовем наряд полицаев, и пускай разбираются.

— Вот же он! — проявил настойчивость Гараччи. — Вы что, ребята? Вот козлолак. Надо его в лес, пока луна не вышла. А мы при нем. То есть, мы его сопровождаем. Мы — Чрезвычайный Ветеринарный Отряд!

— Беэээ, — сказал козлолак.

— Кто-то подшутил над вами, ребята, — добродушно усмехнулся старший. — Какой же это козлолак? Обыкновенный козел.

— Ну что вы, — не сдавался Гараччи, — он же не белый, а бежевый. И у него темперамент! Если бы не крош, он бы давно вырвался и буянил!

— Что козлолаки бежевые, — терпеливо объяснил старший, — это все дворовые суеверия. А нормальных примет у вашего козла нет. Где, например, у него третий глаз?

— На лбу, под волосами!

— Что ж, посмотрим, — решил старший. Для перестраховки он вынул из горшка букет атманчиков и, держа его, как щит, подошел к козлолаку. Протянул руку к его лбу. Козлолак мотнул головой в сторону, выхватил зубами цветы из рук стражника и тут же зажевал весь букет.

— Эй! — возмущенно заорал младший.

— Мда, — вздохнул старший, — прямо скажем, необычный козлолак.

— Отпускай, — улучив момент, шепнул Гараччи на ухо Мяуру. И Мяур снял контроль с кроша. Козел взбрыкнул ногами, вырвался и бросился напролом через шлагбаум. Гараччи махнул рукой, и все, кроме Вакса, рванули за ним. Сам по себе шлагбаум не составлял особой преграды. Младший стражник сперва оторопел, но очень скоро пришел в себя и пустился вдогонку. Старший замешкался, активируя Кошмары. Прибор, очевидно, слегка заело, но через две пробы рычагом туда-сюда они сформировались — пара зайчиков из голого света. Страшно рыча и вращая глазами, они бросились вслед за нарушителями границы. Было еще сравнительно светло, но луна уже всходила на небо и лучи ее становились различимы. Один из них протянулся сквозь воздух, был пойман не доходя до земли и отразился назад: ветер бешеной скачки откинул кудряшки с козлиного лба, открыв третий глаз, который и послужил отражателем. Животное взревело, крутанулось на задних лапах и пошло на преследователей, световых зайчиков, быстро увеличиваясь в размерах. Теперь у него было две головы: маленькая человечья и большая волчья. Зайчики

остановились в недоумении. Младший стражник развернулся и побежал назад, к заставе.

Когда он прошел под шлагбаумом, драка уже разгоралась, причем козлолак вырывал своими волчьими зубами громадные куски светового мяса. Зайцы не чувствовали боли, кружили вокруг встрома и зачем-то каждый старался толкнуть врага на товарища — видимо, был у них такой метод. Вакс, сложив руки на груди, наблюдал за происходящим.

— Бардак у вас здесь, ребята, — солидно произнес он. — Встромов распускаете, сопляки какие-то за шлагбаумом бегают и ваза пустая стоит. — А тебе-то что? — огрызнулся младший, еще не отдышавшийся после отчаянного бега. — Ты что, инспектор?

— Я хармотехнолог с полномочиями инспектора, — подтвердил Вакс, говоря громко, чтобы перекрыть шум звериной битвы. — И я уже полчаса жду, когда вы просветите мой пропуск. Мне нужно выйти из города.

— Покажите, — очнулся старший стражник. Повертел в руках пропуск, просветил его. — Все в порядке. Простите нас, молодой господин. Не хотелось бы лезть не в свое дело, но — как мне кажется, именно сейчас дорога небезопасна.

Кошмары и трансформировавшийся под взглядом луны козлолак сцепились не на жизнь, а на смерть. Кто победит? Вакс про себя ставил на козлолака.

— А когда она безопасна? — пожал плечами Вакс. — Вы здесь сидите и не знаете, что делается за пятьсот шагов от вас на закате. Поторопитесь заказать букет полевых атманов где положено, на участке. Садовые, от цветочниц, для ваших целей бесполезны.

Вакс вышел из города — шлагбаум для него подняли и опустили снова. Он обошел беснующихся тварей, сперва шагом, потом побежал. Ему пришлось постараться прежде чем он догнал беглецов. Мукт, темноволосяй мальчишка из магического училища, подвернул ногу, так что им пришлось сделать короткий привал.

— Аччи, — подойдя к его соплячеству, сказал Вакс. — Когда встром по рвет зайчиков, мы будем на очереди. Как бы он ни ослаб, он пойдет за нами и не отстанет. Чем ты думал, когда сказал Мяуру отпустить крош? Ты выпустил на свободу взрослого козлолака!

— Ну я же не знал, — вздохнул Гараччи, глядя вбок; ему было стыдно. — Я думал, это просто козел.

3. Козни тезауров

Фогеди был хармотехнологом. Кроме того, левотехнологом, телептонщиком, хабракадабером и Никкуд знает кем он только не был. Как ни странно, он не был алкоголиком, хотя и любил пропустить стакан-другой, иной раз все три бутылки за вечер. Пожевывал сушеных медуз, когда что-то такое перепадало, вообще практиковал разные способы расширения сознания. Не на всех, правда, действовали эти способы — иногда и вовсе на него одного. В этот раз он насыпал трын-травы и ходын-травы в сок ковавы, в пропорции один к трем и трем десятым, подогрел самодельным ретротермитом и принялся пить мелкими глотками, повторяя мантру

*Трын-трава да ходын-трава,
Третий глаз-ходын открой, голова,
Ходи в землю лба дрын-трын-голова.*

Открыла голова третий глаз или не захотела открыть, так или иначе озарение не заставило себя ждать. Оно приблизилось и аккуратно осенило Фогеди своим крылом. Вот что он понял:

(1) Аллегорическое Дно, то есть, Ад, бессмысленно искать под землей. Небопредержащий Никкуд разместил его прямо здесь, в Никкудакене.

(2) Круги Ада суть не что иное, как профессионально ориентированные кварталы. Разумеется, еще более важную роль в том, где который круг, играет иерархия. Скажем, первый круг — обычные люди, дворники, школьники, учителя, крестьяне, страдающая интеллигенция. Второй — полиция и орднунг-маги; к нему же относятся разнообразные будочники. Третий — библиотекари, старейшины магов, младшие жрецы. И так далее. Что до технологов — для них границы кругов прозрачны, они могут свободно перемещаться по всему Аду. Так повелел Небовращающий Никкуд.

(3) Громокипящий Никкуд дал вверенным ему гражданам Земли возможность исправиться и покинуть Ад, но жрецы по наущению тезауров скрывают от людей этот великий дар.

(4) Гипергромительные тезауры наущают путать словауры.

(5) Тезауры живаут в пещеурах и посещают домауры.

(6) Алгминадеул придеул гарападеур...

Когда Фогеди, высунув от усердия позеленевший под воздействием трав язык, записывал на воротнике от своей рубашки (предусмотрительно оторванном с мясом) последний пункт, в дверь постучали.

— Накройтесь дверью, — гостеприимно предложил Фогеди.
Дверь отворилась. Вошла Клалиция, секретарша начальника Ортрия, женщина крупная, в возрасте. Сегодня ее волосы были цвета платины, узкая юбка чуть ниже бедра.

— Фогеди, — произнесла она неожиданно высоким, слегка повизгивающим голосом, — тебя призывали.
Хармотехнолог наградил ее негодующим взглядом.

— Не целуй меня, бабобревновый тезаур! — потребовал он. — Подбери свой ядовитый ус! Я все узнал. Я сильнее тебя. Знание оппелсьила.
Клалиция, в чьи планы никогда не входило целовать Фогеди, однако, не удивилась такому приему — только вздохнула. Она достала розовый телептон, поскребла толстеньким пальчиком:

— Шир Ортрий? Хармотехнолог... у него недомогание. Что? Как всегда. Не знаю, что в этот раз. Медузами не пахнет.
Тезауры могли вывести из себя кого угодно: что за подлая манера думать вслух. Впрочем, это был не тезаур. Хуже.

— Ты, которая на ножках. Вы. Дама, — Фогеди обратился к секретарше. — Подайте мне маску. На стене висит, а вы ее хватать! и снимите. Я ее надену, скажем, на... нос.
Клалиция, взвизгнув в полную силу, выскочила и застучала каблучками по коридору.

— Накрылась дверью, — резюмировал Фогеди. Посмотрел на свои записки. Решил было перенести их на бумагу, но что-то пошло не так; хармотехнолог смял лист и взял новый. На стене у него, чтобы отвадить тезауров и прочее начальство, висел использованный презерватив.
Выслушав живую доклад Клалиции, шир Ортрий поблагодарил ее и отпустил на обед. Подошел к окну и задумался. Фогеди чудил не переставая. Первая же инспекция грозила обернуться скандалом. Гнать бы, конечно, гнать взашей — но нет, об этом не могло быть и речи. Помимо бумаг, с которыми худо-бедно умеет обращаться каждый, отделу Умиротворения Внешних Скорбей (УВС) требовалась реальная работа. Работа с непредсказуемым. Белые халаты лаборантов, красные туники мастеров управления потоками — все это хорошо для рутины, но с настоящей проблемой может справиться только Фогеди в черной робе чернорабочего, с белыми и красными заплатами на ней в самых нелепых местах. Ортрий уже говорил об этом с куратором, и куратор понимает его. Совет же шир начальник получил такой: срочно подобрать Фогеди учеников. Ортрий намекнул, что это невозможно сделать по официальным каналам. Ку-

ратор наклонил голову — он сталкивался с подобным. Неофициальное разрешение получено.

Тем временем дверь в кабинет Фогеди опять отлетела в сторону: на этот раз ее открыли ногой. Вошел хмурый подросток, тощий и длинный.

— Трын-траву курил? — спросил он, вдохнув воздух на пороге.

— Не угадал, — Фогеди подмигнул гостю. — Ай да я: какого знатока обманул.

— Что это у тебя на стене? — тут же сморщил нос вошедший.

— Это амулет, — быстро объяснил Фогеди. — Он уже отработал свою силу целиком.

Фогеди снял со стены презерватив и бросил его в угол на полу.

— Ты бы еще обереги из дерьма по всей комнате разложил, — буркнул подросток, с размаху плюхаясь в кресло. Бумажный пакет, который был у него с собой, он поставил на стол.

Фогеди замер вполоборота к столу, рука на спинке стула. Растянул рот в счастливейшей улыбке от уха до уха.

— Дерьмо против тезауров! Блестящая мысль. Горжусь тобой, сынок.

Он схватил уголь и принялся прямо на стене делать расчеты.

— Не гордись, папаша, — посоветовал сынок, закидывая ногу на ногу. —

Дерьмо на столе от сыновей еще лучше оберегает, чем от твоих тезауров. Только вздумай, и я к тебе больше ни ногой.

— Ты считаешь быстрее меня, — удивился Фогеди, поворачиваясь к нему,

— я как раз получил тот же результат. Вот смотри, Нар...

— Не надо! — быстро перебил подросток. — Фог, я не хочу слушать про твои закорючки.

— Какие же это закорючки? — возразил Фогеди. — Это священные руны!

— Отец, не смей меня. Если что, я выбрал спецкурс по рунической магии. Ни одна из твоих закорючек даже не начинает напоминать священные руны.

— У вас в школе, — терпеливо объяснил подростку отец, — тезауры подменили все руны.

Наргод напряг силу воли, чтобы не вступать в спор. Он терпеть не мог конспирологических теорий отца и сейчас меньше всего на свете желал знать, кто такие тезауры и с какой целью они подменили священные руны. Тайком от матери, которая и слышать не хотела о бывшем муже, он заходил к отцу на работу и даже временами приносил ему еду, как в этот раз: об обедах Фогеди вспоминал редко.

— Посмотри в пакет, — сказал Нар, — там хлеб из белой ягоды. И сок ковавы тоже, разливной, я его в бутылку налил.

— Молодец, сынок! — обрадовался Фогеди, залезая в пакет. — А ты знал, что тезауры питаются информацией?

— Да хоть бы они ею испражнялись! — вспыхнул сынок. — Мне-то какое дело?

— Путаешь, — добродушно возразил папаша, готовясь отправить отломанный кусок хлеба в рот. — Испражняются они магией.

Наргод закрыл глаза и мысленно застонал. Сегодня ему предстоит узнать все о жизни тезауров. И тут же услышал голос отца:

— От тезауров нет спасения.

Тем временем шир Ортрий, отложив другие дела, инициировал поиск учеников для Фогеди. Коготь Рекрутера заскользил по плоскому городскому небу, высматривая добычу. Он летел, разбросав в стороны синие крылья, прислушиваясь к голосам мальчишек и девчонок школьного возраста.

— Капуста, дай монету!

— Где мой телептон? Ах, неизвестно! Ну тогда я вызываю дежурного мага! Случайно попал в твой ботинок? Ну-ну.

— Это не пупыр, он у тебя слишком пестрый! Это муляж!

— Потому что я твоя старшая сестра. Сколько раз тебе повторять — прекрати вызывать этого джинна! Сломан он, сломан!

— Будочник идет! Лезем под будку!

Коготь Рекрутера, Ка эР, пролетая над заборами, над домами, над школьным двориком, приближался к пространству над Мусорным Садам.

— То есть, — задумчиво сказал Фигус, — ты видел во сне такое странное будущее.

— Прошное, — возразил Джагги.

— Да? — Фигус вскинул брови. — Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что это был только первый сон. Самый маленький. А потом я видел другое.

— А! — как будто обрадовался Фигус. — Ну? Рассказывай дальше!

— А назад в темноте пойдём? — Джагги потянул носом воздух и как будто через нос проник к нему в рот привкус сумеречной сырости.

— Я тебе новый фонарь покажу, — пообещал Фигус. — Он оранжевый, с головой зверя. До фонаря дойдем, и сразу назад.

— Идет, — повеселел Джагги, сразу позабыв о том страшном, что порой лезет из темноты. И перешел к следующему сну.

4. Козлиным путем в неизвестность

Как относился Лес Блуждающих Огней к блужданию человеческих светильников, неизвестно. Но факт, что он не любил ломящих сквозь кусты. Вакс шел замыкающим, и ему доставалось за всех: еж подворачивался ему под ноги, чтоб заставить споткнуться, белки швырялись в него шишками. Рейко тянул за руку Ниолу; Мяур и Мукт, уже выбиваясь из сил, очень старались, чтобы их не пришлось тащить за руку. Юши, библиотечная крыса, как будто без труда выдерживал темп. Впереди всех шел Гараччи на длинных ногах, как на ходулях, и еще ухитрялся время от времени сверяться со своей картой. К удивлению Вакса, карта чего-то стоила: конечно, он не мог назвать себя знатоком леса (да и кто мог бы...), но первые полосы на карте шли примерно так, как помнил он сам. По другой карте, настенной в общей техногостинной. На самом-то деле Вакс, хоть и был заметно — на три года — старше Аччи, никогда не бывал так далеко в лесу.

Внезапно лидер остановился. Почесал себе нос тыльной стороной руки, в которой держал светильник.

— Ну и дела, — он сказал, — завяжи меня тентакль. Что же это за полосато? Если это Место Жгучей Травы, то это должен быть просто кусок земли, остров.

— Как насчет быстро пойти вперед? — предложил Юши. — В сложившихся условиях тонкости локальной географии — вопрос, скорее, академический, — он запыхался, с трудом произносил свои длинные фразы, но едкости в нем хватало.

— Так ведь жжется, — хмыкнул Гараччи. — Трава-то.

— А востром кусается, обжирается и переваривается, — буркнул Рейко. — То есть, переваривает.

Ниола ничего не говорила. Она была рада возможности перевести дух, даже если это будет стоить ей жизни.

— Покажи еще раз карту, — попросил Вакс. — Может, это совсем другая полоса: трава здесь повсюду жжется. Такое и в городе бывает.

Усталость обрамляла чувство смертельной опасности, как живую картину; делала его отстраненным. Все семеро столпились вокруг карты, на нее направили несколько фонарей.

— Вот здесь было! — вдруг воскликнул Мяур. — Ежиные Берега! Это

мы точно проходили, там столько было ежей!

— Эту полосу, скорее, за кусты так прозвали, — задумчиво сказал Юши.

— Колючие кусты, которые могут делать так, чтобы их ветки торчали во все стороны. Я читал про такое у Гангера.

— Но и ежей там достаточно, — пробормотал Вакс.

— А где мы сейчас тогда? — спросила Ниола. — Нежность Сов?

— Нежность Сов — это тропа, — ответил Аччи. — Мы бы по ней пошли, если б успели тогда осмотреться. А эта, где мы сейчас — какая-то непонятная, без названия.

— Это Членораздельная Полоса, — сказал Мяур.

— Да? — удивилась Ниола. — А где она здесь обозначена?

— А ее нету на карте, — охотно объяснил Мукт. — Она то тут, то там, ее ни к чему не привяжешь. Через пару шагов вы бы с нее сошли.

— А вы нет? — удивился Рейко.

— Ну и мы за вами, — хохотнул Мяур.

— Шутки у вас, ребята, — мрачно сказал Гараччи. — Ты бы уж молчал, Мяур. Карту не умеешь читать, так молчи.

— А я и молчу, — слева от Аччи зашевелился Мяур. — Хотя умею, кстати. Просто здесь темно.

— Мукт? Что за Членораздельная Полоса?

— А я знаю? — сказал Мукт.

— Я знаю, — сказал Мукт.

— Фонари только мешают, — сказал Мяур.

— Ай! — взвизгнула Ниола. — Это не Мукт и не Мяур! Он их передразнивает!

— Да... — почти без дрожи в голосе протянул Вакс. — Это Членораздельная Полоса.

— Да уберите вы свои светильники, — сказала человечья голова козлолака. — Что за манера слепить глаза. Направьте фонари вниз, а то я их сожру.

— А вторая голова у тебя говорит? — Гараччи уже глядел на козлолака с нескрываемым восторгом. Рейко поддерживал Ниолу и сам не упал в обморок только поэтому. Мяур и Мукт поддерживали друг друга. Юши и Вакс молчали, как бы признавая себя застигнутыми врасплох. Фонари опустили все.

— Нет, — ответил востром и облизнулся обоими языками. — Я в нее ем. Ну и потом, в лесу она хорошо ориентируется. Не идеально, конечно, но я лично не жалеюсь.

— А в человечью можешь есть? — тут же спросил Гараччи.
Вакс и Юши переглянулись. Они оба почувствовали, что появилась надежда договориться с оборотнем, между прочим, достаточно легко догнавшим всю честную компанию. Беда только, что, кроме собственного мяса, предложить ему нечего.

— В человечью много не съешь, — спокойно заметил козлолак. И перевел взгляд с тощего Гараччи на Ниолу, пускай и не жирненькую, но не без приятных округлостей. — Ты пробовала когда-нибудь козлятину, девочка?

— Нет, — ответила Ниола.

— А меня, бывало, девичьим мясом подкармливали, — вздохнул козлолак.

— Здесь, в лесу? — удивилась Ниола. Говорила она все еще слабым, но уверенным голосом, и решительно отодвинула в сторону Рейко, который встал было между ней и козлолаком, заслоняя ее плечом.

— Ну ты даешь, — зверь почему-то расхохотался. — Опыты над нами где ставят? В секретных подвалах, а не в лабиринтах под холмом Нви.

— А где этот холм Нви? — встрял Гараччи.

— А где белое пятно на твоей карте? — снова усмехнулся человечьей головой козлолак. — Там и есть.

Вакс и Гараччи переглянулись в темноте. А Юши спросил:

— Ты только здесь, на этой полосе разговариваешь?

— На этой — разговариваю, — странно ответил оборотень.

— А на других как? — не смутился Юши.

— Как придется, — рассеянно отозвался востром. Он смотрел вверх. Прощальный лунный луч, вдруг пробившийся сквозь листву довольно плотно здесь стоящих деревьев, лизнул обе головы козлолака, немного дольше задержавшись на волчьей, которая навстречу ему высунула свой длинный красный язык.

— Постой! — закричал Гараччи.

Но было поздно. Луна ушла в темноту, а фонарь, направленный на оборотня, высветил не слишком большого козла, длинношерстного, с каким-то нелепым валяным мехом на лбу.

— Бэээ, — произнес козел с издевательским простодушием.

— Козлик, — задумчиво сказала Ниола.

— Козлик! — подхватил Аччи. — Послушай, козлик! Ты можешь проводить нас к холму Нви?

Козел повел головой — кивнул, пожалуй, — и довольно быстро рванул

вперед. Не побежал, конечно, тут не побегаешь, но поспевать за ним было непросто.

— Аччи, — на ходу позвал Мукт, — ты ведь говорил, там полторы недели пути?

— Ну... это зависит... там можно считать по-разному, — пробормотал лидер похода и тут же споткнулся о корягу, — ах ты, жучара тебе в штаны! Дальше уже было не до разговоров. Откуда только брались силы — снова напролом через жесткую мелкую поросль, может быть, низенькие кусты, перелезая через поваленные деревья, порождая шуршание и шорох вокруг, производимые, видимо, мелкой живностью. Проку от фонарей было немногим более, чем от звезд на занавешенном черной листвой небе. Потом под ногами захлюпало — козлик вел их через преддверье болота — но вскоре снова стало суше. Час или два усердного бега с препятствиями, и вдруг, когда уже никто не ждал, случилась остановка. Компания вышла на опушку леса.

А там стоял дом. Неновый, выросший в землю наполовину. И всем стало ясно, что это — что угодно, только не холм Нви.

— Эх, не догадался спросить, — едва успев перевести дух, пожаловался Гараччи. — Какой у него разум в обычное время: человека или козла.

— Ты бы с собой разобрался сначала в этом плане, — усмехнулся Вакс.

— Что думаешь делать?

— Что тут думать, — неожиданно сказала Ниола, — нам нужно где-то переночевать. Козлик молодец, умница, нашел нам место для ночлега.

— Мээ, — подтвердил козел. И, гордо подбрасывая зад при каждом шаге, направился к домику. Когда он подошел, дверь медленно, со стоном несмазанных петель отворилась. Предпринял он что-либо для этого или нет, было неясно.

Мяур и Мукт бросились за ним, как кони на спуске к реке, почуявшие воду. Со стуком свалились на деревянный (судя по отзвуку) пол их сумки и походные мешки. Остальные последовали примеру будущих магов. Когда все вошли в горницу, естественно, единственную во всем доме типа “изба”, побросали свою ношу и осмотрелись — увидели самоходную печь устаревшей конструкции, в углу гранд-лопатус и длинный стол, окаймленный лавкой. А больше, кроме них самих и козла-проводника, внутри дома никого и ничего не было. За окном в темноте скрипнул журавль колодца. В короткой тишине звук этот слышали все, и всем он был понятен. Рейко достал котелок и молча пошел за водой.

Юши, вынув из мешка козий сыр, сел прямо на пол.

— Неловкая ситуация, — он сказал, наблюдая, как товарищи извлекают из мешков спальные принадлежности и выкладывают на стол съестные припасы, обходя прислонившегося к печи козлолака.

— Козел тоже человек, — быстро сказал Гараччи. — Он нас привел сюда, значит, имеет право ночевать в горнице с нами.

— А если он начнет козлиные орешки на полу оставлять? — поинтересовался Мукт.

— Уберем, — ответила Ниола, которая уже хозяйничала за столом. — Выставить его наружу мы никак не можем. Мы здесь гости, а он — еще неизвестно.

— Впрочем, — добавил Гараччи фальшиво-бодреньким голосом, — если козлик хочет, он может выйти на улицу и там сделать свои дела. И прогуляться. И трава там есть. А потом он вернется к нам. Пойдешь, козлик?

Козлик посмотрел на него и кивнул. Гараччи открыл ему дверь. Козлик вышел и вдруг бросился прочь. Вакс подскочил к двери, осветил фонарем наружу и увидел задние ноги козлика, летящего над зарослями. Перепрыгнув кусты, козлик исчез.

— Аччи, — сказал Вакс, потушив фонарь. — Какого черта?

— Я просто хотел, чтобы он походил снаружи, — стал оправдываться Гараччи. — То есть, это он сам хотел походить снаружи. Козел. Он животное, оборотень, у него снаружи дела. Как козла ни корми, он все равно смотрит наружу или, в общем, куда-то он всегда смотрит.

Вакс и Юши переглянулись. Мьяур спросил:

— А в чем дело? Вакс, тебе сильно охота спать в одной комнате со встро-мом, да еще и козлом? Так, знаешь, можно и не проснуться.

— А так ты, может быть, и проснешься, — усмехнулся Юши. — Вот только что ты станешь делать потом?

— Умоюсь, — ответил Мьяур и для чего-то подергал себя за рыжий вихор.

— Позавтракаю, если дадут.

— Так. А дальше? — продолжал интересоваться Юши.

— Ну, соберусь, пойду... — Мьяур неопределенно пожал плечами.

— Куда? — спросил из угла молчавший до сих пор Рейко. Он укладывался спать.

— Ну... Аччи же знает, у него карта...

— Аччи, ты знаешь? — спросил Вакс.

— Я же не знал, что он убежит, — помолчав, ответил Гараччи.

— Рейко уже поел, — Ниола почувствовала в воздухе нарастающую вол-

ну паники и применила универсальный волнорез. — Садитесь за стол, здесь даже сидеть можно. А потом — спать, давно пора.

— Утро вечера мудренее, — быстро поддержал ее Гараччи.

Ели и пили сперва молча, потом — изредка перебрасываясь недоуменными вопросами. Осознание, что они по-настоящему Заблудились В Лесу, приходило медленно, оседало в желудке вместе с радостным чувством утоляемого голода, усталостью и теплом.

— Спать, — сказала Ниола. — Завтра козлик придет, нам удачу принесет.

Путешественники послушно принялись вылезать из-за стола. Вдруг Рейко, который вроде бы давно уже спал в углу, поднял голову.

— Аччи, — позвал он. — У тебя, кроме карты, было пророчество. Это правда, или тут ты приврал?

— Ну, было, — неохотно сказал Гараччи, забираясь в мешок. — Рей, я спать хочу. Завтра поговорим.

— Нет. Скажи его, если было, — потребовал Рейко.

— Да зачем тебе? — удивился Гараччи. — Охота стать гнинфом?

— Надо. А насчет гнинфа — до города далеко. Здесь нас долго искать хоть бы и с целым отрядом сыскных магов.

— Ты один здесь такой отчаянный, — мрачно возразил Гараччи. — Что, по твоему капризу все должны заделаться гнинфами?

В горнице началось шевеление. Оказалось, что все шестеро спутников Гараччи, попрятавшиеся по спальникам, совершенно не против стать гнинфами. Ниола — потому, что Аччи уже стал. Мяур и Мукт всегда хотели услышать настоящее пророчество. Юши, взвесив все “за” и “против”, предпочел быть гносеоинфицированным — это лучше, чем продвигаться вслепую. А Вакс и вовсе имел допуск четвертого уровня. И Гараччи, вздохнув, начал читать:

В семи шагах от холма

Семеро магов и их безграничная сила.

Кто их найдет?

Шестеро живых,

Один мертвый,

Что станет с теми, кто их найдет?

Если нашедшие не ослепнут,

Что же они увидят

В семи шагах от холма Нви?

Было тихо. Под потолком встретились паук с паучихой, и большая паутина еле слышно звенела от их брачных сигналов. Приглушенным голосом

Мукт спросил:

— Аччи!.. А что такое холм Нви? Ты с козлом так говорил, как будто не знаешь, где он.

— Какая разница? — вздохнул Гараччи. — Где мы сейчас, я знаю не лучше.

— Пора спать, — заключила Ниола.

Потушив светильники (Юши, впрочем, перевел свой на ночной режим), все семеро и впрямь провалились в сон.

5. Географическая молитва

Джагги и Фигус покинули Мусорный Сад и расстались у оранжевого фонаря, от которого можно было ненадолго зажечь оранжевым свечением сухую ветку. Джагги побежал вприпрыжку домой, размахивая рыжим светильником, а Фигус отправился спать, как он говорил, в какую-нибудь свободную диогенку.

— Сынок, где ты был? — дома спросила у Джагги испуганная мать: лицо ее казалось побелевшим от страха. — На улицах и возле школы видели Коготь Рекрутера...

— Мимо меня не пролетал, — беспечно сказал Джагги.

— Серьезное устройство, — дед тоже вышел из комнаты в коридор. — А для кого вербуют, неизвестно?

— Соседка Гуата слышала... — мать сглотнула и прислонилась к стене, — для Укротителей Хаоса.

Дед посмотрел на нее и добродушно расхохотался.

— Ухи-то? Для Ухов не набирают сорванцов с улицы. Там такие специалисты нужны, их готовят годами. Такого жука водить, считай, на голой интуиции!

— Но, может быть, берут учеников? Курсантов? — мать боялась, что дед только утешает ее.

— Да Никкуд с тобой, — махнул рукой дед. — Учеников этих берут из отличников магического училища, со старших курсов, или из студентов-технологов со способностями к глушению магии, и это штучный товар. Им ни к чему какие-нибудь там раззявы, которые в шляпу сморкаются.

— У меня нет шляпы, — сказал Джагги.

— Иди, иди, — дед указал ему на дверь ванной, — морду протри, Укротитель Хаоса.

Джагги был горд тем, что Фигус его выслушал и рассказал ему о себе, сделав его тайным гнифом — потому что это приключение, и это очень опасно. Он жалел Косматую. Но сильнее всего ему сейчас хотелось, чтобы Коготь Рекрутера прилетел и отметил его как малолетнее лицо, годное в ученики рулевого Укротителей Хаоса. Управлять самоходом (действительно похожим на жука) с мощнейшим магоприводом! Забираться на территории, зараженные сырой магией! Мечтая об этом, Джагги наскоро умылся, выпил молока и отправился спать.

Фигус тем временем считал повороты. У него была такая игра — в темноте, как будто в подземном лабиринте, добраться до ночлежки, не зажигая светильника. Эту игру он изобрел потому, что светильника у него не было. Огибая клумбу с банданьонами — запах стоял такой, что не ошибешься — Фигус думал о матери. Будь она жива, ей было бы любопытно, чем обернется пророчество. А оно уже начало оборачиваться. Коготь Рекрутера повисел над перевернутой корзиной в Мусорном Саду, двинулся в сторону нового фонаря. Там он снова завис в недоумении. Потом отлетел назад, разогнался, на полной скорости врезался в фонарный столб и рассыпался на куски.

Утром хмурый Джагги тащился в школу, полируя взглядом ботинки. Ранец висел у него на одном плече, болтаясь у самой земли: ляжка удлинилась, но Джагги явно было на это плевать. Вид у него был, как у человека, которому жить незачем. У поворота на Корявую авеню кто-то заступил ему путь.

— Фигус! — Джагги поднял глаза. И тут же опустил, — Все. Можешь не ждать. Я больше ничего не увижу.

— Не спится? — улыбнулся Фигус. Он, напротив, выглядел не выспавшимся, но бодрым.

— АЙКУ мать забрала. Где-то Ка эР видели, она сразу решила, что по мою душу. И стала убирать в моей комнате.

— Зачем? — Фигус даже захлопал глазами.

— Не знаю. Она всегда так делает, когда за меня боится, а меня дома нет. Ну и вот. Теперь сны... не те.

— Ладно, — сказал Фигус. — Не пропадем. Теперь моя очередь.

— Ты..? У тебя есть..?

— Нет, — сказал Фигус. — Но, может, это и не нужно.

— Ты видел, что было дальше? — не верил своим ушам Джагги. Ранец соскользнул с его плеча и шлепнулся бы на мостовую, если бы Фигус не

подхватил его. — Во сне?

— Да, — уверенно кивнул Фигус.

— Нет, подожди, — Джагги взял у него ранец. На крышу дома напротив села ворона, похожая на черно-серый оповестительный самолевитатор.

— Может, это просто...

Фигус вынул из-за пазухи рисунок: грубая ткань, угольный карандаш. Рисовал он хорошо. Девичья фигурка обошлась ему в пару-другую штрихов — а все же стояла, обдуваемая ветром, как будто готовая сделать шаг.

— Ниола! — воскликнул Джагги.

Фигус приложил палец к губам.

— Иди, — он сказал, — опоздаешь.

— Сегодня, — сказал Джагги. — Мусорный сад?

— Нет, — помотал головой Фигус, — Яма с камелиями. Каждый день ходить мимо будочника подозрительно.

— Так там по пути к Яме сразу два будочника, — возразил Джагги.

— Они к нам еще не привыкли. Опоздаешь. Приходи после школы в яму, я буду там. Тряпку отдай.

Джагги отвел в сторону рисунок на ткани, которую Фигус обозвал тряпкой. Он начал было:

— А можно...

— Ладно, — Фигус махнул рукой, — прячь в ранец. Я пошел, а тебе бы побегать, — и он сошел с аллеи в узкую щель между заборами, ограждавшими два соседствующих двора.

Джагги как будто очнулся от морока, быстро сложил рисунок, спрятал в ранец, поправил у ранца лямки, надел его на спину и прибавил шаг.

Между тем шир Ортрий, едва успев прибыть на работу, вызвал к себе Фогеди по телепону. Шир нервно вымерял шагами пол своего кабинета. Вся сила духа, вся невозмутимость, которую он накачал в медитативном зале, тренируясь, как подобает начальнику его уровня — все это как будто его оставило. Фогеди вполне мог бы и не оказаться на месте: вопреки всем циркулярам он полагал, что у него свободный режим посещения. Но в этот раз он, по-видимому, опять ночевал в лаборатории, так что отверил на вызов довольно оперативно.

— Фогеди! — начальник резко обернулся на скрип двери. — Это еще что?!

— спросил ошеломленно. — Что у вас на лбу?

— Фонарь, — дружелюбно ответил Фогеди.

— Почему он похож на осьминога?

— Шир Ортрий, надеюсь, вы не верите в сухопутных осьминогов? — осведомился Фогеди.

— Нет, но... ваш фонарь... очень странная техника, — начальник тыльной стороной ладони стер со лба испарину.

— А это не техника. Обычная многорукавная пиявка с вытянутыми присосками, я ее только немного модифицировал. Присосок, кстати, у нее девять, а не восемь. Просто я одну оторвал: она где-то поранилась, и на том месте уже начиналась гангрена.

— У пиявки? Гангрена?.. ("Нет, — промелькнуло в голове у Ортрия, — привыкнуть к этому невозможно".)

— Я, конечно, не ветеринар, но гангрена есть гангрена, с простудой ее не спутаешь, — сухо сказал Фогеди.

— Хорошо. Допустим, — шир Ортрий взял волю в кулак. — Но раз это фонарь, он должен светить?

— Сейчас день, — терпеливо отметил Фогеди. — Я могу идти?

— Нет! — закричал шир Ортрий. — Нет, вы не можете! Посмотрите на эти данные и объясните мне, что это значит!

— Вы послали Коготь Рекрутера, — взглянув на экран хаблоскопа, Фогеди пожал плечами. — Вы дали ему взаимоисключающие инструкции. Он не смог пометить ровно один, первый встречный, годный объект. Потому что он одновременно встретил два.

— Как вышло, что он разбился? — сквозь зубы спросил шир Ортрий.

— Сначала он отлетел хвостом назад на семнадцать с половиной метров, чтобы набрать разбег, — охотно ответил Фогеди, легко расшифровывая закодированную информацию с экрана, как опытный музыкант читает ноты с листа. — Это позволило ему на полной скорости врезаться в фонарный столб, что и послужило причиной...

— Почему он принял такое решение?! — Ортрий не выдерживал, он почти кричал. — Зачем ему было врезаться в столб?

— Он предпочел смерть бесславию, — твердо сказал Фогеди.

Шир Ортрий взялся за спинку стула. Он смотрел в центр лба Фогеди, хватая ртом воздух. Ему казалось, что черная склизкая пиявка (фонарь) там шевелится. Загадка разрешилась, все ясно как день: этот полоумный поставил на Коготь Рекрутера — прибор ценой в четверть годового оборота конторы — программу самоуничтожения. Видимо, на случай, если Коготь не сможет выполнить поручения шира Ортрия. Фогеди стоически выдерживал взгляд начальника, сосредоточенный, впрочем, главным образом на "щупальцах" пиявки, присосавшихся к коже лба.

- Что-нибудь еще из оборудования запрограммировано самоуничтожаться на случай... бесславия? — в конце концов выдавил из себя Ортрий.
- Только она, — Фогеди ткнул себя в лоб.
- Чем это нам грозит? — серьезно спросил его собеседник, решивший все-таки сесть, точнее, упасть на стул.
- Если она не сможет полностью осветить помещение, в котором мы с ней находимся, — объяснил Фогеди, — она откажется от питания и умрет с голоду.
- А Малый Коготь?
- На Малый Коготь я еще не успел поставить то, что делает мужчину мужчиной, — огорченно признал Фогеди. — Но если это срочно...
- Нет! — Ортрий размахнулся для удара кулаком по столу, но тут же устыдился своей начальственной выходки. — Мерит главный технолог, прошу вас передать информацию из архива хаблоскопа на Малый Ка эР и проследить лично, чтобы прибор, даже если и не сможет выполнить поручения, вернулся ко мне целым и исправным. После доложите мне, я сам его выпущу.
- Фогеди стукнул каблук о каблук (видимо, представляя себя солдатом, в которого вдохнули жизнь боги), коротко кивнул головой и вышел за дверь, почесывая отвратительную пиявку на лбу, которая раздувалась и шевелилась, возможно, от удовольствия.
- В общеобразовательной школе Канцелярского района в это время звенел утюг. Это был артефакт, звонок в форме корабля (если верить сопроводительным бумагам), способный принимать сигналы Круглых Режимных Часов и реагировать соответственно. Знатоки корабельных дел, однако, не могли договориться о том, какое именно судно государственные мануфактурщики имели в виду, а как-то раз после уроков чей-то старший брат из магического училища вошел, перезамкнул магию артефакта на нагревание, и под хохот собравшихся в вестибюле школьников погладил им свой носок. В училище об этом узнали и за нарушение инструкции обращения с артефактом отправили его на месяц дежурить магом-мусорщиком, а школьный звонок все стали называть утюгом — да и похож он был на утюг. Джагги вместе с двумя мальчишками ворвался в класс с последней трелью, а едва она затихла, вбежала Илона — новенькая, с прической типа "конский хвост". Шира Кадима жестом ее остановила.
- Илона. Причина опоздания?
- У нас в школе, — девочка мгновенно заняла оборонительную позицию,

— в класс входили после звонка.

— Предположим. Но ты здесь уже не первый, и даже не второй день.

— Да, шира Кадима, но я еще не привыкла. Иногда, знаете, в голове что-то щелкает, и... — Илона развела руками, показывая, как трудно справиться с собой в такие минуты.

— В самом деле? А почему же тогда ты так спешила, вон вся запыхалась, бедная девочка? — толстые губы шири Кадимы помяли друг друга и искривились в усмешке.

— А я хотела войти в класс первой! — не растерялась Илона.

— Что же, — пожала плечами учительница, — войди в класс, раз ты этого так хотела, и постой у стены. Ты ведь особенная, ты из другой школы, притом с необычными порядками. Ты смотришь на нас сверху вниз. Чтобы ты стала еще выше — встань на носки и стой так до конца урока.

Илона хотела было возразить, но, встретившись взглядом с учительницей, коротко развернулась и встала на носки лицом к стене. Простоять так сорок минут невозможно, и даже если опускаться на полную стопу, когда учитель отворачивается — все равно последствия будут неприятными.

Джагги ненавидел шири Кадиму и дал себе слово помочь девочке после урока, отнести ее на руках, если понадобится, может быть, даже не в другой кабинет, а к дежурной магичке. Благо эта новенькая совсем тощая, ну и потом, это будет физическая нагрузка, а Джагги полезно тренироваться.

— Урок географии мы начинаем с географической молитвы, — напомнила шира Кадима, поднимаясь с кресла на свои толстенные ножки. Протянула вперед толстенные ручки ладонями вверх, слегка согнув их в локте, и сделала приглашающий жест, как бы подбрасывая на ладонях большой невидимый шар. Школьники встали, откинув крышки парт. Дежурная Лаиса выплыла к доске; шира Кадима радостно ей улыбнулась. Джагги знал, что красotka Лаиса ненавидит географичку, как и большая часть класса — а вот шира Кадима, наоборот, держит ее в любимицах. Как это выходит у девочек? Приняла покорный вид, хлопнула ресницами, потупила глаза в пол — и властная толстячка млеет, ставит “отлично”, вносит в списки на высшие соревнования (Джагги был уверен, что Лаиса на них ни разу не явилась, причем по самой уважительной причине, подтвержденной надежными документами). Впрочем — Джагги оглянулся на Илону — явно не у всех девочек это выходит так. Илона, спокойная

и даже как будто веселая, по-видимому, и не пробовала мухлевать: стояла на вытянутых носках, и хоть бы поморщилась. А Лаиса поправила светлый локон, металлом блеснувший на солнце, ответила географичке скромной полуулыбкой, скользнула равнодушным взглядом по фигурке наказанной в углу и мелодично заговорила:

*Боги, создавшие Маалику и Дагнеман —
О Лора! О Миару! не ваши ли слезы легли вокруг них океаном?
Никкуд, подаривший Закон обитателям смежных стран,
Рагалья, известный своим поведением странным,
Палвади, который пробует так и пробует эдак,
Лер и Ганер, учредители волшебства,
Агви, чей разум, стрелой разящий, меток,
Вас я хвалю и вам говорю слова!*

*Нет ничего, кроме вас, великие боги!
Славим вас крыльями слов, славим вас трепетом лир!
О, если б наши мольбы в ваши проникли чертоги!
Нет никого, кроме вас, боги, создавшие мир!*

Класс, кто в полный голос, кто бубня под нос, кто (как Джагги) лишь шевеля губами, повторил нараспев:

*Нет ничего, кроме вас, великие боги!
Славим вас крыльями слов, славим вас трепетом лир!
Смеем ли думать, что нас слышат великие боги?
Нет никого, кроме вас, боги, создавшие мир!*

Джагги, во-первых, не понимал, почему эту молитву называют географической, во-вторых, был того мнения, что на месте богов он бы обиделся. Значит, создавали, создавали мир, и бац — "нет ничего, кроме вас"! — то есть, ни шиша у вас, эдаких балбесин, не вышло? И потом, если не только ничего, но и никого нет — кто же тогда пытается докричаться до богов, похвалить их и прославить? Полная чепуха. Впрочем — вслух он не признался бы в этом никогда — слова молитвы ему нравились. Как будто темный, глубокий серебряный узор они выкладывали в его голове. Наверное, где-то там на дне узора сидят боги и — Джагги вдруг ясно понял это — и ничего не слушают. Потому что, хоть там и не течет время, им вовсе неинтересно изо дня в день слушать одно и то же.

Лаиса, окончив молитву, взяла пиалу и направилась к божественному столику взять сосуд и налить из него немного амброзии для священного возлияния. Вдруг она картинно запрокинула голову, поднесла руку к горлу и упала, разбив пиалу. Все ахнули. Джагги переглянулся с Кемалисом: оба заметили, что падала Лаиса очень аккуратно, медленно опускаясь в обморок, минуя осколки пиалы. Шира Кадима подбежала к ней, стала бить ее по щекам; Лаиса приоткрыла глаза, застонала и снова закрыла:

— Не нужно... болит голова...

— Уктар! — распорядилась учительница, — беги намочи полотенце! Гамеди, за дежурной магичкой! Быстро! Кисточку, чтобы убрать осколки священной пиалы... За ней я пойду сама, вам нельзя. — Она заботливо подложила свернутый чехол от кресла под голову Лаисы и вышла из кабинета. Лаиса тут же поднялась на локте и посмотрела в сторону наказанной.

— Дура! — зашипела она. — Не стой на носках, пока ее нет! А то пальцы совсем отвалятся!

Илона улыбнулась.

— Ловко ты в обморок падаешь. Спасибо! Но я и не стою на носках. Смотри, — и она плавно взлетела вверх, до уровня крышки соседней парты. Стало ясно, что и до момента взлета она просто висела в воздухе, даже не очень стараясь вытягивать носки.

— Ого, — сказала Лаиса, — ух ты!

Весь класс восхищенно вздохнул. Где-то она должна прятать мощный левитатор — видать, в одежде. И как только она прошла контроль посторонних артефактов у входа?

И тут, конечно, вошла шира Кадима. Следом за ней — дежурная магичка. Шира встретила ее в коридорах. Обе всплеснули руками.

— Ах ты дрянь! — закричала шира Кадима. — Теперь понятно, кто напугал Лаису до потери чувств! — тут она опомнилась и приосанилась. — Бедная девочка. Меритесса Далила, если я не ошибаюсь? Отберите, пожалуйста, у шалуни левитатор, и начнем составлять протокол. Лаиса, вставай, не бойся: чудес не бывает. Мы все это видим, тебе не померещилось. Просто у этой... девочки есть при себе неучтенный прибор весьма высокого класса, а откуда он взялся — на этот вопрос государству ответят ее родители.

— У меня нет родителей, — сказала Илона, поднимаясь в воздух еще выше, как если бы пассы, совершаемые магическим жезлом, ей только

помогали летать. — И левитатора нет.

— Вранье тоже попадет в протокол, — флегматично пообещала шира Кадима, подавая руку Лаисе. Та, судя по всему, уже не видела смысла лежать без чувств. — Меритесса Далила?

— Я не нахожу артефакта, — безучастность, свойственная зрелым магичкам, слышалась в ее голосе. — И в самом деле похоже на врожденное встроенное поле.

— А где источник этого поля? — удивилась шира Кадима.

— Рассредоточен по всему телу, — ответила Далила, водя жезлом по воздуху. — Нет конкретного органа, пораженного магией.

— Уродство, — резюмировала шира Кадима. — Нужно вызывать команду, чтобы ее изолировали. Как же не везет этому классу! — вздохнула она. — Сперва Инезильда, теперь вот это...

Лаиса обошла вокруг крупной идолообразной фигуры шири Кадимы и как ни в чем не бывало села на свое место. Географичка вынула из-за пояса телептон и стала водить пальцем над крохотным экранчиком...

— Меритесса Далила, в сложившейся обстановке я сочла необходимым вызвать команду быстрого реагирования.

— Это ваше дело, — безразлично ответила дежурная магичка. — Все это далеко от моих полномочий.

— Но девочка может быть заразна! Вы ее экранируете до тех пор, пока не придут комбыры с сетями?

— Не вижу смысла, шира Кадима. Природные левитаторы такого уровня разворачивают обычный экран. Поскольку, очевидно, все больные уже выздоровели, с вашего позволения я вернусь на свой пост.

Тут двери кабинета распахнулись, зажужжало чрезвычайно назойливо крошечное насекомое и вошли — а точнее сказать, ворвались — шестеро здоровенных мужчин в зеленых мундирах; Джагги в первый момент не узнал их ни по покрою, ни по пуговицам или рисунку погон.

— Ах, вы так скоро... — зацвела всеми сортами улыбок шира Кадима, — вот что значит быстрое реагирование... А мы пока что своими силами тут с меритессой...

Насекомое поднялось к парящей в воздухе Илоне и оказалось птицей — поскольку оно оставило у нее на плече характерную зеленую метку.

— Ой! — сказала Илона и опустилась в проход между партами. Она покачнулась, и Джагги сорвался с места, чтобы подхватить ее; он был так зол на ширю Кадиму, что, кажется, готов был драться со всей командой быстрого реагирования за эту едва знакомую девчонку. Он вскочил, и

тут же сам получил зеленую метку. Еле устоял на ногах: в первый момент капля птичьего помета так сильно надела на плечо, что удержаться было можно только опершись обеими руками на парту. Но тяжесть сразу ушла, а комбыры не спешили хватать Илону и паковать ее в свои невидимые экранирующие магию сети.

— Что это?.. — спросила учительница, высоко подняв брови. — Это Коготь Рекрутера?

— Малый коготь, шира, — ответил ей человек с невнятным узором на погонах, очевидно, старший в команде. — Не пытайся счистить метку, девочка. Это не то, что ты думаешь.

— А что это? — спросила немного испуганная Илона.

— Это знак выбора, — объяснил зеленый офицер. — Ты назначена в ученики к хармотехнологу Отдела Умиротворения Внешних Скорбей. Сейчас ты пройдешь с нами на пункт связи, чтобы оформить бумаги, потом свободна до завтра, а завтра за тобой придут и сопровождают. Тебя, парень, — он кивнул Джагги, — это тоже касается. Собирай вещи.

Джагги внезапно вспомнил свой сегодняшний сон. Нет, про тех семерых ничего не было — был Коготь Рекрутера, который нес его на крыльях в семью Укротителей Хаоса, и врожденное сродство к четырехрядному рулю открывалось в нем прямо в воздухе. Он потрогал пальцами метку на погонах. Очевидно, этот сон был не вещей.

— Но, орд, не может ли быть, что здесь случилось недоразумение? — растерянно зашелестела географичка, обращаясь к зеленому офицеру. — Эта девочка была наказана за опоздание, орд. Но она не стояла на носках — она висела в воздухе!

— Девочек без врожденной склонности к левитации запрещено учить на хармотехнолога, — несколько не удивившись, кивнул офицер. — Физические нагрузки большие бывают в плане поднятия тяжестей. Тут, шира, сами понимаете, либо мускулы, либо левитация. Третьего не дано. А лучше и то, и другое. Ну? Идем, меченые?

Джагги, уходя, обернулся и оглядел класс. Кемалис провожал его завистливым взглядом: еще бы, ему-то осталось досиживать на уроке шири Кадимы не меньше двадцати минут. Девчонки такими же глазами глядели на Илону. Лаиса сквозь длинные ресницы смотрела лукаво и загадочно улыбалась. И слегка шуршала сама по себе на вечном сквозняке огромная карта: напоминающая контуры человеческого сердца Маалика и вытянутый, похожий на ящера Дагнеман — материки, омываемые со всех сторон океаном. Город Никкудакен, очертаниями как огонь кост-

ра с языками пламени, располагался в центре Маалики — как говорили жрецы, в сердце сердца.

А Фигус прячется в своей диогенке и ничего не знает. Джагги не сможет его предупредить и не услышит его рассказа о том, как поступили семь человек, обманутых козлолаком. И Укротители Хаоса тоже поедут в опасный рейд без Джагги, хоть он и не сморкается в шляпу, и никакой шляпы у него не было никогда.

6. Люди произошли от солдат

Ниола умывалась недалеко от колодца. Мяур подошел к ней и увидел, что перед ней стоят несколько кружек, странных, как будто деревянных. Это местные, из избы. Ниола и поступала с ними странно: нальет в кружку воды, сделает глоток, поставит. Потом снова поднимет, поставит. Мяур хотел было окликнуть ее: может, она еще не проснулась? в общежитии магического училища он видел такое, скажем, парень бесцельно ходит кругами, иногда поднимает стул и ставит его на стол, а позовешь его — очнется; стоит, хлопает глазами и сам не знает, чем это он тут занят. Ниола подняла кружку, отхлебнула, поставила на землю чуть дальше, чем в прошлый раз. Кружка исчезла. Мяур шагнул ближе и чуть не оступился.

— Видел? — спросила Ниола, обернувшись к нему.

— Я схожу за магометром, — сказал Мяур. — Я быстро. Они совсем исчезают?

— Здесь исчезают, а на полке, где посуда, там — появляются, — Ниола махнула рукой в сторону дома.

Мяур пошел назад в горницу и остановился на пороге. У стола, опираясь руками на спинку стула, стоял Гараччи с деревянным ведром на голове. Вакс, Юши и Рейко с интересом за ним наблюдали. Мукт спал.

— Кривой Ус Китобоя... Аллея Влюбленных... Сторож Большого Храма... — перечислял Гараччи глухим голосом, шедшим, разумеется, из ведра.

— Луну-то видно? — спросил Юши.

— Нет, только звезды, — ответил Аччи. — Хотя, если наклонить голову так... Нет, это не луна. Это такая спиральная лестница.

— Ну вот, наконец кто-то увидел Лестницу в Небо, — заметил Вакс.

— Я чувствовал, что для того, чтоб ее увидеть, нужно надеть корыто на голову, — мрачно сказал Рейко.

— Это ведро, — машинально поправил его Мяур.

“Лестница в Небо” — название популярной песни, которая, очевидно, не слишком нравилась Рейко, ну, он вообще придирчив по части слов, а вот Мяур ничего не имел против. Он как-то танцевал под нее с рыжей библиотекаршей, звали ее, кажется, Шиу...

— Тут не всякое ведро поможет, — поддержал его Юши.

— У Ниолы там, снаружи, кружки исчезают, — сказал Мяур.

— Там исчезают, а здесь появляются, — успокоил Мяура Рейко. — Вон,

видишь, хлоп! Зеленая. Там, на полке.

— Мне нужен магометр, — вспомнил Мяур.

Мукт всхлипнул и сел на полу, все еще завернутый в спальник.

— Все магометры лопнули! — он всхлипнул снова. — И кровь из них вытекла.

— Тебе плохой сон приснился? — участливо спросил Юши. Мукт не ответил: он тер глаза и явно сдерживал слезы.

— Давай я тебе помогу, — предложил Рейко Мяуру. — Здесь, в сумке?

— Нет, в рюкзаке у Мукта, — Мяур обошел стол, и они вдвоем принялись шарить среди вещей, довольно плотно упакованных в огромный рюкзак.

— Ай! — вскрикнул Рейко.

— Ай! — вскрикнул Мяур.

Оказалось, что так и есть — все три магометра лопнули. А так как мерительные столбики в них были сделаны из обычного стекла, вбежавшая в комнату Ниола раздала Ваксу, Юши и Мукту перчатки для собирания стекол и занялась порезами пострадавших от магометра. Набор целителя был при ней, и она неплохо в нем разбиралась. Рейко тоже что-то в этом понимал и имел при себе пару-другую зелий, а больше никто и не подумал о том, что в дороге можно заболеть или пораниться — кроме Вакса, у которого пилюли и перевязочные принадлежности были в рабочем наборе, с государственной печатью; это то, с чем он не имел права расставаться. Как бы то ни было, ветеринар явно находил общий язык с лекарствами ловчей, чем хармотехнолог. Вот и сейчас из открытого клеенчатого мешочка Ниолы Рейко выудил склянку с желтым порошком, открутил перевязанными пальцами крышку и высыпал немного порошка себе в рот.

— Больше так не делай, — попросила Ниола. — Тут нужно знать дозу.

Рейко пожевал губами, несколько раз проглотил слюну и сказал:

— Так я и думал.

— Что? — спросил Вакс. — Мы тут все бредим, не так ли?

Гараччи терпеливо стоял с ведром на голове и что-то тихо считал, наверное, звезды или ступени Лестницы в Небо.

— Ну... сдвинуто у нас сознание, — сказал поэт. — И, кстати, теперь я еле удерживаюсь, чтобы не впасть в панику.

— Почему? — Гараччи отвлекся от счета.

— Мы в незнакомом месте, — начал перечислять Рейко, загибая заматанные бинтом пальцы, — мы сбились с пути, и у нас, считай, все равно что нет карты. Мы проснулись, сильно потрепанные магическим полем

неизвестной модальности, и принялись забавляться с его проявлениями — то есть, не отдаем себе отчета о том, в какую... ну... — он оглянулся на Ниолу, — дырку в заднице мы попали.

— Это волшебная дырка, — хихикнул Мукт: теперь его разбирал смех.

— Не вижу проблемы, — возразил Гараччи из-под ведра. — Если магическое поле помогает нам без страха смотреть на вещи...

— Аччи, лично ты в последние полчаса смотришь на стенки ведра и на дно ведра изнутри, — заметил сильно побледневший Рейко.

— А зачем ты его надел? — подхватил Мяур.

— Я хотел посмотреть... — Аччи сделал неопределенный жест рукой. — А мы все уже собрались?

— Ты — нет, — ответила Ниола. — Даже не начинал. И Мукт только начал. Остальные — более или менее.

— Ну и ладно, — безмятежно сказал лидер группы, — мне не нужны вещи. И Мукт обойдется. Я иду к выходу.

Ниола, Вакс и Юши переглянулись. Рейко явно готов был разрыдаться. Юши пошел собирать рюкзак Гараччи, Ниола стала помогать Мукту, а Вакс закрыл дверь и на всякий случай заслонил собой дверной проем. Это сбило с толку Гараччи: он сделал один круг по горнице, потом второй, то и дело спотыкаясь о скамейку и глухо побрякивая ведром, очевидно, о кости головы. Он шел и бубнил себе под нос:

— Я поведу вас! Я выведу вас на светлую просеку. Нужно только найти, где тут дверь.

— Может, снять с него ведро? — робко спросил Мяур.

— Да какая разница, — обреченно махнул рукой Рейко. — Что это меняет?

Мяуру показалось странным, что никто из старших не считает нужным вынимать из ведра голову Гараччи, но это было мимолетное удивление, и оно быстро прошло. Он читал в учебнике про закмасы — заколдованные места достаточно, чтобы понять, что изба, скорее всего, и была закмесом. На разных людей закмасы действуют по-разному; вот Мукта, например, хорошо накрыло, Рейко сумел сообразить, что для прочищения мозгов нужен вестфаль (и он содержался, конечно, в горчичном порошке), Вакс выглядит почти не затронутым, да и Юши с Ниолой, а Гараччи... А Рагалья его знает, ведро ведром, но разве он в ведре не похож на себя? Он же всегда такой. Вот он терпеливо ходит кругами и теребит рукой артефакт, висящий на шее: светящийся диск и как будто выходящие из него спиральные рукава. Вакс следит за ним настороженно и не спускает

глаз с этого диска, так что это точно действующий артефакт. Обычному украшению хармотехнолог не завидовал бы. Или он не завидует, а боится, что Аччи приведет это в действие? Ниола вынимает из аптечки пакет с желтым порошком, на кончике стеклянной палочки дает крошечную дозу его Мукту, колеблясь, глядит на Гараччи — но принимает решение и прячет пакет назад.

Когда все собрались, Вакс спокойно открыл дверь и выпустил лидера группы. Тот, балансируя при помощи рук (рюкзак его Вакс и Юши несли вдвоем), сошел с крыльца и направился прямо к колодцу, еще раз поймал равновесие, встал на бревенчатую стенку и шагнул прямо в воду, бумкнув о ворот ведром головы. Раздался всплеск.

— Нет! — воскликнула Ниола. Она, не снимая рюкзака, бросилась следом.

— Она прыгнула в колодец вниз головой, — вяло проговорил Рейко.

Вакс и Юши подтащили к колодцу рюкзак. Мьяур оторопело смотрел на них. На лбу его проступил пот. Двое старших вскинули рюкзак Гараччи на бревенчатую кладку и столкнули его в воду.

— Делать вам нечего, кроме как швыряться какими-то бессмысленными мешками, — раздался со дна колодца недовольный голос Гараччи.

— Идите все сюда. Если у вас есть ведро, наденьте его на голову. А то Ниола тут воды наглоталась, а я никак не могу вспомнить, как делается искусственное дыхание. Так, что ли... или так?

Рейко вскочил, глубоко вдохнул и прыгнул в колодец, зажав нос. Вакс достал из рюкзака котелок, покрутил его в руках и надел на голову Мукту. Юши достал из рюкзака Мукта экранирующую каску и надел ее себе на голову, нарочно утопив в ней лицо. Втроем они прыгнули в колодец. Мьяур натянул на лоб капюшон и последовал их примеру.

Вода в колодце, бог весть почему, вращалась и воронкой тянула вниз. Когда воздух кончился и в легких проснулась боль, нужно было очень постараться, чтоб не вдохнуть. Потом был странный, неприятный момент, когда за мозг как будто схватили щипцами — и Мьяур упал на каменную площадку. На ней никого не было.

Мьяур развязал рюкзак, заговаривая непослушные пальцы, и среди инструментов отыскал телептон. Фильтр из него выпал, но у Мьяура были щипцы и ключ, так что он сумел вставить фильтр и даже подтянуть заглушки. Дыхание еще не восстановилось, и Мьяур мысленно поблагодарил Палвади за то, что аппарат оказался старого образца. Когда его используешь, говорить вслух необязательно, потому что его собирали,

когда запрет на разговоры без слов еще не вошел в силу. Умельцы, конечно, и из новых вынимали сигнальный барьер, но сделать это было очень непросто, и к тому же смертельно опасно. Мьяур покрутил разрядный диск и про себя позвал Мукта.

— Мукт!

Ему ответили:

— Мукт.

Мьяур спросил:

— Ты со всеми?

Ему ответили:

— Ты со всеми.

Мьяур спросил:

— Я что, сам с собой говорю?

Ему ответили:

— Ой говорю.

Мьяур прервал контакт, сел там, где стоял, и задумался. Церебральная зеркальная стена не так давно в училище была темой для реферата, но Мьяур выбрал другую. А что он сам знал про эхоцеребреллы? Что они могут быть локальными, а могут быть нелокальными. Что они могут иметь произвольное время жизни. Что они могут возникать практически из-за чего угодно, от выбросов информации, навсегда лишенной адресата, до “бабкиного сглаза”, проклятия низшего уровня, наложенного на телептон. Все это неконструктивно. А потом — тренеры, конечно, повторяют, что думать вредно, вместо этого имеет смысл следовать инструкции — но все-таки какая-то мысль мешала Мьяуру признать свое поражение. Нелепо предполагать, что со вчерашнего дня, когда они ушли в лес, у Мукта поменялся идентификационный номер. Но, может быть, попробовать другие контакты? Мьяур решил позвать Вакса: когда-то, в прошлой жизни, когда он ходил по мощеным улицам и ел из фарфоровой посуды, он очень гордился тем, что имел номер настоящего хармотехнолога. Пальцы уже не так дрожали, и с диском Мьяур справился быстро.

— Вакс? Ты где? Вы там как?

— ДУРАК! — вдруг заорал телептон.

— Я ничего не понимаю, — сказал Мьяур. Он почувствовал, как слезы подступают к горлу. Сейчас он швырнет прибор и просто будет рыдать. Все равно никто не увидит, потому что он здесь один. И будет один до скорой смерти.

— Кнопку нажми, — сказал телептон голосом, немного похожим на голос

Вакса. — Прерви контакт. Быстро.

— Ой! — сказал Мяур. Он не хотел прерывать контакт. — Да я же только...

— Сейчас будет тебе взрыв, кретин, — пообещал телептон. И взорвался. Мяура отбросило к каменной стене. Было больно от ушибов и от отчаяния. Он заплакал. Запрокинул голову к небу. Неба не было. Сверху, с лестничной площадки, через перила перегнулся Вакс и дергал веревку, проверяя, хорошо ли привязана.

— Вакс! Ты иллюзия?! — обожженный бичом надежды, подпрыгнул Мяур.

— Может, я и иллюзия, — недобро сказал Вакс, — но таким, как ты, я бы отстригал пальчики. Для их же пользы.

Когда Мяура подняли и помешали Ваксу надавать ему пощечин; когда Мяур объяснил, что и как он подумал, а Вакс на это сказал, что лучше бы он не думал, а соблюдал инструкцию по технике безопасности; когда Мяуру стало плохо, а его откачали — Гараччи заявил:

— Я потерял ведро.

— Мы заметили, — за всех признался Юши.

— Теперь я ничего не вижу, — сказал Гараччи.

— А что ты видел, когда был в ведре? — спросила Ниола.

— Неважно, — помрачнел Гараччи. — Но я хорошо понимал, куда нам идти. А теперь этой ясности нет.

— Зато нет и выбора, — пожал плечами Рейко. — Нам вниз по спиральной лестнице. Мяур, можешь идти?

— Да, — сказал Мяур, которого напоили водой из фляги, а Ниола к тому же дала ему мятный леденец, — только пусть кто-нибудь спускается между мной и Ваксом. А то я хочу ему задать вопрос, и — вдруг он будет драться?

— Да уж спрашивай, — вздохнул Вакс. — Вообще-то, как правило, я не буйный.

— Я пойду за Ваксом, а ты иди за мной, — сказал Мукт.

Все стали спускаться друг за другом. Первой хотела идти Ниола, но Рейко ее обогнал (потому что первый в незнакомом месте рискует), а его обогнал Гараччи (потому что ему стало скучно выдерживать общий темп спуска). За ними шли Вакс, Мукт и Мяур, а Юши на сей раз был замыкающим.

— Я про безопасность, — начал Мяур. — что у меня было с телептоном? Почему он сначала зеркалил, а потом взорвался?

— А что у тебя в инструкции по этому поводу сказано? — вкрадчиво поинтересовался Вакс.

— "Категорически запрещено совершать с прибором действия, не предписанные настоящей инструкцией".

— Понял, — вздохнул Вакс. — Ну, хоть бы этой инструкцией руководствовался...

— Да я делал все, как обычно! — взорвался Мяур. — Я вызывал просто! Сначала попробовал вызвать Мукта, а ничего не вышло...

— Вышло, — сказал Мукт.

— Ты слышал? Ты слышал мой голос? А что же ты не ответил? — растерялся Мяур.

— Нет, не твой. Женский. Мне в ухо кто-то сказал: "Примите вызов с того света".

— И ты отказался? — спросил Вакс.

— Я... не ответил ничего. Я растерялся. Молчал, — нехотя признался Мукт.

— А почему, что это было? — Мяур пришел в себя и снова потребовал объяснений, — Я что, умер? А теперь как — воскрес? Это что за такие чудеса?

— Чудес не бывает. Ты выпал из реальности, — сказал Вакс.

— Точно! — обрадовался Мукт. — И там есть в инструкции такое место! "В случае выпадения из реальности запрещается активировать внешние контакты, кроме сети дежурных спиритологов "Зуммер". Предписывается немедленное установление связи с упомянутой сетью. В случае нарушения..."

— Вот именно, — подтвердил Вакс.

— Я из колодца выпал, — сказал Мяур. — Как и ты, и вы все. Вы тоже выпали из реальности?

— Нет, — терпеливо сказал Вакс. — Видишь эту лестницу? У нее какая спиральность?

— Не знаю, — сказал Мяур.

— Правая, — сказал Мукт.

— Правая. А ты промахнулся, выпал на левую. Понял?

— Нет, — сказал Мяур.

— А это всегда так? — спросил Мукт. — Если на левоспиральную попал — выпал из реальности?

— Не всегда, — скучно ответил Вакс, — только в некоторых местах. И в присутствии некоторых артефактов.

Мяур и Мукт переглянулись. Они оба чувствовали, что не только ясность по поводу правой и левой спиральности не наступила — наоборот, мир стал сложнее, его бока перепутались. Но Вакс явно не был расположен их просвещать: он шел по лестнице, смотрел себе под ноги и ворчал себе под нос что-то об учителях-халтурщиках и о круглых невеждах.

— Аччи! — вдруг громко позвал Рейко. Неизвестно почему на лестнице была великолепная акустика, и даже откуда-то возникало эхо, сопровождающая и как будто усиливая звук.

— Чего тебе? — недовольно крикнул Аччи, явно ускользнувший далеко вперед.

— Во-первых, подожди нас. Во-вторых, есть вопрос.

Когда дошли до следующей лестничной площадки, на ней сидел и ждал хмурый Гараччи. Он сидел на каменном полу. Ограждающих перил в этом месте не было, так что его ноги свешивались в пустоту. Лидер группы сидел на краю бездны и болтал ногами.

— Обед, что ли, решили устроить? — спросил он.

— Мы, между прочим, не позавтракали, — заметил Юши.

— Забыли, — сказал Вакс. — Но это нормально. Избушка так действует на людей.

— У нас вода только во флягах, — неуверенно сказала Ниола, — может быть, стоило бы ее поберечь...

— Вода-то будет, — сказал Гараччи. — Либо в конце, либо еще раньше, прямо на лестнице.

— Откуда ты знаешь? — спросил Мукт.

— Знаю, и все, — буркнул Гараччи, по-видимому, бессознательно поглаживая сверкающий диск двухрукавного артефакта.

— А лестничные площадки еще будут? — спросил Юши.

— Нет.

— Значит, здесь и позавтракаем, — решила Ниола. Она чувствовала, что надо бы избежать обсуждения того, что Аччи знает про лестницу и каким образом это стало ему известно.

Когда поделили уже слежавшийся хлеб и козий сыр, Рейко позвал:

— Аччи!

— Ну? — обернулся тот.

— Где ты взял козлолака?

— Увел с фермы, — нехотя сказал Гараччи.

Тут даже Юши чуть не выронил флягу, которую уже подносил ко рту.

— Ты проник на секретную территорию? — спросил Рейко.

— Ну, проник.

— А... почему ты до сих пор жив?

— Что мне, удавиться для твоего удовольствия? — огрызнулся Гараччи. Ниола сидела бледная, как луна в Мертвый Рассвет. Она не притрагивалась к еде и, похоже, была не в силах пошевелиться.

— Кто тебе сделал пропуск? — спросил Юши.

— Никто не делал. Я из портфеля у деда морок взял.

— Разве после его смерти вещи не опечатали? — Вакс казался очень удивленным.

— Опечатали. Увезли все. Только дед этот портфель мне оставил. И на нем постоянный морок стоит, он не выветрился до сих пор. Его только я вижу. А другие, когда на него смотрят, видят каждый свое.

— А что офицер видел, который заведовал обыском?

— Чугунную балерину, — сказал Гараччи. — А яблоки остались?

Ниола очнулась от этого вопроса и протянула ему зеленое яблоко. Гараччи благодарно кивнул ей, вонзил в него зубы и стал жевать с хрустом.

— А как ты прошел через железных охранников? — спросил Вакс, очевидно, представлявший себе обстановку на ферме.

— Не проходил я, — глядя в сторону, буркнул Гараччи. — Мой морок туда прошел. И позвал этого козла.

Мяур и Мукт перестали жевать и глядели на Гараччи, тараща широко распахнутые глаза.

— Это что же за морок такой? — спросила Ниола.

— Голая баба, — вздохнул Гараччи.

— Поясни, — сквозь смех выдавил из себя Рейко. Ни Вакс, ни Юши, ни Ниола, однако, не смеялись.

— Баба, понимаешь? — разозлился Гараччи. — Женщина. Без штанов. И это, — он показал руками, — сиськи, там; разное.

— И как же ты догадался запустить туда такое? — спросил Юши.

— Да не догадывался я! Я пришел и подумал — знаешь, игра такая есть? Я подумал: "Мне повезет". И разбил этот шар.

— Ах, таакой морок! — хором сказали Мукт и Мяур.

— Да. Серьезный. Я думал — серьезный. А тут она. И смотрит. Крутит этим местом так... "Есть задание?" — спрашивает. Ну я ей и сказал: "Приведи мне козла". Трудно говорить с ними, понимаешь?

— Могу себе представить, — усмехнулся Юши.

— А она смотрит. Своими глазницами. И говорит: "Которого?" Ну, я говорю — который с рогами. А она мне: "Они все с рогами". И смотрит

так.

— А ты? — спросил Мяур.

— А я еле вывернулся, в смысле, взгляд вытащил из-под ее контроля, в сторону гляжу. И говорю: "Мне вот которые в мундирах, те не нужны. А нужен — хоть бы вон тот, на веревочке".

— А она? — спросил Мукт.

— А она хихикает так, порочно хихикает. "Опасный, — говорит, — выбор. Ну, прощай". И идет прямо через железных. По гвоздям идет босыми ногами, и ей хоть бы что. Но я чувствую сквозь ботинки.

— Она идет, а ты чувствуешь? — уточнил Рейко.

— Да! А эти охранники — они плевуны, грабли свои побросали, и прямо к ней! А она идет.

— А потом? — спросил Мяур.

— А потом — потом, короче, они приставать к ней стали. Повсюду трогали. И я. это... короче.

— Ты это тоже чувствовал, что ли? — спросила Ниола.

— Ну. Противно. Тебе бы так, — сердито сказал ей Гараччи. — Ну а потом... в общем, она как бы сквозь них прошла.

— А они что? — спросил Мукт.

— А они не заметили. Стоят, друг друга трогают, обнимают, улыбки до ушей. А она к козлу подходит. Смотрит. Повернулась, пошла в мою сторону. Он порвал веревку и за ней.

— А потом? — Ниола спросила с замирающим сердцем.

— А потом... сквозь меня она прошла. А этот козел не смог.

— Что он не смог? — удивился Юши.

— Пройти сквозь меня он не смог, дурак! И я веревку взял, и мы побежали.

— Так, — сказал Юши. — Ты отдаешь себе отчет, что это был не морок? В смысле, вот эта женщина?

— Да понял я уже давно. Суккуб это был, настоящий. У деда в шарике. У нее и зубки остренькие вот здесь, — Гараччи показал пальцем у себя во рту, где именно.

— И ты теперь... думаешь о ней? — спросила Ниола.

— Куда ж я денусь, — сплюнул Гараччи. — Ты бы сама попробовала.

Помолчали. Мяур и Мукт опять принялись жевать.

— А бумага у тебя откуда была? — спросил Рейко.

— Да так, бланк у меня был, — отмахнулся Гараччи. — Только не настоящий. Ну, я немного его переделал, когда мы остановились передохнуть.

Я веревку его вокруг дерева обвел несколько раз, чтоб он не дергал ее у меня из рук, и с этим бланком повозился немного.

— А что ты там, на ферме, взять-то хотел, когда шел туда со своим "мо-роком"? — спросил Вакс.

— Да грабли же, Леру в уши, Ганеру в рот, — Гараччи удивленно посмотрел на Вакса. — Ну, у них такие — наступишь на них, и грохот, дым иногда, какие-то доски падают. Я видел, когда маленький был, дед меня водил смотреть на жар-птицу.

— Я тоже слышал про такое, — нахмурился Рейко.

— У них это, чтоб скот пугать. А нам — отвлекающий маневр, — объяснил Гараччи. — Ну, был бы, если б не этот козел.

Он отхлебнул воды, передал флягу Мукту, поморщился: ему хотелось чаю.

— Аччи, — вдруг решила Ниола, — а что тебе дед рассказывал про богов?

— Ну ты спросила! — поразился Гараччи. — Да он же не теолог, ты больше него знаешь, небось.

— У меня нет допуска, — сказала Ниола. — Я знаю только то, что в открытом доступе. А у Алана Нери был доступ последней ступени.

— Информацией такого уровня с малолетними внуками обычно не делятся, — добродушно заметил Вакс.

— Что-то он рассказывал... — возразил Гараччи. — Но, может, это он сам насочинял просто так.

— А что, скажи! — попросила Ниола.

— Ну, палец Лера мне в чай... Я так с ходу не умею, может, потом, если вспомню что. Сейчас только помню, как играли в солдатиков.

— В бумажных? — спросил Мукт.

— В картонных, — ответил Гараччи. — И тогда он рассказывал, как боги водили по земле большие армии. Я его, кстати, спрашивал, кто сделал небо и землю.

— А он? — спросила Ниола.

— Отмахивался как-то, — улыбнулся Аччи. — Говорил, мол, материалы всегда под рукой, а дурацкое дело нехитрое. Еще говорил, что такое сделать легко, а трудно, наоборот, удержаться.

— Допустим... — подняв на него глаза, с интересом сказал Вакс.

— Да, вот он больше говорил про войны. Карту рисовал — это я из-за него хотел в географы, такая у него получалась пестрая карта. И мы солдатиков на ней расставляли. И вот тут стоял Никкуд — он не любил

нападать, в основном защищался. Непонятно, зачем он вообще ввязался в эту игру.

— А Лора и Миару? — спросила Ниола.

— О, эти были очень воинственны! Особенно... да обе. У них была общая армия и общая территория. — Гараччи как будто видел перед собой в сером камне карту, и двигал руками, расставляя солдат.

— А Палвади? — с улыбкой спросил Рейко.

— А Палвади вообще не базировался на Маалике. Может быть, у него были какие-то силы на Дагнемане, и какое-то оружие, в общем, технику он там точно испытывал. Не уверен, что на него кто-нибудь напал.

— Боялись? — Вакс приосанился.

— Ну — да. — Гараччи поднял на него глаза и как будто смутился.

— А как были... а какие были Лер и Ганер? — тихо спросил Мукт. Мяр только сверкал глазами.

— Непоседливые, — улыбнулся Гараччи. — Но зато очень толковые. Одинаковые — близнецы. Они, ну — изучали информацию. Все время ссорились и заключали с кем-нибудь друг против друга союзы, но и мирились быстро.

— Ну а как насчет Агви? — спросил Юши.

— Агви был хитрый! — вспомнил Гараччи. — И умный, гад. Но ему уж точно нельзя было верить на слово. Города брал на одной дипломатии.

— А кого из богов больше всех любили люди? — спросила Ниола.

— Людей... не было, — вдруг ответил Гараччи.

— Как не было? — Ниола удивилась.

— Люди произошли от солдат, — твердо сказал Гараччи.

— А кто же тогда солдаты? — спросил Рейко.

— Солдаты — это солдаты, — объяснил Аччи. — Ну, такие, что ли, аппараты.

— Их магия двигала? — спросил Мяр.

— Не знаю, — подумав, ответил Гараччи. — По-моему, нет.

— Постой, — тронула его за плечо Ниола. — Ты скажи все-таки. Как это — люди произошли от солдат?

— Да понимаешь, это Рагалья напакостил, — рассеянно сказал Гараччи, что-то про себя вспоминая. — Там такая история была: каждый управлял своими солдатами — примерно как через мощные телептоны, только тогда не было телептонов. Ну, богам их не нужно. Ну, управляешь, отдаешь приказы, туда-сюда перебрасываешь. Офицеров никаких не было, только солдаты. И их можно было перехватывать целыми боевыми еди-

ницами, вот Агви это любил, но Лора с Миару тоже не отставали. Да в общем, все это делали. А Рагалья, как задумает себе что-нибудь новое, теряет бдительность, ну у него все войска увели, естественно, сразу.

— И что же, он тогда людей сделал, чтоб за него воевали? Это Рагалья-то? — удивился Юши.

— Да нет, — сказал Гараччи. — Я же говорю: люди получились из солдат. Рагалья их заразил такой штукой, знаешь, есть у никкудаков понятие — свобода воли.

— Оно у всех есть, — пожал плечами Юши, — при чем тут никкудаки.

— Ну пускай, — покладисто признал Гараччи, — так вот он взломал их управление; у каждого немного свое было, но он, я так понимаю — он все взломал. По крайней мере, все, что было на Маалике.

— А на Дагнемане? — быстро спросил Вакс.

— А этого я не знаю, — вздохнул Гараччи. — Или не помню, или дед не рассказывал.

— А почему он просто не перехватил управление? — спросил Юши. — Не смог?

— Может быть, не смог, — медленно сказал Гараччи, — а может быть, ему просто интересно было напакостить. И любопытно, что из этого выйдет.

— Смешная история, — сказал Рейко. — Кажется, я догадываюсь, что было дальше. Никкуд начал писать законы...

— Именно так, — Гараччи рассмеялся. — Никкуд стал писать законы природы. Ну потому что, вы же понимаете — начался хаос. Солдаты сами стали принимать решения, пошел полный разброд, там еще расцвела иерархия — все хотели быть офицерами. Боги еще попробовали делать новых солдат, но старые их убивали.

— Почему? — тихо спросила Ниола.

— Боялись их, что ли... Ну да — они воспринимались как посланцы богов, призванные уничтожить людей. Да такими они и были, наверное...

— Гараччи посмотрел на часы. — Эй! Мы тут сколько будем сидеть? — Он вскочил.

— Да, надо идти, — подтвердил Вакс, — будет очень нехорошо, если мы не успеем спуститься до темноты.

— А почему? — спросил Мяур.

— Потому, что тогда нас не будет, — ответил за Вакса Гараччи. — Флягу хватай; остатки хлеба ко мне в рюкзак. Если будем живы, завтра уже переходим на сухари, а сегодня вечером пока хлеб.

И они продолжили свой довольно однообразный спуск. В этот раз пер-

вым пошел Вакс, а Гараччи, что-то бубня себе под нос, отчего-то решил заделаться замыкающим. На Мукта большое впечатление произвела сказка про солдатиков. Он то и дело теребил Мяура, находя в том, что знал из истории Никкудакена и всей Маалики, то подтверждения, то опровержения странной версии о происхождении людей от солдат, и требуя, чтобы Мяур поддержал его или ему возразил. В какой-то момент он заявил, что нашел очевидную дырку: если от солдат произошли люди, то как они разделились на два пола, и вообще как они размножались? Мяур не мог ему на это ответить, так что Мукт пытался докричаться то до Вакса, то до Гараччи, но из-за того, что цепочка путешественников растянулась вдоль лестницы, они не могли его услышать, а может быть, не хотели перекрикиваться с ним издали; так или иначе, они не отзывались. Наконец Ниола, шедшая прямо за ними, поинтересовалась, с чего это Мукт взял, что солдаты не были сотворены двуполоыми сразу, а Юши, который шел перед ними, добавил, что это было бы самое простое решение — чем всякий раз изготавливать новых солдат взамен погибших, усердно поправляя ошибки творения, которые могли привести автоматы к смерти, проще обустроить им половое размножение, и тогда постепенно они будут сами эволюционировать в нужную сторону. Мукт над этим задумался и затих. А Мяур сам шел, как автомат, и воспринимал разговоры вокруг как будто через толстую вату. Почему-то именно сейчас, после завтрака, по дороге с последней лестничной площадки вниз по ступеням, он окончательно понял, что он, Мяур, смертен и, может быть, очень скоро умрет.

Чем это таким сероватым и слегка поблескивающим затянуто небо, где там на нем светила, да и есть ли небо над головой у тех, кто провалился в дыру под колодцем, было неизвестно. Чувствовалось, однако, что вечер близок, и на группу путешественников вот-вот начнет оседать темнота. На каменные ступени стала выползать живность. Мяур заметил это, когда справа, у подножия перил, поймал взгляд. Он слегка замешкался, увидел довольно неприглядную многоножку с лапами, выгнутыми в обратную сторону к направлению движения. Она была подходящего размера, не больше мизинца, вот только у нее были совершенно человеческие глаза.

— Мяур, не стой на месте, — мягко подтолкнула его Ниола, подошедшая сзади. — Ну? Что у тебя там?

— Глаза, — ответил Мяур.

— А! — Ниола взглянула на многоножку. — Да, они здесь все почему-то

такие... антропоморфные до мурашек по коже. Нужно скорее спускаться, Мяур.

Мяур послушно двинулся дальше, нарочно не задерживая взгляд на колонии крупных рогатых жуков через три ступени. Разумеется, и у них были именно такие глаза.

— Ух какие глазастые! — через несколько дюжин ступенек сказал Мукт.

— Похожи на тех солдатиков! В саду таких небось не увидишь.

— Это — не обычные насекомые, — сказал Мяур.

— Ну да, я и говорю, — поддержал его Мукт.

— Мне кажется... — голос Мяура дрогнул, — мне кажется, они предвещают смерть.

— Кому? — спросила Ниола.

— Мне... и всем, — спохватился Мяур.

— Ну и зачем они стали бы утруждаться? — насмешливо спросил Юши.

— Смерть сама по себе является сообщением. Какой смысл сообщать об одном и том же два раза?

— Лер и Ганер иногда множат сущности, — примирительно заметил Рейко. — Смысла, может, в этом и нет, но бывает всякое.

— Да я вам хоть десять раз еще предскажу смерть, если вы не ускоритесь, — сзади подал голос Гараччи. — Она прямо тут, у вас на носу.

Все замолчали и прибавили шаг. Не так-то это было просто: ноги гудели, ноша оттягивала плечи, магический инвентарь в рюкзаках Мукта и Мяура к тому же постоянно шевелился, что-то фиксируя, отзываясь на какие-то сигналы. Это было простейшее оборудование, но ведь и инструменты самого низкого класса предсказуемы не всегда.

— Через три ступеньки! — прилетел крик Вакса из головы цепочки, где-то далеко впереди.

— Что через три ступеньки? — удивился Мукт.

— Прыгай через три ступеньки, — Юши оглянулся и потянул его за руку. Мукт чуть не упал. Мяур побежал за ним, уже ничего не видя и не слыша. Он ни разу не обернулся назад.

У подножия лестницы он прыгнул вниз “рыбкой” и приземлился плашмя. Рюкзак без лишней нежности прихлопнул его сверху. Мяур ждал взрыва, боли, огня, грохота. Ничего не происходило. Он вылез из лямок рюкзака, перевернулся на спину. Лестницы не было.

Да, не было на прежнем месте спиральной лестницы, а шелестела там стена леса, видимая с опушки. Небо было ясным, на нем светило солнце, и до заката явно было еще весьма далеко.

— Все кончилось?! — Мяур не верил своим глазам. К горлу подступало ликование. Даже воздух был здесь другой — свежий и вкусный, и лес был — в меру опасный, в меру мрачный изнутри, на просвет, но все же тот самый, уже привычный, волшебный лес. И смерти не было. Ему хотелось обнять прежде всего Мукта, потом Ниолу... он оглядел молча стоявших рядом товарищей...

— А где Ниола? И Аччи? — спросил Мяур.

— Остались на лестнице, — Мукт ответил ему нетвердым, прерывающимся голосом. Больше никто ничего не сказал.

7. Рыбы соленых вод

В Нижнем отделении Большой Канцелярии Джагги столкнулся нос к носу с Фикусом. Его сопровождали офицеры в таких же зеленых мундирах. На нем была его обычная рваная хламида, а на плече этой хламиды — птичья метка.

— Ты тоже?! — хором воскликнули мальчишки.

Илона захихикала. Фикус заметил ее и приосанился. Джагги вспомнил о манерах.

— Фикус. — Илона. — церемонно представил он их друг другу.

— Очарован, — мужественно выговорил положенное (по его мнению, идиотское) приветствие Фикус.

— Я много о вас слышала, — улыбнулась Илона.

— Да? Это кто же мог вам обо мне рассказывать? — Фикус несколько вышел из роли и свирепо взглянул на Джагги. Тот еле заметно помотал головой.

— Не мне, — невинно сказала Илона. — Друг другу. Вас часто упоминают в разговорах.

— Вы что, так и будете на "вы"? — удивленно спросил Джагги, так и не дождавшись, когда обмен любезностями завершится.

— Не сегодня, — вмешался подошедший к ним офицер. С ним была женщина в зеленом мундире, но только ее форма одежды включала в себя юбку и туфли на высоких каблуках. — Орда Аяна, примите школьницу.

— Пойдем, дорогая, — орда Аяна, усталая пухленькая блондинка лет тридцати, улыбнулась неожиданно доброй улыбкой. — Не каждый день Коготь Рекрутера метит девочек в группу хармотехнолога!

— Это был малый Коготь Рекрутера, — зачем-то уточнил Джагги.

— Ну-ну, — кивнула ему орда Аяна, — не переживай, тебе тоже сильно повезло, — взяла Илону за плечи и повела ее прочь.

Джагги и Фикуса тоже увели в какой-то кабинет, где их осмотрел человек в птичьей маске, клюв которой был, очевидно, силиянс-телептоном класса не ниже третьего, поскольку другой человек у экранной доски в такой же маске по мере осмотра молча рисовал контактными мелом схему Джагги и схему Фикуса. Потом был другой кабинет — круглый черный, потом черный квадратный, после уж пошли геометрические фигуры с более сложной симметрией. В глазах рябило. В какой-то момент им сказали, что сейчас будет самый главный тест, и в то же время самый простой. Выдержат ли они полтора часа сенсорной депривации? Это значит — им объяснили — каждого из них положат в бочку, в солоноватый раствор, и там они будут просто лежать в темноте. И вот если попросятся наружу — их вернут в школу, если, конечно, уроки там еще не закончились. Ах, Фикус не школьник? Ну, значит, где нашли, туда и вернут. Фикус только посмеивался. Каждую ночь он ночевал в диогенке, а они рассчитывают испугать его бочкой, которая к тому же будет попросторнее эдак раза в два. Джагги не имел подобного опыта и не был в себе так уверен; другое дело, что он не знал, точно ли он хочет стать хармотехнологом. Хотя... если ему не судьба рулить Ухами — вряд ли остается что-нибудь интереснее.

Бочки, в которые поместили их с Фикусом, имели звукоизолирующие стены, так что переговариваться не получилось бы — даже если б за ними не следили посредством датчиков. Лежать в бочке было не то чтобы не очень приятно, но несколько страшновато. Если б можно было хотя бы узнать время и сообразить, сколько осталось. Держаться за свое “я” было трудно. Краями глаз Джагги видел, как что-то белое, прозрачное мелькает над водой, на пределе слышимости до него долетали то шепоты, то шорохи. В какой-то момент это стало невыносимо, и Джагги собрался было стучать в стены кулаками, как вдруг услышал в голове вызов.

— Фикус? — едва шевеля губами, спросил он.

— Не говори ничего, а то за тобой могут прийти, — произнес в голове голос Фикуса. — Просто думай, ладно?

— У тебя что, есть телептон? — про себя спросил Джагги, стараясь расслабиться и не шевелиться.

— Да нету, говорил же уже, — в голосе Фикуса явно слышалась досада, хотя и самого-то голоса, строго говоря, слышно не было. — Я и так могу.

Сам.

— Ты коммуникант?! — Джагги дернулся, вода заволновалась, он тут же вытянул руки и ноги, закрыл глаза и без сопротивления закачался на утихающих волнах.

— Похоже на то, — вроде бы не без гордости улыбнулся про себя Фигус — и Джагги совершенно ясно понял, что он именно улыбнулся.

— А что ж ты тогда... мы же могли и раньше все друг другу рассказывать без помех, так, чтобы не бояться будочников! — уже недоумевал Джагги.

— У меня не всегда получалось. Редко, — неохотно объяснил Фигус. — Я только сейчас понял, как.

— Здесь, в бочке? — удивился Джагги.

— Ну да. Как-то, знаешь... располагает.

— А я смогу? — Джагги мысленно прикинул перспективы, которые открылись бы перед Джагги-коммуникантом.

— Это ты разбирайся сам, — засмеялся Фигус. — Как учить этому, я не знаю.

— Тогда расскажи, что с ними было дальше! — вспомнил Джагги. — Про тех семерых! Я же не видел.

— Да я и собирался, — как бы махнул рукой Фигус. — Все. Начинаю. Фигус рассказывал, а Джагги тренировал силу воли, стараясь не отзывать жестами, когда рассказ его тревожил или просто производил на него впечатление — не шевелиться.

Когда Фигус закончил, Джагги молчал про себя, как там, в истории из сна, молчали все, кроме Мукта и Мяура. Ему было жаль красивую девушку — он вспоминал почему-то рисунок Фигуса, который так и остался в его портфеле — жаль почти до слез, хотя плакать он, конечно, не собирался. Он так привык к Гараччи — бесстрашному, рассеянному, бестолковому. Как они умерли? Что чувствовали в последний момент? Рассказ не прояснил этого — а Джагги почему-то казалось очень важным именно про них это знать. Когда он наконец собрался с мыслями, намереваясь обсудить с Фигусом сравнительно нейтральную тему богов, людей и солдат, верхние половины бочек стали сдвигаться, и глаза, привыкшие к полной темноте, слегка обожгло мягким светом.

— Ну как, рыбы соленых вод? Прошли через опыт измененного сознания? — весело спросил молодой лаборант, по очереди помогая мальчикам выбраться из своих контейнеров.

Джагги пожал плечами. Фигус улыбнулся. Они привыкли молчать.

Их переодели в загадочные черные с серым одежды — видимо, форменные — и повели в очередной кабинет. Это оказалась обычная светлая, просторная комната, за столом сидело двое, очевидно, ученых магов-антропологов, у стены стояло несколько зеленомундирных офицеров. Перед антропологами лежали мутновато-серые пластинки с записью датчиков из тех здоровенных бочек.

— Ну, давайте поговорим, — улыбнулся тот, что постарше, с бородой и в круглых очках. — Сначала с тобой, — сказал он Фикусу.

Джагги, все еще огорченный судьбой погибших героев их с Фикусом общего сна, отвлекся, не прислушиваясь к обстоятельным вопросам антропологов и односложным ответам его товарища. Он стал смотреть в окно на прямоугольный кусок неба и выступающий на нем черный артефакт-коммуникатор, похожий на те башни, которыми в случае чего пользуются будочники, но явно более мощный, толщиной с дуб. От него и правда отходили какие-то ответвления, которые при очень большом желании можно было счесть засохшими ветками. На одной из них сидела птица-хрипун, на другой — ворона.

— Ну а ты, — вдруг позвал его старший антрополог, — согласен со своим другом?

— Простите, я немного отвлекся и не расслышал вопроса, — смущенно ответил Джагги, — но раз Фикус сказал “да”, значит, “да” и есть.

Пока он говорил, все офицеры, скучавшие у стены, обернулись в его сторону и принялись разглядывать его с большим интересом. Антропологи засмеялись.

— Я что-то не так сказал? — обиделся Джагги.

— Да нет, — ответил все тот же маг, — просто ты здесь за долгое время был первым, кто что-либо сказал вслух.

И Джагги с ужасом понял, что рот антрополога только теперь начал двигаться, формируя звуки.

— Так что, мерит Соргоди? — спросил офицер.

— Оба коммуниканты, орд, — ответил маг, — один ярко выраженный, другой послабее, но это им не помешало общаться в ходе эксперимента.

— То есть, опыт нужно считать проваленным? — спросил офицер.

— Как сказать, — вмешался второй антрополог, — сенсорной депривации в строгом смысле слова с ними, может, и не случилось, но вы-то сами, орд, могли бы назвать лучших кандидатов в хармотехнологи, чем врожденные коммуниканты?

— Пожалуй, — согласился офицер, — тут сомневаться не приходится.

— Вы видите общие сны? — строго спросил старший антрополог у мальчиков, не шевеля губами и не двигая языком.

Джагги и Фикус переглянулись и — промолчали.

— Забирайте этих подопытных, — усмехнулся маг, — отдайте им их вещи. В школу сегодня возвращать их не надо, до завтра им лучше как следует выспаться.

Из Канцелярии, из Нижнего отделения, мальчики выходили окрыленными. Джагги не то чтобы утешился, печаль его не оставила, но почему-то с ней без труда соседствовала радость — проверка кончилась; они с Фикусом вместе и могут когда угодно поговорить так, чтобы никто не слышал; девочку, Илону, тоже выпустили или вот-вот выпустят; больше не будет географии. Впрочем, в школу все же придется ходить иногда, но шира Кадима уже не получит над ними прежней власти.

Все под тем же оранжевым фонарем, который еще не горел, они расстались. Фикус шел к своей диогенке, напевая про себя, пробуя мыслью головы прохожих и отдергивая это ментальное щупальце сразу, как только возникало что-то похожее на контакт. Иногда он шутки ради трогал так цветы и деревья и, кстати, что-то там между ним и ими все-таки возникало. Вдруг сзади послышался топот ног, Фикус быстро обернулся и увидел запыхавшегося Джагги.

— Ты что? — спросил Фикус.

— Фикус, — сказал Джагги, — у меня в портфеле нет твоего рисунка. И там все лежит по-другому. Учебниками с учебниками. Тетрадки с тетрадками.

— Странно, — сказал Фикус. — То есть, что твои вещи досматривали — это понятно. Но картинка-то им зачем?

— Вдруг они что-то поняли? — спросил Джагги.

Фикус задумался.

— Знаешь, вряд ли, — медленно сказал он. — Если бы они умели так точно перехватывать, тогда бы... — он запнулся, — в общем, они не умеют. Этого никто не умеет.

— Уверен? — спросил Джагги. — А Ниолу тогда зачем воровать? — он потрянул портфелем для убедительности.

— Что-то, однако, они могут считать, допустим, кусок мыслеобраза. Наверное, взяли, чтоб сверить данные. А ты-то хорош, — вдруг сказал Фикус, — ну чего ради было топтать за мной, пыль поднимать? Взял бы да спросил бы — так. Про себя.

— Я не сообразил, — растерялся Джагги. — А что, я смог бы? Прямо вот

так, через две улицы?

— Давай по домам, — хлопнул его по плечу Фигус, — скоро уже пора смотреть сон.

Джагги засмеялся. Мальчики пожали друг другу руки и разошлись. Быстро темнело. Фигус заторопился, чтобы не пропустить благотворительный ужин.

8. Что едят на заборах

Поредевшую группу вел через лес Вакс. Шли молча. Вакс и Юши иногда негромко совещались между собой; остальным было все равно, куда они идут и зачем. Вышли к ручью.

— Привал? — спросил Юши.

— А может быть, стоит посмотреть, куда он впадает? — предложил Вакс.

— Ты сам сказал, пора определиться, — напомнил Юши.

— Да, — сказал Вакс. — Это верно. Чем скорее, тем лучше. Садимся здесь, — он указал на пару поваленных бревен друг против друга. — Доставайте фляги. Юши, наполнишь?

— Давай, — сказал Юши. — Вынь у меня из рюкзака, там слева в шуршащем пакете, сухари и сало.

— Сделаю, — кивнул Вакс. — Доставайте, у кого остался сыр. Что? — он оглядел троих, уставивших глаза в землю, — не хочется есть? Это кажется так. Давайте. У нас нет повода для радости — кому-то, я полагаю, охота не есть и не пить, а выть. В другое время я и сам бы постарался на подпевках: что и говорить, судьба повернулась к нам задом. Но здесь и сейчас не время превращаться в мокрые писклявые прыщики на этой заднице.

— Вакс, — Мукт поднял на него красные глаза, — ты когда-нибудь раньше терял товарищей?

— Было дело, — помолчав, ответил Вакс. — И он был заметно старше.

— Расскажи, — попросил Мяур.

Даже Рейко, который явно мучился мыслями о том, что шел не там, спускался не так, надо было ему идти замыкающим, надо было успеть протащить за руку Ниолу — даже он, казалось, проявил на этом месте некоторый интерес.

— Расскажу, — согласился Вакс, — когда все начнут есть, и я сам перекушу немного — тогда.

Стол был приготовлен в молчании. Рейко, которому выпало резать сыр, уронил в него несколько слез, потому что раньше сыр всегда нарезала Ниола, и он помнил движения ее рук. Все же дело было сделано, Вакс съел три или четыре больших сухаря с сыром и салом, запил водой — вода была хороша. Все остальные тоже ели, сначала давясь, потом охотно, а после жадно. Часть остатков хлеба нес Мяур, и в рюкзаке у него все это раскрошилось — но ели и хлеб.

— Это было на моем третьем курсе, — начал Вакс, — под лозунгом, что хармотехнолог должен попробовать все, нас повезли на саперные работы. Мяур и Мукт узнают, если доучатся до следующей ступени, а ты, Рейко, без нас не узнал бы, и теперь никому не говори, что узнал — в начале мира первые маги были саперами.

— Ты серьезно? — поднял на него глаза Рейко.

— Разговоры про это я слышал... — задумчиво сказал Мукт.

— А Юши? — вдруг спросил Мяур. — Как он бы об этом узнал?

— А что знает и чего не знает Юши, — улыбнулся Вакс, — об этом я боюсь даже думать.

— Я беру свою информацию из открытых источников, — Юши пожал плечами.

— Магия возникает, как объясняли мне старшие, из недоделанной информации. Но сам я бы сказал — это именно доделанная информация, готовая к передаче, но приемника для нее нет или по другим причинам коммуникация невозможна. Самый простой пример — армия отступает, враг идет по пятам; нужны добровольцы, чтобы задержать врага, дать своим возможность добраться до места, где можно будет отдохнуть, сформировать обозы и перегруппироваться. Все эти добровольцы — смертники. С ними остается бард, потому что так нужно для поднятия духа — но бард тоже смертник; сочинив свою легенду до половины, он погибает. В дальнейших сражениях погибают обе армии почти целиком; хоть это и остается в легендах, но одной, про подвиг добровольцев-смертников, между ними нет. Там, где состоялась не попавшая в историю битва, возникает место силы, там бушует мощнейшая сырая магия. Это как бы изнанка информации, чья передача так никогда и не состоялась. А поскольку мир начинался по следам бесконечной войны, такие месторождения сырой магии были практически в каждом месте. Человек мог ступить туда — и расцвести огненным цветком, или оказаться нанизанным на металлический шип, который тут же выростал, как живой, из-под земли. Такие места расчищали саперы.

— Они умирали? — спросил Рейко.

— Почти все, — подтвердил Вакс, — но их смерть тщательно задокументированна. Это люди, у каждого из которых последние минуты по мгновеньям расписаны.

— Чтобы новая магия не добавлялась? — спросил Юши.

— Не только, — возразил Вакс, — по этим записям учились новые саперы. И до сих пор учатся. Вот такие у них учебники. Сейчас есть, конечно, хрестоматии, пособия, в которых изложены инструкции — но для саперов высшего уровня традиция сохраняется, других учебников для них нет. Нас тоже допустили — всех документов мы, понятное дело, не видели, но кое-что полистать разрешили.

— А что там было? Расскажешь? — уже загорелся Мукт.

— Может быть, немного, — осторожно ответил Вакс. — Так вот. Те саперы, у которых в ходе работы открывалась способность к этому, приручали сырую магию, перенаправляя ее на что-то конструктивное. Сначала они сами не знали, что делают; защищаясь, бессознательно создавали артефакты, и так далее. Поскольку каждый их шаг записывался, они сами и другие люди могли это анализировать. Так возникли великие, внушающие ужас и благоговение, или там что угодно, маги предыдущих эпох.

— Которых Гараччи... хотел найти, — всхлипнул Мьяур.

— Да, — с железной интонацией в голосе ответил Вакс, — именно. Так вот, нам выдали на ознакомление четыре рукописи; каждый из нас просмотрел все четыре. Больше всего нам запомнился, и чаще других обсуждался, эпизод, связанный со смертью сапера-женщины.

— Нам говорили, что саперов-женщин не бывает! — возмутился Мукт.

— Вот с тех пор и не бывает, — вздохнул Вакс. — На все четыре рукописи она была одна, ее звали Элида, и у нее были очень хорошие способности. Она сделала себе палку с крюком на конце и, по ее словам, ловила толстые магические нити — вот этим крюком. Потом начиналась борьба ее воли против воли этой пойманной нити.

— У нити была воля? — удивился Юши.

— Элида утверждала, что магия всегда хочет втащить нас в какой-то открытый сюжет — недоделанный. Отсюда, кстати, пошла эта терминология, насчет недоделанной информации. Ну а Элида старалась, чтобы магическая нить оставалась нитью, и тянула, распутывала этот недосюжет. Получалось у нее здорово. Она, по-видимому, сама придумала и сделала диск неподвижного вращения, который теперь вставляют во все

левитаторы. Эта работа ее тоже меняла, но, судя по всему, в какую-то приятную сторону; во всяком случае, ее перестали бояться дикие животные. Они к ней за помощью приходили. Друзей ее это всегда очень забавляло.

— А у нее был возлюбленный? — спросил Рейко.

— Возлюбленный? — усмехнулся Вакс. — Он погиб еще в предыдущем томе, который нам не достался. Подрался с озверелым деревом. Слышали про такие?

— Слышали, — тихонько сказал Мяур.

— Ну вот. И пришел к ней, понимаешь, зайчик. Зайчонок. Что-то ей сообщил непонятно как. И она пошла за ним, уж не знаю, чего ради — не удивлюсь, если спасать маму-зайчиху, как в детской считалке. Тогда эта считалка уже была, Юши: я знаю, тебе было бы приятней, чтобы она возникла после этого случая. Так вот — нет. Зайчонок вел ее вглубь территории сырой магии, она пробовала почву и воздух перед собой своей палкой и продвигалась без помех. Все стояли и смотрели, и два приставленных к ней писаря строчили в своих блокнотах.

— Что, тогда уже были блокноты? — подхватил неугомонный Юши.

— Да, но не такие, как сейчас, — сказал Вакс. — Большие, и в них была ткань какая-то вместо современной бумаги. И вот перед ней на земле стали возникать перекрестья. А это безобидная на вид штука, как бы тени веток, наложившихся одна на другую — только в том месте, над которым нет таких веток. Что они такое, никто до сих пор не знает. Сейчас такое называют “прицел”, а тогда говорили “перекрестье”. Она, разумеется, лавирует между ними, на них не наступает. Ну, они все чаще и чаще, но Элида ловкая, увертливая, да и вроде как ей не впервой. Но тут этот зайчонок раз — и прыгнул на перекрестье! И стал, как в болото, проваливаться. Она ухватила его за ушки и тянет вверх. А эти ушки обвили ее руки, врезались в кожу, кровь пошла. Она потеряла равновесие и наступила на перекрестье. В общем, фантомный оказался зайчонок, но так ловко сотканный из густого воздуха, что никто из магов не смог его распознать.

— Она умерла? — спросил Рейко.

— Она наступила на перекрестье, — хмуро сказал Вакс, — дальше можно не спрашивать. Ну вот мы прочитали все это. Жезлы нам выдали, привезли. Что-то вроде лужайки, оцепленной со всех сторон проволокой — это наши безопасники оцепили еще давно. И там флажки стоят, уже на оцепленной территории. Наше задание — дойти до своего флажка, и

сразу назад. Сайлен — он был с пятого курса, у нас что-то вроде вожака-того — он не должен был заходить на территорию, но на всякий случай он с нами пошел. Кайта какой-то корень, прямо из земли вылезший, зацепил, взял в петлю, стал тащить, но не под землю, а вглубь территории. Сайлен подскочил и из этого корня сделал второй жезл — у него были очень хорошие способности, хотя он тоже сам не всегда знал, как и что делает. И Кайту подарил; ты, говорит, нашел живой корень, это тебе. Мы смеемся — это корень его нашел. В общем, дальше там происходит всякое. Сайлен дошел до флажков и ждал, когда все дойдут — некоторые вернулись уже, а он ждал до последнего. Дождлся, поворачиваем назад, и тут Кайт нам что-то кричит издалека. Мы смотрим — он далеко за флажки зашел! И стоит, вроде как что-то его держит. Сайлен к нему побежал. Мы тоже подошли немного ближе; за флажки идти страшно. Но, думаем, Сайлен опытный, он выведет Кайта. И злимся — какого черта Кайт туда полез? И вот когда Сайлен к нему подбежал, Кайт стал недовольно говорить с ним — иди, мол, отсюда. А Сайлен, понятно, не идет, он хочет Кайта вывести с территории. Кайт поднимает свои два жезла, скрещивает, ну вот делает такую тень, похожую на перекрестье. Иди, мол, отсюда — говорит. И под ноги ему подставляет это перекрестье, чтоб он побоялся наступить и уходил. Сайлен думал, что с Кайтом беда, он сам себя не сознает, ну а ведь на настоящую тень наступать не страшно. И он не смотрит уже под ноги, идет к Кайту, наступил на это его перекрестье. И потянуло его вниз — он утонул в земле. А Кайт пропал, как не было. Мы кричали, кричали, пошли назад. Смотрим — Кайт там, за оцеплением; он давно вернулся уже, но занозу посадил себе в пятку, сидит, ее вытаскивает. И не знает ничего — он ничего не видел. Оба жезла при нем. Он не ходил никуда, не был за флажками. Это территория сама сотворила такой фантом, и он убил Сайлена.

Снова все замолчали. Юши отметил про себя, что Вакс начал свою историю размеренно, со скрытым эпическим распевом, как взрослый. А закончил — как третьекурсник. Покрутив в руках фляжку, Юши отпил глоток, а после прервал молчание.

— Для нас то, что сейчас рассказал Вакс, очень существенно. Хармотехнологи на третьем курсе готовы к смерти, на полевым выезде или просто на экзамене. Соответственно, хотя бы формально они готовы к тому, что на их глазах умрет любой из товарищей. А мы — кроме Вакса и, может быть, Рейко — в поход вышли бессмертными.

Рейко удивленно поднял глаза на Юши, но тут же отвернулся и ничего

не сказал.

— Сейчас, — продолжил Юши, — нам надо решить, что делать дальше. Искать дорогу назад, отказавшись от исходной цели, или просто продолжить, что начали. Давайте обдумаем это и выскажемся по очереди. Пусть каждый скажет, зачем он пошел в этот поход, чего от него ждал, и не пора ли этому походу для него завершиться.

— Я скажу! — вызвался Мукт. Все лица повернулись к нему. — Я пошел за Аччи. Бабка и тетка отдали меня в магическое училище, потому что там безопасно. За две высших ступени платить они не собирались, да и денег не было, и про мои способности, хватит ли их, было ничего не известно. Значит, можно было не сомневаться, что я не погибну, тестируя артефакты. Дело в том, что, — пояснил Мукт, — так погибли мои родители. Ну и вот. Я бы выучился. Стал бы, например, дежурным магом, ответственным за здание. Сутки работаешь, трое спишь. Проверяешь, чтобы все, что делается в здании, писалось на шаблон. О подозрительном сообщаем начальнику. О подозрительном поведении начальника сообщаем психобезопасникам. Ведаешь засорами канализации. Скучно, понимаете? — он обвел взглядом молча внимающих ему товарищей. — Сначала мне было плевать, потому что это было так далеко... Мы в училище каждый день начинаем с молитвы Никкуду, чтобы он укрепил наш дух и не дал нам отступить от инструкции. Я сдавал экзамены. Мы с Мяуром, — он кивнул в сторону Мяура, — вот сдавали. Я понял, что эта жизнь, жизнь дежурного по зданию, случится именно со мной и как раз в обозримое время. А Аччи... — Мукт посмотрел в сторону. — Аччи сказал, что учиться на мага надо так, как учились раньше — штурмуя места силы! Я и тогда ему поверил, а теперь Вакс про то же самое рассказал. Даже если мы не найдем то неисчерпаемое месторождение, о котором говорил Аччи — может, он все и выдумал — даже если не встретим настоящих магов, равных по силе древним... я уже сейчас за полтора дня узнал больше, чем за год в училище. Я пойду дальше. И... я буду помнить Аччи с Ниолой, — вдруг некстати заключил он.

— Понял, — сказал Юши.

— Понял, — сказал Вакс. — Кто следующий?

— Я, — Рейко потер лоб рукой. — Ветеринаром быть интересно. Это не дежурная магия, в нашей работе иногда... случаются чудеса.

Вакс скептически хмыкнул.

— Ну, просто, — Рейко посмотрел на Вакса, — скажем, кот проглотил проволочного зайца и умирает. Все у него изрезано изнутри. Вроде бы

— без вариантов. Вы делаете операцию, тем не менее, потому что ребенок плачет и ждет кота домой. Делаеть, что положено — не больше. А на завтра кот ест! И через две недели — здоров. У меня хорошая работа.

— Так что ты возвращаешься? — спросил Юши.

— Так что я иду дальше, — ответил Рейко. И, видя в глазах Юши недоумение, пояснил, — ветеринар, он и в лесу ветеринар, тут животных много. А если я, например, хочу балладу сложить по следам реальных событий, как умели древние барды — в походе это будет поудобней, чем в городе.

— В городе тоже происходит много страшного... — задумчиво сказал Вакс. Посмотрел на Рейко и понял, что самое страшное, что могло случиться, с ним уже случилось: Ниола погибла, и он все равно не сможет осесть на месте.

— А я... — начал Мяур, — Мукт уже сказал... а потом — да, я увидел смерть. Я даже... ну, нет, это только кажется так, но все равно — я почувствовал запах смерти. Не в смысле, как в морилке для крыс. А такой — запах пустоты, неизбежности. Мы умрем. Я умру. Ну и, как вам сказать... с этим знанием, короче, невозможно вставать по утрам, шнуровать ботинки и отправляться в училище. Я бы не смог.

— То есть, ты идешь дальше? — спросил Юши.

— Я иду дальше, — ответил Мяур. — А ты, Вакс?

— Мне все равно, куда вести группу, — ответил Вакс. — Кроме меня и Аччи, который все-таки рудиментарный географ, никто здесь не ориентируется на местности. В вечное месторождение сырой магии я не верю, в супермагов тоже не очень, но в лесу мне есть чем заняться. Впрочем, если Юши решил вернуться, нам все равно придется разделяться, и не исключено, что я пойду с ним.

— Ясно, — задумчиво сказал Юши. — Штука в том, что я еще ничего не решил. Как вам известно, я учусь на отделении работы с архивами. Архивов в лесу я пока не встречал. Ну и последний курс все-таки, имело бы смысл доучиться...

— А я, — сказал еж, — питаюсь личинками всяких древоточцев. Что-то их я в городе не встречал.

— А ты хоть бывал вообще в городе? — рассеянно спросил Мяур. — там в саду на Архивной Площади садовник — пьяница. У него половина деревьев съедена каким-то червем.

— Ты прав, нужно взвесить все опции, — согласился еж.

— Стоп, — сказал Вакс. — Не прикасайтесь к нему ни под каким видом.

Не исключено, что это токсичный морок.

— Морок так морок, — покладисто фыркнул еж, — а только ваши там уже превысили ожидаемое время жизни на той стороне. Зеркало-то достаньте из мешка, — он повернулся к Ваксу спиной и с достоинством прошествовал в кусты.

Вакс и Мярр одновременно бросились к рюкзакам. Секунду спустя в свой походный мешок уткнулся Мукт. У всех троих имелись приборы, в состав которых входило зеркало — но стекло может лопнуть или разбиться. Мукт достал яблочный диск — и ничего не случилось. Правда, по диску нужно катать яблоко, а яблоки все съели — может быть, дело в этом. Вакс вынул октаэдр, у которого две грани были зеркальными. С одной из них на него хмуро таращился Гараччи.

— Вот козлы, — хрипло сказал он. — я глотку с вами сорвал. Слушать надо собственные мешки.

Никто не стал ему возражать.

— Второе зеркало! — быстро потребовал Вакс. — Где-то у меня было...

— Есть! — сказал Мярр, зачем-то отламывая зеркало от заднего визора. Никто его не остановил.

Зеркала поставили друг напротив друга, Гараччи стал показываться то в одном, то в другом, и наконец вышел с Ниолой на руках из зеркала заднего визора.

— Она без сознания? — спросил Юши.

— Или спит, — ответил Аччи. Рейко бросился к ней. Вакс и Аччи бережно уложили ее на траву, а Рейко встал над ней на колени и стал выслушивать своей трубочкой.

— Как вы выжили? — спросил Вакс.

— О! — довольно ответил Аччи, усаживаясь на бревнах и схватив первую попавшуюся флягу. Он сделал из нее несколько глотков, прожевал что-то — сыр или сало — и произнес, все еще несколько хрипло, — Выпали на левый спиральный рукав! Я ее за руку взял и прыгнул. Чуть не промахнулись! Ну, я подумал, уж если это как-то смог Мярр...

И Мярр совсем не обиделся.

— Только, — продолжил Гараччи, прожевав очередной бутерброд, — ей там воздуха не хватило, что ли. Ну, душно там, нормального воздуха почти нет. А она все время говорила. И это... вот, отрубилась.

— Она на что-нибудь жаловалась? — стремительно обернулся к нему Рейко, — у нее болело что-нибудь? Что она говорила?

— Ничего не говорила, — мрачно сказал Гараччи.

— Да ты же только что..! — взвыл Рейко.

— Ну, говорила. Откуда я помню, что говорила. Девчачью какую-то ерунду. Какая разница, что? Надо было ей тихо сидеть, тогда бы сейчас здорова была. А вам надо было уши прочистить. Из каждого зеркала вам орал. Все, ты делай свое дело, а я свое. Буду жрать.

И Гараччи в самом деле занялся едой. Вакс про себя посмеивался: наверняка Ниола в виду скорой смерти объяснилась парню в любви. Ни одна девчонка, пускай и толковая, не пропустит такого романтического момента. Где-то им там медом намазано. И правда, конечно, лучше б было ей помолчать. Но все-таки они здесь, и они живы. Вакс ликовал про себя, и образ Сайлена в его памяти пятился, улыбаясь, уходил на второй план.

Когда Ниолу привели в чувство, напоили водой и убедили ее перекусить, она еще чувствовала себя слабой и несколько смущенной. Она старалась не смотреть на Гараччи, а тот, похоже, совершенно выкинул из головы все, что было с ними на левом спиральном рукаве, и с жадностью разглядывал карту, которая, как оказалось, была с собой у Вакса. Он сверял ее со своей, и они втроем с Ваксом и Юши строили догадки относительно того, где они сейчас могут быть.

Ниола настояла на том, чтобы последние часы светового дня не были растрчены впустую — нужно, она сказала, найти подходящее место для ночлега. С этим никто не спорил, тем более, что Гараччи, которому на ночлег было начхать, вроде бы нашел их ручей на карте, и теперь рвался проверить свою догадку.

Они шли по течению ручья, и вышли к большому озеру — таких было всего два на карте Гараччи и три на карте Вакса, но, разумеется, ни одна из карт не могла покрывать всего леса. Решив руководствоваться догадкой Гараччи, они пошли на север вдоль берега, тем более, что туда вела почти цивилизованная дорога, достаточно широкая для семерых. Мяур и Мукт с удовольствием наблюдали за разной живностью, населявшей озеро, причем Мукт явно проявлял кое к кому из озерных обитателей гастрономический интерес.

Впереди, где-то в сотне шагов, дорогу преградил забор. Это было странное место для забора, поскольку по обе стороны от него, справа и слева, росла невысокая трава, да и вообще обойти его любым способом ничего не стоило.

— Руны! — вдруг воскликнул Юши. И, неловко подпрыгивая с рюкзаком, побежал вперед. Гараччи устремился за ним. Достигнув цели, оба

принялись рассматривать надписи, действительно пестревшие на заборе. Вакс даже не подошел к ним, но сразу попробовал обойти забор. Сначала справа. Потом слева. Это не получилось. Забор растягивался, как гармошка, и преграждал ему путь. Был он довольно крепок. Вакс снял рюкзак и попытался перелезть. Ему показалось, что от одной мысли об этом забор начал расти. В общем, и это не получилось.

Гараччи оторвался от надписей и недовольно нахмурился. Он тоже попробовал обойти забор, с тем же результатом.

— Ну вот же хвост тебе в ногу... — неопределенно пробормотал он.

— Артефакт, — сказал подошедший Мукт. — А где к нему документация? Должна быть инструкция...

Вакс усмехнулся.

— Постой, — оживился Гараччи, — а может, здесь, на заборе, как раз инструкция и написана? Да! — продолжал он тоном, не терпящим возражений, — очень просто, наверняка тут где-то слово, которое нужно прочесть, и оно заработает.

— В смысле? — удивился Рейко. — Вообще-то оно и так работает.

— В смысле, отъедет в сторону и пропустит нас! Ну или сделает что-то еще, — сказал Гараччи. — Вот! Смотри, это караиб. Это я могу прочесть, я знаю буквы!

Юши сделал слабую попытку его остановить, но он уже заорал:

— *Визо геле ызо геле кара еме ладира геле!*

Ничего не произошло.

— Интересно, что это значило? — спросил Мяур.

— Понятия не имею, — пожал плечами Аччи.

— Это значит: с мамой твоей имел половой контакт, с папой твоим имел половой контакт, и в тебе, кретин, лишнюю дырку сделаю, чтобы иметь с тобой половой контакт! — услужливо пришел ему на помощь Юши.

— Совсем ты озверел? — поинтересовался Гараччи. — А если я в тебе дырку этим вот проверчу? — и двинулся к Юши.

— Не трогай его, он прав! — сказала Ниола.

— Да тебе-то я что сделал? — изумился Гараччи. — Ты тогда обиделась, что ли?.. Я просто прочел, что написано!

— А там это и написано, — терпеливо объяснила Ниола. — И ничего я не обиделась.

— Да? Странно. Может, от такого у них в заборе дырка появляется? — Гараччи стал осматривать забор. Материал его не поддавался, и дырки в нем не было. — А разве это... ну в том плане, что... это самое, разве

это по-караибски будет не "глай"?

— "Глай" — это современная форма, — объяснил Юши, — а надпись довольно древняя.

— Значит, это все-таки заклинание! — не сдавался Гараччи.

— Почему? — пожал плечами Юши. — В древности люди тоже всякое писали на заборах.

Вакс снял рюкзак и стоял, сложив руки на груди. Он думал и недовольно морщился — явно это были не слишком приятные мысли. Рейко сел на землю, вынул блокнот и стал быстро что-то записывать. Мяур и Мукт исследовали забор своими определителями типа магии. Разумеется, эти определители ничего не показывали.

— Юши, — убеждал Гараччи, — разве ты сам не видишь? Это очень простая штука. Где-то написано слово, которое открывает дорогу, и все. Это никак иначе работать не может. Ты понимаешь это?

— Это только версия, — неохотно сказал Юши. — Такие артефакты описаны в литературе. Но с тем же успехом это может быть что-то другое. Вакс, ты что думаешь?

— Пока ничего, — медленно сказал Вакс. — Но я бы пошел обратно в лес.

— Да гляди же ты. Видишь? Вот тут, с виньетками, меч перекрещен с розой... или не розой... да какая разница, розовый шип мне в ухо. Это — в точности середина забора. Ты это можешь прочесть? Прочти, и он нас пропустит.

— Знаешь, не очень-то... хотя... наверное, могу. — неуверенно сказал Юши.

— Ну? давай, — подбодрил его Гараччи, — по буквам. Вряд ли там опять будет про это вот геле-глай. Хотя, меч и роза...

Ниола хотела что-то сказать, но смутилась и промолчала. Мяур и Мукт выжидательно глядели на Юши, готовые к чуду. Рейко все еще возился с блокнотом и даже не посмотрел в их сторону.

— *Пугом. Зийле. Аяф*, — прочитал Юши.

Какое-то время ничего не происходило. Вскоре, однако, забор зашевелился, и края его стали мерцать.

— Говорил я вам! — обрадовался Гараччи.

Забор раздвинулся, увеличился в размерах, принялся водить вокруг них хоровод в одиночку — и заступил им путь со всех сторон круглой стеной. Верхние края ее выросли, покато прогнулись, срослись между собой, образовав крышу. Стало темно. Сверху открылся красный глаз, помелькал

- и спрятался снова. А потом из центра крыши раздались слова:
- Вы находитесь в безопасности. Ожидайте прибытия срочного гарнизона.
 - Что это за такой срочный гарнизон? — спросил голос Рейко, который заметил, что стало темно и, следовательно, был вынужден оторваться от блокнота.
 - Что-то вроде команды быстрого реагирования, — объяснил Вакс.
 - Только двухсотлетней давности, — добавил Юши.
 - Что-то их не очень хочется ждать, — сказал Мукт.
 - Вдруг правда приедут? — спросил Мьяур.
 - Ну что, Ниола, — бодро сказал Гараччи, — вот тебе и ночлег.

9. Голова посредника

Шир Ортрий стоял у окна. За окном происходило разное, но он этого не видел: он смотрел в глаза своему отражению. Это помогало вести сложный, точнее сказать — требующий сосредоточенности разговор. Собеседник использовал отводной силианс-телептон, в кабинете была точка приема: маленький жучок, прилепившийся к занавеске. В целях маскировки он иногда перемещался, как правило, ползал по потолку. Куратор в голове шира Ортрия произнес:

- Ваши родственники похоронены под Аркой и Крестом?
- Да, преорд.
- Живописное место. Последний сигнал пришел как раз оттуда.
- Папка не пополнялась с позавчерашнего вечера, преорд.
- Через полчаса в ней будет два новых документа. Один из них — вторичный запрос, с требованием объяснить, почему по первичному не приняты меры. А второй — из знакомого вам некрополя.
- Как только папка пополнится, я отправлю туда мерита Фогеди, преорд.
- Сейчас там дежурит октет никкудаков.
- В этом случае, преорд, я поеду с ним сам.
- Да, так будет лучше. Вы нашли ему ученика?
- Коготь Рекрутера пометил троих, преорд. Вчера их нашли, протестировали и оформили все бумаги.
- Возьмите их с собой.
- Но...

- Это поможет нейтрализовать лишнюю энергию мерита.
- Но ведь это подростки, преорд. Им не было преподано ни одного урока. Возможен несчастный случай. Эти трое не знают техники безопасности.
- Как вы справедливо заметили, их трое.
- Конечно, всех троих вряд ли успеют разорвать, но...
- Вам нужно расставить приоритеты, шир Ортрий.
- Я понял, преорд. Ученики поедут с нами, — шир Ортрий, не выдержав взгляд своего отражения в стекле, опустил глаза.
- Хорошо. Теперь по поводу вторичного запроса.
- Сегодня же секретарь на него ответит, преорд.
- Что именно?
- В соответствии с Бытовым Уложением, статья 228, пункт 1, всякое сообщение о природной флюктуации (предположительно) первого рода в простой урбанистической зоне должно быть проверено на устойчивость по отношению к смене сезона...
- Остроумно, — куратор усмехнулся внутри головы шира Ортрия. — Это может вам сойти с рук. Но в дальнейшем считайте, что оно прошло все проверки.
- Прошу прощения, преорд. Если я правильно понял, речь идет о луже во дворе дома напротив входа в Шестой Архивный Квартал? Та, из которой пьют голуби и якобы становятся встромами?
- Именно.
- Если верить прогнозам погоды, через три дня все лужи высохнут.
- Шир Ортрий, вам известно, что в этот двор уже приезжала команда дежурных магов? Старший отряд?
- Нет, преорд, ведь они нас не извещают. Они нашли что-то неожиданное?
- Один маг пострадал.
- Он пил из этой лужи, преорд?
- Он поскользнулся и упал в лужу лицом. Знаете, что с ним стало?
- Нет, преорд.
- Он превратился в козленка.
- Преорд?
- Случай полностью задокументированный, шир Ортрий. Отчет составлен по всем правилам. С этим, кстати, будет связан третичный запрос — думаю, в вашей папке он окажется послезавтра.
- Вы рекомендуете и туда отправить мерита Фогеди?
- С тем из учеников, кто выживет после поездки в некрополь. Обяза-

тельно.

— Жители дворов обычно очень плохо реагируют на появление среди них мерита, преорд. Вы ведь можете себе представить, к чему приведет эта проверка?

— Советую вам представить себе, к чему может привести административная проверка вашего отдела, шир Ортрий. Избежать появления мерита среди контролеров, как вы понимаете, будет невозможно.

— Я понял, преорд, — голос шира Ортрия дрогнул.

— Ну-ну, не отчаивайтесь. Если вам повезет, через два — два с половиной месяца юный ассистент уже сможет заменить мерита Фогеди на случай проверки. А его вы отправите куда-нибудь с поручением, и все будет выглядеть прилично.

— Я молю Никкуда, чтобы не дожидаясь, когда разразится скандал, мерит Фогеди успел выучить себе замену, преорд.

— Постарайтесь, чтобы Никкуд вас услышал, — сказав это, куратор оборвал связь.

Шир Ортрий поднял глаза к потолку. Жучок был уже там. Он шел по направлению к паутине. Крупная паучиха ждала его в углу, как ждут жертву или супруга.

— Да, милая, — теперь шир ответил вслух: его вызвали по обычному телепону. — Нет. Кукольный театр на сегодня придется отменить. Могу задержаться и дольше. Да, Улита, поезжай с широм Бовини. Да, я знаю, все говорят, что это очень страстный спектакль.

Шир Ортрий поговорил еще с минуту по телепону, похвалил какую-то прическу, которой не видел, принял участие в выборе платья на вечер, ощутил положенный ему в наказание укол ревности и нежно попрощался. Нужно было собраться с духом. Не так много вещей на свете страшнее встречи с восставшими мертвецами, особенно если кого-то из них помнил живыми. Пожалуй, только административная проверка вверенного тебе отдела.

Джагги, Фигус и Илона тем временем сидели в жестких креслах, соединенных в одну кресельную лавку — как театральный ряд. Они ждали, когда хармотехнолог придет с секретной территории и станет с ними знакомиться, наверное, о чем-то расспрашивать — а может быть, сразу начнет первый урок. Мальчикам хотелось поговорить о том, что они видели во сне. Они уже несколько раз переглянулись, перемигнулись, неуклюже протянули "эээ... "ммм... "как дела"; другие темы им не давались. Илона сидела, отвернувшись к двери, и болтала длинными ногами,

до пола, однако, не достававшими. Это были высокие кресла.

У двери в секретную часть конторы скучали охранники. Время от времени они посматривали на детей: первый, тот, что постарше — безразлично, второй — с раздражением. Как только дверь начала открываться, они повернулись к ней и тут же вскочили с мест, вытягиваясь по струнке.

— Шир Ортрий!

— Шир Ортрий!

Шир Ортрий, высокий, некрасивый, но, как говорили дамы, импозантный мужчина с небольшим брюшком, еще не лысый и даже не лысоватый, но уже начинавший седесть, вышел в коридор; вовсе не взглянув в сторону охранников, окинул взглядом Илону. Поморщился — наверное, подумала Илона, нашел ее прическу неаккуратной; а может быть, что-то еще ему не понравилось. Дети переглянулись и решили встать. Он подошел к ним и остановился напротив.

— Ну что ж, — снисходительное радушие давалось ширу не без усилий, — вы и есть трое юных хармотехнологов?

— А вы — наш учитель? — выпалил Джагги.

— Ты полагаешь? — усмехнулся шир Ортрий. — А что, если тебе попробовать применить мозг?

— Охранники кричали “шир”, а не “мерит”, — тихо сказал Фикус. — А если бы в дверь вышел хармотехнолог, они кричали бы...

— Мать твою за ногу! — заорал первый охранник.

— Капуста с глазами! — вторил ему тот, что помладше.

— Мерит Фогеди, — устало спросил шир Ортрий, — почему вы выносите неуставной артефакт за пределы лаборатории?

— Так надо, мать твою за ногу, — ответила капуста с глазами и большим кривым ртом. Человек в странной пятнистой одежде, который как раз выходил в коридор с ней под мышкой, любовно погладил ее по макушке.

— Это посредник, — объяснил человек, — правда, вы вызвали меня так спешно, что мы с лаборантами не успели его собрать.

— То есть, это голова посредника? — мрачно переспросил шир Ортрий.

— Молодец, — похвалила его капуста. — Знаешь, где голова, а где задница.

Дети переглядывались и краснели от натуги, стараясь сдержать хохот. Они и сами не знали, почему им говорящая капуста казалась совсем не страшной — а у охранников был такой вид, как будто их вот-вот хватит удар.

— Посредник, — попросил мерит Фогеди, — не будьте задницей и ведите

себя прилично. Перед вами начальник отдела Умиротворения Внешних Скорбей. К начальникам положено обращаться на “вы” и называть их “шир Ортрий” — по крайней мере, если их так зовут.

— А я знаю, как их тут всех зовут? — недовольно буркнула капуста. — Тем более, кто из них начальник? Люди все на одно лицо.

— Мерит Фогеди, прошу вас не устраивать балаган, — вздохнул шир Ортрий. — Познакомьтесь с будущими учениками и объясните им суть задания. Я выйду распорядиться. Через пять минут жду всех у входа. Начальник отдела Умиротворения Внешних Скорбей направился к выходу. Капуста все еще злилась и шептала ему вслед — по-видимому, что-то такое, что вслух лучше не повторять.

— Будущие ученики, — сказал мерит Фогеди, — вы уже услышали, как меня зовут, а я видел ваши бумаги. Считаю знакомство состоявшимся. Есть возражения?

— Есть, — сказала капуста. — Мне все это не нравится.

Тут дети все-таки не выдержали и расхохотались.

— Видите, посредник, — мерит обратился к капусте, — им уже смешно. Забавный день. Нас всех, ребятишки, пригласили на кладбище.

— Насовсем? — пискнула Илона, стараясь перестать смеяться.

— Как получится, — пожал плечами Фогеди. — Там мертвецы восстали. Так-то они, конечно, любят кого-нибудь разорвать.

— Значит, такое бывает?! — Фигус даже подпрыгнул.

— Ага, случается, — кивнул Фогеди, — только это секретная информация. Родителям и друзьям во дворе рассказывать не советую.

— А что им будет? — заинтересовалась голова посредника. — Тем, кто узнал? Ликвидируют?

— Могут, — сказал Фогеди.

— Нам дадут ружье с серебряными пулями? — спросил Джагги, проявляя осведомленность.

— Нет, — ответил хармотехнолог. — Вам нужно будет стоять на том месте, куда вас поставят, молчать и ничего не делать. Это, кстати, была инструкция по технике безопасности. Да! — он посмотрел на Илону. — Не визжать! И в обморок не падайте, на кладбище нельзя. Понятно?

— Понятно, — ответил за всех Фигус.

— Мне лично ничего не понятно, — снова встряла капуста.

— И мне, — подтвердил мерит Фогеди. — А что делать? Пора идти к выходу.

— Мерит Фогеди! Мерит Фогеди! — подскочила к нему Илона. — А как

вы ее сделали? — испугавшись, что ведет себя невежливо, она тут же обратилась к голове посредника. — Извините... это я про вас.

— А тебя как сделали? — разозлилась капуста. — Можешь не сомневаться, что в моем случае это выглядело попрстойнее.

— Ну, положим, господин посредник, вы застали не весь процесс, — примирительно заметил мерит Фогеди.

Они вышли наружу, в какой-то из дворишков, примыкающих к зданию конторы с его обширных боков. Первым Фогеди с головой посредника под мышкой, за ним Илона, красная, как рак, за Илоной веселые, но несколько растерянные Джагги и Фикус. Там их ждала самокатная телега, Ортрий в странном костюме, напоминавшем доспехи с закрывающимся шлемом, водитель с прутиком и ассистент, державший в руках еще два таких же костюма.

— Мерит Фогеди, поторопитесь. Один костюм для вас, другой... для ученицы, — шир Ортрий указал на Илону. Быстро надевайте и едем.

Дети переглянулись. Илоне вдруг стало страшно.

— Вот это костюм! — сказал Фогеди. — Бери ты, — он кивнул Фикусу, свободной рукой протягивая ему доспехи, предназначавшиеся самому мериту.

— Мерит Фогеди, понимаете ли вы, куда мы едем? — рассердился шир Ортрий. — Я не могу позволить вам остаться незащищенным! Вы должны быть в максимальной безопасности.

— Вы правы! — обрадовался Фогеди. — Нам с посредником лучше остаться. Здесь куда безопаснее.

Шир Ортрий махнул рукой:

— Как знаете, — и переминался с ноги на ногу, как школьник, не выучивший урока. Посмотрел на Джагги.

— Как твоя фамилия?

— Кабарус, — ответил Джагги. И добавил, — шир Ортрий.

— Твой отец — никкудак Кабарус, который ушел в верхнее жречество?

— В миру он был моим отцом, шир Ортрий, — Джагги поднял на него глаза и отвернулся.

— Кто твоя мать? — продолжал зачем-то допытываться начальник отдела.

— Эгина Кабарус, библиотекарь.

— Назови ее девичью фамилию.

— Зай, — Джагги краем глаза посмотрел на мерита Фогеди и заметил, что тот не скрывает улыбки, как плут, чья хитрость только что удалась.

— Ладно, — шир Ортрий нажал несколько кнопок, и доспехи сами слезли с него, как кожа с анабана. — Сей же момент надевай это. Видишь? Вот так и так.

Дети оделись, немного путаясь в защелках и кнопках; впрочем, они разобрались достаточно быстро.

— Шир, а шир? Начальник? — противно усмехнувшись, заговорила капуста. — Не ездил бы ты в некрополь. Ты теперь легкая добыча для моих ребят.

Шир Ортрий нахмурился. Он неплохо владел собой, но страх был сейчас, как стая крыс, терзающих его мышцы и суставы. Уступить защитный костюм сыну Кабаруса, внуку Зая было разумной идеей; к тому же, совесть его была не на месте. Он не сентиментален, однако не по его ведомству тащить подростков на верную смерть. Но и свои шансы теперь, без защиты артефакта, он оценивал трезво. Не говоря уже о том, что запах восстановших, без фильтров шлема...

— Берите, шир Ортрий, — Фогеди протянул ему маску. — Раз уж вам позарез нужно лично повидаться с мертвецами, пусть у вас будет возможность дышать.

— А вы? — растерянно спросил шир, вертя маску в руках.

— А у нас все схвачено, — ответил Фогеди, устраиваясь на телеге. В доказательство он вынул из обширного нагрудного кармана еще две маски, помахал ими в воздухе и стал аккуратно прилаживать одну из них на капустную голову посредника.

— Отстань, — говорила голова, — ну отстань, негодник! Я сейчас не расположена к играм.

— Вы женщина? — удивился Фогеди, справившись с маской.

— Не знаю, — ответил посредник, — но в ваших же словарях, которыми вы меня терзали в лаборатории, сказано, что “голова” и “капуста с глазами” женского рода.

Дети уже сидели на самокатной телеге. Шир Ортрий тоже поднялся наверх и сел на лавку; мерит Фогеди, продолжая спорить с капустой, присоединился к нему. Джагги, Фикус и Илона предпочли усесться на большом сером дерюжном мешке.

— Трогай! — прикрикнул водитель. — Нно! Пошла! — он прикоснулся кнутом к большому черному кубу впереди телеги, и она двинулась навстречу проему в высоком розоватом заборе. Шир Ортрий при этом негромко командовал в телептон:

— Ворота семнадцать бе... расчистить дорогу, свидетели нежелательны...

закрывают.

Ехали молча. Дети боялись перешептываться, поскольку шир Ортрий принял весьма грозный вид. Он даже время от времени скрежетал зубами. В конце концов он сказал:

— Мерит Фогеди. Мы встречаем на дороге свидетелей. Не лучше ли вам прикрыть чем-нибудь ваш артефакт?

— Это не артефакт, — безмятежно ответил Фогеди, — это посредник; к сожалению, недоделанный.

— Пусть так. Понимаете, вы сидите на телеге с глазастой капустой под мышкой; люди это запомнят.

— Ну что вы! — укоризненно сказал Фогеди. — Никто его не узнает. Он в маске! — и заботливо поправил маску в том месте, где у головы должен бы был находиться нос. Голова на это ничего не сказала: она спала.

Шир Ортрий отвернулся. Тут и впрямь было на что сердиться, а это лучше, чем думать о том, что ждет впереди. Ему было страшно.

Между тем они уже выехали на окраины города. Джагги вертел головой направо и налево, надеясь увидеть агрария. Где-то они жили далеко за Южными воротами в своих лагерях, но случилось, что по делам — например, продать фрукты — их присылали в город. Говорят, что за воротами сохранились и деревни: колонии одичавших дачников. Было время, когда у горожан были дачи почитай что в самом лесу, но в какой-то момент Высший Совет перестал поощрять эти практики. Никто из тех, с кем Джагги был лично знаком, на дачу не ездил.

Фикус сидел задумчивый, ковыряя какую-то нитку в мешке. Илона заснула еще в городе, обхватив плечи руками, прижав ноги к животу: она мерзла во сне. Доспехи оказались совсем не жесткими и ощущались просто как лишний слой ткани.

— Тпру! Приехали! — сказал водитель.

Илона, сонно моргая, подняла голову, удивленно огляделась, но тут же окончательно проснулась и вслед за Фогеди легко соскочила вниз. Шир Ортрий тоже сошел с телеги, Фикус и Джагги спрыгнули прямо со своего мешка.

— Тебе страшно? — тихо спросил Фикус.

— Нет, — ответил Джагги и удивился тому, что это оказалась чистая правда.

— А ведь мы к мертвецам идем. — Фикус посмотрел на свои руки. — Без оружия.

— Может, это костюмы такие? — предположил Джагги.

— Или этот мерит что-то с нами сделал, — прошептал Фикус.

Зловещая тишина за двуслойным, каменным и резным забором нагоняла приключенческие мурашки на кожу, звучала в голове таинственными аккордами — и только.

— Нам откроют? — раздраженно спросил шир Ортрий, вынимая телефон.

— Не думаю, — Фогеди пожал плечами, — вернее всего, там уже некому.

— Посредник, вы позволите?

Капуста хлопнула глазами.

— Ну валяй, — сказала она, — все равно ты мне спать не даешь.

— Ваша фамильярность мне льстит, — вежливо кивнул ей Фогеди и, размахнувшись, перебросил капусту через забор.

— Я тоже могу перелететь и открыть ворота, — без малейшего удивления проводив голову посредника взглядом, предложила Илона.

— Ты, я думаю, и меня сможешь перенести, — оценивающе оглядев ее, сказал Фогеди.

— Да, мерит, — согласилась Илона.

— Возьми меня за шиворот — как котенка за шкурку, слышишь? — и перенеси. Хотя... нет, лучше двумя руками под мышки. Поставь у самых ворот и сразу же к ним возвращайся.

— Мы все должны попасть на территорию, — вмешался шир Ортрий, — у меня приказ.

— Ладно, — не стал спорить Фогеди, — когда Илона вернется, я впущу вас всех. Держитесь вместе. Шир Ортрий без костюма, считайте себя его телохранителями.

— Вы с ума сошли? — вскипел шир Ортрий. — Так из них ни один не выживет!

— Вы сами решили слушаться бестолковых приказов, шир Ортрий. Инструкцию знаете? В зоне действия аномалии распоряжается старший хармотехнолог. Я тоже могу отдавать idiotские приказы, а вам придется их выполнять. Слышали? — обратился он к подросткам.

— Слышали! — охотно, хоть и вразнобой, подтвердили они.

— Когда вступите на территорию, окружите этого человека и лучше всего просто не двигайтесь с места. Наблюдайте. Действуйте по обстоятельствам. Ну, кто там у вас левитатор? — Фогеди развел руки в стороны и помахал ими, изображая полет.

Илона легко, с места, взлетела, подхватила его под мышки, попробовала оторвать его от земли. С первого раза не получилось. Фогеди соорудил

ей рожу, видимо, стараясь, чтобы на его лице отразилось разочарование. Илона расхохоталась, снова взяла его под мышки, подняла, как игрушечного медведя, набрала высоту и скрылась с ним за двуслойным забором. Послышался хруст, вскрик; еще секунда, и Илона вернулась обратно. Она опустилась на землю. Сразу стало видно, что ей очень страшно.

— Там... там все... — сказала она, — у них нет глаз. И они... могут сразу говорить в голове.

— И что же они тебе сказали? — усилием воли подавляя животный ужас, со странной улыбкой спросил шир Ортрий.

— Живая кровь. Разорвем. Госпожа не заметит и не узнает, — одними губами прошептала Илона.

— Это ты, что ли, госпожа? — спросил Джагги.

— Вряд ли, — нахмурился шир Ортрий.

В этот момент секция забора прямо напротив них начала вращаться в землю. Тихое, звенящее, почти музыкальное "Разорвем. Вынем кости, вытянем сухожилия. Хорошо рвать живое, — вступило в голову, заслонило другие звуки. Джагги попробовал заткнуть уши; как ни странно, это немного помогло, но все же он продолжал слышать эту странную песню и разбирать слова. Секция опускалась все ниже, теперь через нее можно было перешагнуть.

— Надо идти, — не справившись с волнением, дрожащим голосом проговорил шир Ортрий, — иначе они выйдут наружу.

Дети не сговариваясь окружили его и направились с ним к забору, как бы ныряя в плотные волны страха, выныривая, чтобы схватить воздух, и опять погружаясь. Шири Ортрия трясло; скрывать это было бы уже бесполезно. Подростков пока что вырочали костюмы. Как только все четверо вступили на территорию некрополя, секция забора выросла снова.

Внутри ждали мертвецы. Джагги как будто кожей затылка ощутил их дикую радость. Нельзя сказать, чтобы это было, как во сне: ни в одном кошмаре он не видел такого. На самом деле — у них был жалкий вид. Среди тех, кто встречал живых гостей, было несколько сравнительно свежих трупов: двое в мундирах — видимо, сторож и местный арттехнолог, отвечавший за очистительные и пропускные устройства; еще трое четверо — возможно, дежурные маги или обычные посетители. Джагги вяло любопытствовал про себя, почему они выглядят целыми, если всем здесь так нравится рвать живое. Но остальные... гравюры модного художника, копии которых как-то принесла в дом мать, изображали

стадии тления одной и той же модели; шептались, будто он рисовал их с натуры, но дед к такому предположению отнесся скептически. Здесь все эти последовательные шаги разложения человеческого тела были представлены рядом в натуральную величину. Страшнее всего было не столько видеть это, не столько слышать под костью черепа декларацию намерений восставших, не столько осознавать, как мало отделяет тебя от смерти — страшнее всего было то, что начинаешь думать, как они. Но разве могут думать мертвые трупы? Тление тел — звукоряд, стадии — ноты, и они играют для тебя музыку.

— Фогеди... — застонал шир Ортрий. Джагги перехватил его взгляд. Илона тихо вскрикнула. В рядах мертвецов, подбоченившись, стоял мерит Фогеди — самый свежий из них, целый, не тронутый тлением.

— Он портит музыку, — недовольно сказал Фигус. Фогеди повернул голову на звук его голоса, увидел их, улыбнулся и помахал им рукой.

— Фигус, не поддавайся, — сказал Джагги. — Это что-то вроде гипнотических чар. Они подчиняют твой мозг.

— Похоже... — вздохнул Фигус и потрянул головой. Шлем, который захлопнулся у него при входе на территорию, звякнул своими сложными сочленениями. — Он там что, живой?

— Шир Ортрий, — подхватила Илона, — он жив? Почему тогда он там стоит?

— Жив он или мертв, — неожиданно твердо ответил шир Ортрий, — а что им движет, я не знаю. Не верю, что могила его исправит, и уж тем более не поможет клавишин некроманта.

Мертвецы стояли и звали, не двигаясь с места. Столь же неподвижно у самого забора стояли люди. Джагги пытался у себя в голове дирижировать музыкой. “Разорвем... Отделим сустав от сустава...” — негромко напевал Фигус. Илона переминалась с ноги на ногу; наверное, хочет улететь за забор, но стесняется, подумал Джагги.

И тут музыка прервалась. Из толпы восставших мертвецов выкатилась капустная голова. Она остановилась посередине между живыми и мертвыми.

— Ну все! Ничего они слушать не хотят, — противно прогнусавила голова. — Я и так, и эдак, мол, тело в могилку, остальное сами знаете куда, чтобы, дескать, все как у людей. А они — знать, мол, не знаем, ведать не ведаем, могила? не слышали. Госпожа открыла путь, и вот они тут за свои тела смогли зацепиться, и совершенно довольны. Мы, говорят, лучше будем рвать живую плоть. Ну и что я им скажу? Что в этом нет

ничего интересного? А откуда я знаю, если я сам не пробовал?
— Это руками нужно, — поддержал его Фогеди, — а руки мы вам не успели сделать.

Мертвецы, один за другим, начали поворачиваться к нему.

— Да, вот музыку я сбил с такта, это нехорошо получилось, — огорчился посредник. — Ну и что теперь?

— Спойте, — предложил Фогеди. Он явно старался держать окружавших его мертвецов в поле зрения, но стоял спокойно, не двигаясь с места.

Голова как будто задумалась.

— Ладно, — сказала она, — вы сами попросили. Пожалеете, а поздно будет.

*Кем вы были, как вы жили,
Чем ходили-говорили,
Что вы делали и как,
Вы спросите коlobка!*

Голова каталась вокруг сообщества мертвецов и немзыкально орала визгливым тенором. Особенно чудовищно у нее выходил рефрен:

*Колобкааа, коlobкааааа,
Вы спросите коlobкаааа!*

Мертвецы ошарашенно следили за ней пустыми глазницами — а те, у кого еще оставались глаза, выпучили их, как рапортующие солдаты. Джагги чувствовал внутри головы, до чего они были потрясены. Капуста между тем продолжала:

*Темной ночью предрассветной
Вы гуляли с девкой вредной,
Что там у нее и как,
Вы спросите коlobка!*

*Колобкааа, коlobкааааа,
Вы спросите коlobкаааа!*

На втором рефрене часть мертвецов отделилась от группы и отправилась вглубь некрополя. Джагги ясно понял, что они намерены снова

лечь в землю, откуда вылезли. Он представил себе, как, должно быть, плохо слышно песню из-под земли. “Еще немного, — подумал он, — и я пойду с ними. Может быть, они сжалятся и найдут мне местечко”,

*Жизнь прошла, могиле слово,
Духу хочется иного,
Как пройти на пир к богам,
Вы спросите коlobка!*

*Колобкааа, коlobкааааа,
Вы спросите коlobкаааа!*

Мертвецы один за другим поворачивались лицом к центру некрополя и покидали место противостояния. Некоторые из них, посвежее, делали даже попытки закрыть уши ладонями. Самые свежие, впрочем, медлили, хотя явно готовились уходить. Джагги и Фигус переглянулись, торжествуя победу. Фигус больше не подпевал мертвецам.

Вперед вышли восемь фигур в черных, расшитых золотом мантиях. Священные одежды эти, впрочем, были в некотором беспорядке, но все же сверкали и даже слегка подавляли своим величием.

— Шир Ортрий! — властно сказал, по-видимому, доминант октета. — Подойдите, вы заслужили благословение.

Шир Ортрий растерянно оглянулся на Фогеди, который, однако, не вернул ему взгляд. Что и понятно — сейчас он с должным почтением взирал на октет никкудаков. Ширу не хотелось двигаться с места: мертвецы некрополя были близко, и, исполняя приказ доминанта, пришлось бы подойти к ним еще ближе. Все же, он не посмел ослушаться, отстранил стоявших на пути Джагги и Фигуса и шагнул вперед. Илона ухватила его за рукав.

— Отпусти, — распорядился шир Ортрий, выдернул руку и пошел навстречу доминанту.

— Мама... — пискнула Илона и вдруг начала опускаться на пол.

Джагги подхватил ее, Фигус помог поставить на ноги.

— Ты что?! Сказано же — в обморок нельзя! — глупо сказал Джагги.

— Он... тот жрец... у него губы не двигаются... — еле слышно сказала Илона; в прорези шлема были хорошо видны расширенные зрачки ее глаз.

И тут мальчишки с ужасом поняли, что властный голос никкудака зву-

чал у них в голове, как и все, что они здесь услышали от мертвецов.

— Стой! — заорал Фикус.

— Шир Ортрий! — крикнул Джагги, стараясь как можно сильнее расшевелить воздух звуком, чтобы человек без защитного костюма почувствовал разницу с разговорами внутри головы.

Мальчики оставили Илону, которая, очевидно, уже справилась с собой и худо-бедно держалась на ногах; оба прыгнули вперед; прыжки в костюмах давались легче и получались выше. Они успели встать между широм Ортрием и никкудаком, но доминант, как живой лев, двумя ударами наотмашь раскидал их в стороны. Он кинулся на Ортрия, и руки семерых субдоминантов тоже потянулись к нему — но тут оказалось, что Илона бросила падать в обморок и сумела сориентироваться. Она уже была в воздухе; схватив Ортрия под мышки, потащила его вверх. Никкудаки уцепились за ноги беззащитного человека, кости с неприятным хрустом вышли из суставов, Ортрий страшно закричал. Джагги, на которого уже дважды наступили, впрочем, не причинив ему вреда, из положения лежа пнул по ноге одного из мертвых жрецов, вцепившихся в шира Ортрия. Тот обернулся, не выпуская добычи, и очень широко раскрыл рот. Повинуясь внезапно проснувшейся интуиции, Джагги щелчком отбросил назад крышку верхней половины шлема (фильтр при этом оставался на месте). Никкудак захрипел, ничего не сказав внутри головы, отпустил ногу шира Ортрия и движением ныряльщика прыгнул на Джагги. Тем временем Фикус ловко боднул в живот второго субдоминанта, так что Илона смогла поднять в воздух шира Ортрия, с двумя странно болтавшимися ногами и без сознания. Доминанту, похоже, была доступна какая-то магия. Он поднимал и опускал жезл, пристально глядя на тело Ортрия, так что Илона никак не могла вырвать его из сгустившегося воздуха и унести прочь за двуслойный забор. Джагги ловко выскользнул из-под рук напавшего на него мертвеца и вернул крышку шлема на место. Теперь он слышал мертвый, распространявшийся без воздуха голос: "Под этой шкурой живая плоть".

— Фикус, — так же минуя воздух, непосредственно из головы в голову, позвал Джагги. — Они знают, что мы живые.

— Их пальцы скользят по доспехам, — ответил Фикус на тот же манер. Фогеди все это время и не думал приходить детям на помощь. Он стоял в самой что ни на есть расслабленной позе, скрестив руки на груди, и как будто о чем-то беседовал с горсткой несвежих мертвецов, еще не вернувшихся в могилы. Вокруг них с дикой скоростью нарезала круги

голова посредника.

Дальше все произошло очень быстро. Джагги и Фигус оказались вдавлены, вмяты друг в друга: мертвые никкудаки собрались вокруг них, и все плотнее сжимали кольцо. Страшная музыка — но не та, которой их встретил некрополь, а проще и громче, как дворовые песни, если их слушать сквозь канализационные трубы, которые служили бы им одновременно и проводником, и резонатором — страшная эта музыка сотрясала мозг и уже грозила взорвать черепные коробки живых детей изнутри. Илона в воздухе вскрикнула, теряя силы; продолжая удерживать шира Ортрия, она вместе с ним опустилась на землю. Внизу ждал доминант. Он принял на руки тело Ортрия, сразу вывернув его плечи. Тот застонал — и вдруг страшная, в рваных лоскутах кожи, раздувшаяся рука отбросила доминанта назад.

Старые мертвецы гнали никкудаков; судя по звукам, вырывали из них куски мертвого мяса, отламывали им руки — но суставы складывались вместе, и оторванные конечности прирастали снова. Джагги и Фигус лежали на земле, и по ним ходили ногами; нужно было постараться откатиться в сторону. Костюмы в какой-то мере защищали их, но оба стонали от боли и очень слабо представляли себе, как выбраться из-под ног мевивших друг друга мертвецов.

Фогеди взял на руки Ортрия, чтобы оттащить его в сторону. Рядом одним прыжком оказался мертвый никкудак; он выбросил вперед руку и ухватил шира за шею. Но тут кто-то из местных мертвецов, коренных обитателей некрополя, пнул его самого по руке, та с хрустом сломалась. Никкудак зашипел недовольно и отступил. Ортрий открыл глаза. И сказал потрясенно:

— Тетушка Айциро?

Мертвец, который, по-видимому, в самом деле когда-то был женщиной, посмотрел на него долгим взглядом. У этого трупа еще оставался один глаз, правда, он плохо держался в глазнице.

— Крошка Орти. Оторвать бы тебе, правда, башку, — задумчиво сказала (разумеется, не шевеля губами и не сотрясая воздуха) мертвая тетушка Айциро, развернулась и пошла прочь.

Внезапно все кончилось. Мертвецы уходили. От никкудаков сквозь кости черепа доносилось только сердитое ворчание. Этим было некуда идти. Не так давно они явились сюда живыми с заданием усмирить мертвецов молитвой и ритуалом. Это у них не получилось, а могил для них на случай неудачи заготовлено не было. Но ступени некротического звуко-

ряда стерлись, музыка затихала, и мертвые жрецы расположились вокруг отлитого в металле Священного Свитка Никкуда. Тела их казались разбросанными силой взрыва, вырвавшегося из-под земли. Они лежали в живописном беспорядке, и движущая сила, какой бы природы она ни была, их оставила.

Голова посредника подкатилась к ногам Фогеди. Как ни странно, она выглядела почти не потрепанной недавней битвой.

— Ну что? — спросила она. — Может, этого мне оставишь? Все равно помрет. А я его здесь пристрою.

— Все люди когда-то помрут, — пожал плечами Фогеди. — Но менять начальника отдела нам пока рано. Лучше, может быть, вы поедете с нами? Мы бы в лаборатории вас пересобрали, а то у вас тут одна голова. Да и та больше похожа на капусту, честно сказать.

— Нет уж, — сказала голова, — мне и так хорошо. Я останусь с ребятами. Кое-кого нужно проводить, ну и вообще, сам понимаешь.

— Что ж, удачи, — сказал Фогеди, — ваше пение было незабываемо.

Шир Ортрий застонал.

— Что это он? — с подозрением спросила голова посредника.

— Больно ему, — объяснил Фогеди. — Кроме того, он хотел бы просить вас передать его почтение покойной тетушке Айциро.

Голова захихикала, подпрыгнула на месте и быстро покатила след за старыми мертвецами вглубь территории некрополя. Между прочим, на ней все еще каким-то чудом держалась совершенно не нужная ей маска с воздушным фильтром.

На пути обратно, в той же телеге, в присутствии притихшего водителя происходил инструктаж. Сперва мерит Фогеди, ругаясь и роясь в своих многочисленных карманах, искал нужный болеутолитель. Два прибора он попробовал по очереди на извлеченных из костюмов Джагги и на Фикусе; оба орали страшными голосами, потому что приборы эти боль усиливали. Фогеди, не проявляя ни малейшего сочувствия, принялся тут же на клочке бумаги делать какие-то расчеты, обещая при этом засунуть ослиный хвост в ослиные уши дежурному магу конторы, который не способен даже учесть, как сделать поправку на жирный след некромантии. Исписав обе стороны своего бумажного обрывка, он вдруг хлопнул себя по лбу и без предупреждения потянул на себя гибкий прут, которым водитель поглаживал черный куб самоходной телеги. Тот оторопел, попытался было бороться за свой кнут, как он называл эту штуковину, но вскоре уступил. Фогеди сложил трофейный артефакт вдвое, размахнул-

ся и с силой хлестнул Джагги. Тот взвыл, подскочил — и вдруг расплылся в улыбке. Фогеди велел ему не делать резких движений и повторил то же с Фикусом. Убедившись, что импровизированный болеутолитель вполне работает, Фогеди ударил им разложенного на мешке шира Ортрия. От шока тот пришел в сознание и хотел было заговорить, но Фогеди в резких выражениях велел ему лежать неподвижно и принялся вправлять пострадавшему начальнику отдела суставы. Плечи встали на место, а вот коленные чашечки потребовали наложения шин. Фогеди отложил прут, который тут же, воровато оглядевшись, ухватил обеими руками водитель. Он это сделал вовремя: телега давно уже сбилась с дороги и, подпрыгивая на камнях, колесила по кривым улочкам окраин. После наложения шин шир Ортрий попросил воды. Вода нашлась в телеге, дети тоже утолили жажду, а вслед за ними сам мерит Фогеди и даже водитель. После этого хармотехнолог объявил ученикам, что все это был инструктаж — первая часть. И сейчас же, не дожидаясь, пока шир Ортрий начнет отдавать свои распоряжения, предложил приступить ко второй части — ответам на вопросы.

Вопросов у подростков было немало. Сначала Илона захотела знать, почему не работали сильные болеутолители с заряженной солью, но сработал какой-то кнут, и что такое мерит Фогеди вычислял, чтобы это понять. Фогеди жизнерадостно объяснил ей, что вычислял он значение статического эффекта типа минус-заряд от совокупного воздействия некромантии и остаточной магии жезла мертвого никкудака, а делал это в припадке идиотизма. Во-первых, эффект был динамическим, и возникал как раз из-за того, что след некромантии терялся и уходил; во-вторых, проникал он неглубоко, а в-третьих, жезл никкудака никакого воздействия на все это вообще не оказывал. Зато пруты, подобные этому, делают в нехороших подвалах и, следовательно, он может заряжаться от боли, но это ей знать нельзя, потому что это секретная информация. На этом месте, даже немного раньше, шир Ортрий застонал. Фогеди снова схватился за прут и стал вырывать его из рук водителя. Но шир запретил мериту хлестать его болеутолителем и сказал, что он просто подумал кое о чем не очень приятном. После этого Фикус спросил, как вышло, что мертвецы убили никкудаков — полный октет. На это мерит Фогеди ответил уклончиво: он-де предполагает, что мертвецы переиграли октет в музыкальном отношении, а когда он сам станет восставшим мертвецом, скажет точнее. Тут шир Ортрий подумал о чем-то совершенно возмутительном и некрасиво выругался. Неизвестно поче-

му, это помогло Джагги набраться решимости и спросить у мерита, что такое, собственно, посредник и почему он называет мертвецов "мои ребята". Фогеди, тщательно взвешивая слова, ответил, что посредник есть по природе своей дух земли, то есть, существо мифологическое. Взятое напрямую из дворовых легенд. Штука в том, что его посредничество гарантировано пророчеством, которое, естественно, он, Фогеди, не имеет права сообщать ученикам, пока они не постигли техники безопасности и не посвящены в секреты третьего уровня. Тем не менее, пока это выглядит так: дух земли создается искусственно, кстати, с участием редкого артефакта, заряженного некромантией (шир Ортрий взвыл), но если все сделать правильно, то ретроспективно активизируется его древняя связь с мертвецами. Илона спросила: "А дальше он слушается создателя и помогает ему договориться?" Мерит Фогеди охотно поведал в ответ, что, как правило, когда доходит до дела, посредник переходит на сторону мертвецов и помогает им разорвать своего создателя вместе со всеми помощниками, сочувствующими и просто теми, кто под руку подвернется; однако в этот раз, как ни странно, им повезло — практически чудом.

К концу инструктажа шир Ортрий готов был рыдать. Удар прута, сложенного вдвое, снял не только физическую боль, но и заметную долю последствий душевного потрясения, пережитого на кладбище. Тем не менее, за время поездки на его глазах Фогеди нарушил пару дюжин инструкций, сообщил новым ученикам то, чего по правилам не должен был знать и сам, а поскольку в самокатной телеге вполне может жить жучок, применяемый для прослушивания, ширу Ортрию неизбежно придется доложить хотя бы о половине этих нарушений куратору. Удастся ли ширу уйти от ответственности за то, что не пресек безобразие, творившееся на его глазах, неизвестно.

Когда телега добралась до места, мерит Фогеди передал шира Ортрия с рук на руки дежурным магам и отвел детей на территорию: в нулевой отсек, дальше они пока не допускались. Там их покормили, они по очереди приняли душ, молоденькая магичка-ассистентка с большими круглыми от удивления глазами скорректировала несколько ушибов, полученных мальчишками. Фогеди пригласил всех троих в свой кабинет и, пока те разглядывали диковинные предметы, картинки и надписи, развешанные на стенах, восхищаясь чудовищным беспорядком на рабочем месте мерита, выписал им по ордеру во внешнюю кладовую — на аптечку, маску, перчатки и несколько простейших артефактов первой необходимости. Перед уходом Илона все-таки спросила еще вот что:

— Мерит Фогеди, а кто такая госпожа из песни мертвецов?

— А это нам с вами еще предстоит выяснить, — улыбнулся Фогеди. — Между прочим, завтра у нас опять выездное занятие. От школы вас освобождают, приходите ко второму уроку, только не в класс, а ко мне.

— Вот если б каждый день так! — с воодушевлением сказал Джагги. — Вот это, я понимаю, уроки!

Фогеди посмотрел на него с интересом. Он вспомнил свой первый “урок”, неделю без сна после, и на секунду задумался: что сказал бы сейчас этот мальчик, если бы оба старших — то есть те, кто был без костюмов — умерли на его глазах?

— Это как повезет, — сказал он.

Удивился было, заметив, как в глазах другого мальчика — Фикуса — промелькнуло что-то похожее на понимание, и даже сочувствие. Но тут же, вспомнив, хлопнул себя по лбу:

— Вот что! Ученик Фикус, ты завтра приходи с вещами. Если у тебя есть.

— Немного есть, — сказал Фикус, — а что?

— А не положено тебе ночевать по диогенкам. Это, видишь ли, не способствует режиму. У нас, хармотехнологов, строгая дисциплина. Фикус не сдержал улыбки. Джагги с Илоной переглянулись. Понятие строгой дисциплины плохо вязалось с фигурой мерита.

— А где мне положено ночевать? — поинтересовался Фикус.

— Положено в общежитии. — деловито сообщил Фогеди, — Бумаги на оформление посланы. Сколько это времени займет у шкрибов, неизвестно. До тех пор будешь ночевать у меня на кушетке в террариуме. Дети фыркнули. Фикус заметно развеселился — как если б он всю жизнь мечтал жить в террариуме. Они попрощались и сами ушли через проходную. Охранники их не задерживали, и вообще смотрели на них с опаской, как если б у каждого из них на плечах росла капуста голова.

Еще не войдя в дом, Джагги услышал рыдания матери. Он заторопился, отпирая замок, ключ в замке застрял — но тут же его подтолкнуло изнутри острие шила, и дед сам открыл ему дверь.

— Гина! — крикнул дед. — Ты там рыдай, не отвлекайся. Только скажи, ребенка-то чем кормить?

Плач сменился всхлипыванием, раздались шаркающие шаги, мать вышла в коридор, бросилась к Джагги, теряя тапки, повисла у него на шее и опять разрыдалась. Дед молча смотрел на них. Открыл было рот, но передумал и ничего не сказал.

— Что случилось? — спросил в конце концов Джагги. — Кто-то... умер?
— Ты, — ответил дед. — Во всяком случае, добрые люди представили дело твоей матушке именно так.

— Я не умер, — сказал Джагги. — В нашей группе никто не умер! — с гордостью добавил он. — Это произошло чудом!

Дед показал ему волосатый кулак. Покрутил пальцем у виска.

— Мама, — спохватился Джагги, откладывая в сторону сумку, полученную в кладовой конторы, и обнимая мать. — У нас были костюмы. Они предохраняли вообще от всего. Мы трое были в безопасности. А взрослые могли... им что-то угрожало, немного, потому что у них костюмов не было. Но все прошло благополучно, никто не умер! И даже не собирался! Мать подняла заплаканное лицо, посмотрела на него, попыталась что-то сказать, но у нее ничего не вышло, и она разрыдалась снова. Джагги заметил, что сильно перерос мать. Она прижималась головой к его груди, и плечи ее ритмично сотрясались. Дед взял с пола сумку, которую принес Джагги, и принялся рассматривать ее содержимое.

— Что там? — вдруг, оторвавшись от сына, испуганно спросила мать.

— Стандартный набор, — спокойно ответил дед. — Перчатки, маска, средства дезинфекции. Лента — волосы подвязывать, чтоб не мешали. В общем, все, что нужно для красоты, только губной помады нет. Наверное, впопыхах забыли положить, как ты думаешь?

— Вам бы все шутить... — почти обычным, только слегка дрожащим голосом упрекнула его мать.

Но она не стала заглядывать в сумку, и это заведомо было к лучшему. За ужином Джагги узнал, что два снабженца из библиотечной столовой видели Джагги в самоходной телеге и узнали его в костюме. Это произошло на перекрестке, на котором телега как раз сворачивала к некрополю. К тому моменту все уже успели услышать, что мертвецы сожрали полный октет никкудаков и закусили командой дежурных магов. Эгина отпросилась с работы и побежала прямо в Поднебесную Башню Никкуда в надежде что-нибудь узнать у бывшего мужа, но в ворота ее не пустили, и верховник Кабарус к ней не вышел. Иначе и быть не могло, ведь, вступая в орден, жрец прекращал земное существование; для бывшей жены и даже для сына он стал никем. И все же... но никаких “все же” не существует перед лицом Закона божеского и человеческого, особенно если этот Закон уже повернулся к тебе задом.

От ворот храмовой стены Эгина хотела бежать — ехать, если найдет, на чем — прямо в некрополь, но не успела сделать и двух шагов, как ее

перехватил хмурый дед, разумеется, просчитавший ее передвижения на шаг вперед. Что-то где-то успел и он услышать — но дед никогда не раскрывал своих источников. Он указал невестке на те обстоятельства, что (1) достоверной информации о том, что происходит в некрополе, у нее нет ни капли; (2) с какой целью самокатная телега свернула в сторону некрополя, точно не известно; (3) в защитном костюме узнать человека не так просто, тут легко перепутать; (4) даже если она доберется до кладбища, внутрь ей не войти; (5) если она сумеет каким-то образом войти, то сумеют выйти и восставшие мертвецы; начнут охоту на горожан, поймут и Джагги, который, возможно, сидит себе в городе, разучивает технику безопасности и вовсе на их территорию не входил. На этом месте Эгина разрыдалась и позволила увести себя домой. Дома она продолжала плакать; дед отложил свои дела и остался с ней.

Когда Джагги увидел, что настала его очередь рассказывать — мать смотрела на него со страхом и ожиданием — он попытался собраться с мыслями и представить себе, как поступил бы на его месте дед. Теперь уже нельзя было отрицать, что именно его видели в самокатной телеге по дороге в некрополь. Он глотнул сока, чтобы выгадать немного времени, а потом сообщил, что первое занятие было выездным — очень интересным. Все три ученика получили защитные костюмы. С ними на кладбище пришли двое взрослых. Благодаря особенному артефакту, заряженному некромантией — только это большой секрет! — взрослые утихомирили мертвецов, и те разошлись по могилам. Октет никкудаков действительно лежал вокруг скульптуры, посвященной Никкуду, но в чем там с ними было дело, взрослые не объяснили. Сейчас он понимает, что мертвецы, видимо, были страшные, но там, на месте, он не чувствовал страха, потому что так действовал защитный костюм. Мать принялась было расспрашивать, но дед остановил ее:

— Ты хочешь, чтобы он тебе секретную информацию выдавал? А что ему за это будет, подумала?

— Но, премерит Лир, он же ничего не подписывал! Откуда у него секретная информация?

— Из опыта выездного урока и из мозгов, Гина — если, конечно, они у него есть. Пришел, увидел, осмыслил — вот тебе и секретная информация. Согласна?

Эгина вздохнула, соглашаясь: возразить было нечего. Встретившись глазами с Джагги, дед кивнул ему одобрительно. Джагги отпустили спать. Его и в самом деле клонило в сон. Добираясь до кровати, с ленивым

удивлением он отметил, что мать впервые обратилась к деду так странно: премерит Лир. А Фогеди, Косматая сказала бы, сумасшедший гений Фогеди — всего лишь мерит. Дед был всегда. Большую часть времени он проводил дома и возился с какими-то приборами, которые если и были артефактами, то незаряженными. Тем не менее, где-то он состоял на службе. Но как называется то, что он делает? Проваливаясь в сон, Джагги открыл для себя, что он никогда не задавался этим вопросом, и ответа, следовательно, не знал.

10. Домик

Никто, разумеется, и не подумал лечь спать. Первое время даже светильников не зажигали: сели на землю, сидели и размышляли в темноте. — Это просто многоуровневый артефакт? — спросил Мукт. — Знаешь, — сказал Юши, — многоуровневый артефакт — это не просто. — Но он же должен когда-то разрядиться! — настаивал Мукт. — Надолго его не хватит. Разрядится, и мы выйдем. — Мукт, — сказал Мяур, — а ничего, что он тут уже двести лет стоит и не разрядился? — Не двести, — рассеянно ответил Вакс, — не меньше четырехсот. — А как же этот... гарнизон? Который двести лет назад был? — не сдавался Мукт. — И двести лет назад был, и четыреста лет назад был... — вздохнул Юши. — Это древний артефакт, солидная штука, он еще тыщу лет тут простоит. — А если б он разрядился, — добавил Вакс, — мы бы вообще отсюда не вышли. Потому что эти стены каменные и очень прочные, врытые в землю. — А так мы как выйдем? — быстро спросил Рейко. — Вот как-то нам надо использовать этот резервуар — заряд забора. Но пока я не уверен, что даже тип магии удастся выяснить — он, может, и под официальную классификацию не подойдет. — Не докторская яма? — спросил Юши. — Думал об этом, — признался Вакс. — К счастью, все-таки нет. — А что такое докторская яма? — спросил Мяур. — А что это? — одновременно с ним спросил Мукт. — Это ловушка для продвинутых магов, — объяснил Юши. — Сейчас

уже неизвестно, какое происхождение у таких артефактов — магомагическое или природное.

— Как природное? — удивился Рейко. — Такие вот заборы растут, как грибы?

— Ох, — сказал Юши, — знаешь, какие бывают грибы...

— А почему тогда это не докторская яма? — подал голос Гараччи. Могло показаться, что он разочарован: ему бы хотелось попасть в ловушку, настроенную на продвинутых магов древности.

— На докторской яме были бы руны, похожие на случайные письма жука-короеда, — в темноте было нетрудно представить себе, как Вакс загибает пальцы, — это раз. Два — это было бы сложное заклинание, которое маг мог бы разгадать, только из-за ложных намеков он, скорее всего, разгадал бы его неправильно. И сделал бы ровно такую ошибку, которая стоила бы ему жизни.

— Вот чудачки, — сказал Рейко. — Если все это было известно, зачем вообще пытаться прочитывать послания жука-короеда, настоящие или поддельные?

— Приняли бы правило техники безопасности, обходить стороной такие штуки, и все, — поддержал его Мукт.

— А три, — сказал Вакс, — жук-короед не зря священное животное. И на территории храмового города не зря стоит обновляемый деревянный терем-алтарь. Слышали про такой?

— Даже видели... — тихо сказал Мяр. — Нас на экскурсию водили тогда на территорию.

— А я болел, — завистливо вздохнул Мукт.

— Руны, как мы их знаем, — сказал Юши, — и сама возможность словесных заклинаний — все это как раз и пошло от жуков-короедов. Они умеют перерабатывать сырую магию. Точнее, умели в те времена.

— А сейчас? — спросил Мяр.

— Ну... ходят слухи, что лет пятнадцать назад жуки священного терема произвели-таки заклинание. Никкудаки из магического отделения храма это даже почувствовали, пришли, стали разбираться... — Юши как будто рылся в памяти, как в книжном шкафу.

— Звучит, как начало анекдота, — подала голос Ниола. Чувствовалось, что настроение у нее не ахти.

— А я всегда думал, что это и есть анекдот, — заметил Вакс.

— Ну, если и анекдот, то задокументированный, — усмехнулся Юши. — В общем, это было довольно куцее, коротенькое заклинание, и когда они

с долженствующими церемониями его произнесли, все, кто его слышал, лишились возможности читать руны. Забыли, как это делается.

— Вот это да! — восхищенно воскликнули Мукт и Мярур.

— А я слышал, что они вообще забыли буквы, читать и писать разучились, — сказал Вакс.

— Это только тот, кто фактически произносил заклинание, — объяснил Юши. — Во всяком случае, так у них в отчетах написано. И он потом быстро научился снова. А руны уже никто не мог читать из команды — смотрят и видят просто какие-то закорючки, случайно выведенные жуком.

— Ну вот, — продолжал Вакс, — так что, если верить отчетам, идея запретить разбираться с посланиями жуков-короедов, конечно, отчасти здравая, но если б древние маги так поступили, рунической магии просто не было бы. Ловушки потому и работали, что это было, как у вас в учебниках говорят, время зарождения и расцвета рунической магии.

— Домик, — сказала Ниола, — по чертежам Хитрого Терема.

— Что? — переспросил Юши.

— В храме Агви есть свиток, где говорится про такие домики. Что-то вроде, ну, информационного сообщения. Там, — объяснила Ниола, — сказано, что Хитрый Терем, который заманивает магов, придумал Рагалья и каким-то образом подбил Лера и Ганера ему поспособствовать. Это очень похоже на вашу докторскую ловушку — я про нее больше нигде не читала.

— Похоже, — задумчиво сказал Юши, — если учесть, что тот алтарь тоже обустроен в виде терема...

— Может быть, — осторожно согласился Вакс, — правда, жрецы все-таки много врут, а когда не врут, много пишут ерунды.

Мярур и Мукт шумно вздохнули — замечание Вакса прозвучало для них кощунственно. Они, конечно, участвовали во многих проделках, связанных так или иначе с нарушением инструкций, и в обществе сверстников старались держаться, как законченные циники. Но такое даже для них было слишком. Однако же Ниола, хоть и училась на теолога, даже не думала сердиться.

— А там сказано, что это записано со слов “пророка, смотрящего в прошлое” — ну то есть, по-простому говоря, ретроспекта, — объяснила она.

— Тогда это по крайней мере интересно, — оценил хармотехнолог. — А что же там было про домики?

— Когда Лер и Ганер разобрались, они рассердились на Рагалью и чуть

было не поймали его самого, но Арви проходил мимо, заинтересовался и спросил, нельзя ли по тому же магическому принципу для своих солдат строить временные укрытия. Они в то время были союзниками в большой игре — все трое, без Рагальи.

— Ясное дело, — фыркнул Юши.

— Ну вот, — сказала Ниола, — а дальше все как в детской игре "чур, я в домике".

— Но, — сказал Рейко, — этот забор не может быть таким старым!

— Нет, конечно, — согласился Вакс, — но это и не требуется. После войны, пока еще хватало возможностей, наверняка что-то подобное использовала полиция. И копии тогда еще могли делать. Во всяком случае, это достаточно вероятно. Дает нам это какие-то зацепки?

— Не знаю, — сказал Юши. — Пока трудно сообразить.

— Я думаю, — сказала Ниола, — нам надо вспомнить все про домики. В смысле, про игру.

— В "чур-чур"? — насмешливо переспросил Мукт. — Да мы в нее уже проиграли!

— Мысль здравая, — одобрил Вакс предложение Ниолы. — Маловероятно, конечно, но остатки ритуала могли сохраниться в каком-то из вариантов игры. Аччи, ты там заснул, что ли?

— Нет, — мрачно ответил Гараччи, — я в домике. Мне темно.

— Не вздумай светильник без толку расходовать, — предупредил Вакс.

— Без тебя знаю. Почему в ваших домиках нет туалетов?

— Не трави душу, — вздохнул Рейко. — Давайте вспоминать правила. Мяур, Мукт, вы как — может, еще помните?

— Смеешься? — обиженно спросил Мукт.

— Мы в нее уже лет десять не играли! — с достоинством сказал Мяур. Гараччи тогда сказал:

— Я помню:

*Твердый дом, мертвый дом,
Крышка круглая вверх дном!
Если крышку откручу,
Прямо в небо полечу!*

— Это из другой игры! — рассмеялась Ниола. — И вообще, это считалка.

— Видимо, — пробормотал Вакс, — имеются в виду малые левитаторы типа "котел"...

Все стали вспоминать, как играли в “домики” и вообще во все, что могло быть связано с домиками, и считалки, которые при этом было положено говорить, и правила дворовых игр, которые только в голову приходили. Вакс заснул прямо на земле и захрапел. Его пытались растолкать, но не преуспели, Гараччи сказал, что он тоже хотел бы так заснуть, но не может, потому что у него переполнен мочевой пузырь, а Рейко рассказал, как он случайно заперся в туалете ветеринарной академии, и все стали ему завидовать.

— Я там, — он сказал, — от нечего делать стал читать экспромты с завываниями. Помогло — не прошло и часа, как уборщицы прислали дежурную магичку изгонять неизвестную сущность. Ну она меня и изгнала.

— А что ты читал? — спросила Ниола.

— Да что в голову придет, — сказал Рейко, — кстати, приходили как раз считалки, ну и вообще всякая ерунда.

— Что, “унитаз, унитаз, я красивый водолаз”? — спросил Мяур.

— Это тоже, конечно! — обрадовался Рейко. — И еще, сейчас вспомню:

*Я стреножен, я заперт
По ту сторону страшной стены,
Я отчаяньем занят,
Я смотрю безобразные сны,
Из доступных субстанций
Только та, что стекает во тьму,
Дико кружится в танце,
И мне хочется с ней самому
Набирать обороты
Так, чтоб ей ненавидеть пришлось
Эти такты и ноты,
Чтоб со мной разделить эту злость!*

— О! — вскакивая, воскликнул Вакс. — Да! Воронка!

— Кто-то тоже увидел безобразные сны, — прокомментировал Юши.

— Увидел, увидел, — подтвердил Вакс, — еще как увидел.

Он заставил Рейко трижды повторить для него туалетный экспромт, причем с завываниями.

— Хорошо, — сказал он, — теперь не мешайте. Я буду искать поток.

— Да мы щупали уже турбометром! — сказал Мяур.

— А есть? — оживился Вакс.

— Маленький есть, — подтвердил Мукт.

— Давайте сюда, — Вакс зажег светильник. — Вы искали снаружи. Снаружи ничего не будет — в этом смысл "страшной стены". Есть! — турбометр защелкал. Вакс стал водить турбометром в воздухе, держа его в одной руке, а при помощи другой освещая его же светильником.

— Понял, — сказал Вакс. — Возможно, мы отсюда выберемся.

— Когда? — спросил Гараччи.

— Дня через три-четыре, — не помогая себе против обыкновения руками, поскольку они были заняты светильником и турбометром, только в одной голове провел приблизительные вычисления Вакс.

Это вызвало взрыв всеобщего негодования. Неужели нельзя было придумать что-нибудь побыстрее? Впрочем, Юши, хоть и не испытывал восторга при мысли о том, чтобы сидеть в каменной бочке в темноте четыре дня, поддержал Вакса: им повезло уже в том, что хотя бы появилась надежда покинуть этот "домик".

— Выход сам не появится, его нужно сделать, притом физически, — терпеливо объяснял Вакс. — Нужно построить...

— Туалет! — крикнул Гараччи.

Эта мысль всем очень понравилась. Вакс задумался и сказал, что, пожалуй, внутреннее помещение сделать даже понятно, как, и потоки пере-направить оттуда — ну то есть, обустроить канализацию — с помощью Мяура и Мукта, если они не потеряли своих жезлов, у него тоже получится.

— А сколько времени это займет? — поинтересовался Рейко. — Дней пять?

— Вряд ли, — невозмутимо ответил Вакс. — А вот часов пять оно занять может.

В действительности они с Мяуром и Муктом управились часа за полтора. Могли бы и быстрее, но Вакс настаивал на том, чтобы не зажигать больше одного светильника: он не был уверен, что от этого потока исчерпанные светильники можно заряжать, и они не лопнут. Когда все было готово, Гараччи заявил, что он пойдет первым, а то им же хуже — но его заставили проявить галантность и пропустить Ниолу вперед. Скоро туалет всех сделал счастливыми. Даже мысль о необходимости жестокой экономии воды — запасов немного, а им еще четыре дня сидеть взаперти! — не испортила путешественникам настроения. Они достали спальные мешки и растянулись на полу. Места едва хватило, зато недостатка воздуха не было: в "домике" неизвестно как осуществлялась вентиляция.

— “Из доступных субстанций только та, что стекает во тьму”, — засыпая, бормотал Вакс.

11. Милочка отрацивает крылья

Утром дед остановил Джагги в дверях со словами:

— Эгей, хармотехнолог! Дай метку на тебя налеплю.

— Зачем это? — с подозрением спросил Джагги. — Я опаздываю! — и взялся за ручку двери.

— Да стой, говорю! Зачем, зачем... Мать полночи Никкуду молилась, не слышал?

— Я спал... — растерялся Джагги.

— “О Лора! — провозгласил дед, — О Миару! Крепок ли сон злодея, коснется ли его нега?” Ты спал, — добавил он обычным голосом, — а она, представь себе, не засыпала ну вот никак. Как ты думаешь, с чего бы это? И такая набожность на нее напала, прямо не узнать девушку! Съела, может, что-то не то?

— Ну хватит, дед, — взмолился Джагги, — понял я. Ты ей обещал на меня метку поставить, и тогда она пошла спать.

— Точнее будет: и тогда я смог ее загнать в постель и убедить принять сонную пилюлю, — усмехнулся дед. — Но я гляжу, что-то у тебя в голове появилось похожее на мозги. Некромантия творит чудеса! Ну давай, поворачивайся ко мне спиной и зажмурь глаза. Если будешь жульничать, за результат я не готов отвечать.

— А я думал, чтобы метку поставить, нужен маг, — сказал Джагги, поворачиваясь лицом к двери и закрывая глаза. По спине его тут же побежали мурашки.

— Маг нужен человеку, чтобы ощутить свое ничтожество перед лицом времени, — наставительно произнес дед. — Ощутить и воскликнуть в печали: “Чем ты была, матушка магия, и чем стала!” Для всего остального человеку нужны общая культура и усердие в меру, так, чтобы оно не перевозмогало рассудок. Все, готов, — он слегка толкнул Джагги в затылок.

— А как ты это сделал? — обернулся к нему Джагги. — Какой артефакт...

— А кто это у нас опаздывал? — поинтересовался дед. — Беги давай, мотылек ты любознательный, служба не ждет! — и он приглашающим

жестом распахнул перед внуком дверь.

На проходной охранники, для порядка взглянув на пропуск, не стали задерживать Джагги, и он уверенно помчался по коридорам. Память по этой части у него была отменная, лабиринт из коридоров должен был бы быть гораздо сложнее, чтобы у него появился шанс заблудиться. Если он и опаздывал, то всего лишь на пару минут.

Запыхавшись, он вбежал в кабинет хармотехнолога. Там на краешке стола сидела Илона, бледая и встревоженная. Больше в помещении никого не было.

— Привет, — растерянно сказал Джагги.

— Привет, — сказала Илона. — Фикус пропал.

— Как пропал? — стены кабинета покачнулись, и Джагги ощутил нехорошую легкость в ногах. — Он не пришел?

Илона кивнула.

— Мерит Фогеди за ним поехал.

— Он знает, где... куда его увезли? — спросил Джагги.

— Нет, но обещал узнать.

— Илона, стой, — Джагги бросил в угол сумку и сел на стол рядом с ней: стулья были безнадежно завалены разнообразным хламом, так что больше сесть было некуда. — Может, он просто опаздывает?

— Мерит Фогеди... услышал, как Фикус его позвал. За ним пришли.

Джагги ухватился руками за край стола, чтобы не упасть. Перед тем, как зазвонил будильник, и после всех снов ему пригрезилась стена, и на этой стене разноцветными буквами возникало его имя, “Джагги ДЖАГГИ” — наклон букв менялся, они становились то письменными, то печатными... Вспомнив их совершенно ясно, Джагги окинул стену из сна мысленным взором и убедился в том, что все варианты его имени были написаны рукой Фикуса.

— Моя тетка говорит: если он жив, то мерит Фогеди его вытащит, — неуверенно сказала Илона. — Я связалась с ней, и она...

— Илона, подожди полминуты, ладно? — попросил Джагги. — Я подумаю.

И он стал отчаянно звать Фикуса внутри головы. Нужно было сосредоточиться, может быть даже — отречься от себя; вместо этого Джагги находился на грани впадения в панику и сам себя тащил оттуда за волосы. В конце концов ему как будто удалось установить какую-то связь, но тут же в голове его раздался щелчок, как если бы кто-то рванул коммуникационную ниточку телептона. Что это значит? Жив ли Фикус? Он

ли вышел на связь? Сам ли он ее оборвал? Джагги решил повторить попытку в скором времени, а пока любым способом успокоиться, прийти в состояние созерцательного безразличия: это хорошо получалось в бочке.

— Придумал? — спросила Илона.

— Не получилось, — признался Джагги. — А откуда твоя тетка знает Фогеди?

— Мне кажется, — Илона немного смутилась, — у них был роман. Хотя это трудно себе представить.

— Почему? — спросил Джагги, чтобы что-нибудь сказать.

— Ну... — Илона явно подбирала слова... — она строгая, красивая. Аккуратная. Одета по моде. Стихи любит. А мерит Фогеди...

— Понял, — усмехнулся Джагги. — Да в любом случае, женщин с таким уровнем раздолбайства, чтобы найти родственную душу в нашем мерите, не бывает. Разве что кто-то из жриц Миару весеннего созыва...

— Тетка служит в храме Лоры, — серьезно сказала Илона. — Конечно, бывает, что она ведет ритуалы для Миару...

— Это как? — удивился Джагги.

— А ты не знаешь? — в свой черед удивилась Илона. — Хотя да, в учебнике не написано... Ну, — она улыбнулась, — надеюсь, это не секретная информация. Это называется Великий Сезонный Танец.

— Что называется Великий Сезонный Танец? — Джагги помотал головой, как бы вытряхивая лишние ассоциации. — Звучит, как что-то астрономическое.

— Да это и есть что-то астрономическое, — подтвердила Илона. — Вот недели через три, когда Козочка сделает прыжок из Дома Суеты в Дом Забвения, а Баран Сгив-Заде наступит в Болото, жрицы Лоры и Миару поменяются местами. И тетка будет, скорее всего, выпускать горячие стрелы Миару.

Это сообщение почему-то воодушевило Джагги сверх всяческих ожиданий.

— А правда, — начал он, — что жрицы Миару...

И тут в мозгу его заорали раскаленные трубы:

— Ученик Джагги! Ты на месте?

Джагги схватился за голову; его “я” раскалывалось на куски.

— Да, — поспешно отозвался он внутри головы. — Я у вас в кабинете, мерит.

— Подойди к столу со стороны ящиков. Приложи ладонь к медной пластинке с изображением собаки, которая ловит собственный хвост.

Джагги соскочил со столешницы и побежал выполнять инструкции под внимательным, любопытным взглядом Илоны.

— Ящик выдвинулся! — телепатировал он. — Здесь серые свертки какие-то!

— Это костюмы, те самые, — объяснил в мозгу у Джагги мерит Фогеди.

— Я их немного приспособил к обстановке. Два из них наденьте, третий берите с собой. Сумки со стандартным набором артефактов тоже с собой. Вот, видишь, я делаю у тебя в голове псевдокомпас. Он будет, понятное дело, указывать направление. Вот в этом направлении и идите оба, и не забудьте костюмы наглухо застегнуть. Если кто-то вас постарается удержать силой, ничего не предпринимайте: костюмы сами разберутся, не маленькие.

— Мерит Фогеди, — отчаянно завопил Джагги, прыгая в собственной голове, — Фигус жив?

— Еще не видел, — ответил Фогеди, — приходи, разберешься. Среди простых арестантов его нет.

— А может, его уже выпустили? — с надеждой спросил Джагги.

— Чудес не бывает, — последовал ответ. — Отключаюсь. Действуй.

Илоне долго объяснять не пришлось. Скоро они уже, целиком экипированные, размахивая сумками, бежали туда, куда глядели глаза Джагги внутри его головы.

— Он нас подслушивал, — бросил Джагги Илоне на бегу.

— Он тебе сам сказал? — Илона даже споткнулась.

— Нет.

— А тогда откуда ты знаешь?

— Знаю.

Перед внутренним взором Джагги пульсировала, указывая путь, горячая стрела Миару.

Стоило детям вбежать в переулок, как им преградили путь люди в форме команд быстрого реагирования. С ними был человек в штатском. Он сказал:

— Ну что? Идем в отделение.

— Нам по пути, — сам не зная почему, ответил Джагги.

— Вот как? — усмехнулся штатский. — Комбыры, вы же слышали юношу. Берите его под белы ручки, а заодно и барышню...

Двое, попытавшиеся исполнить распоряжение человека в штатском, вскрикнули. Руки их, коснувшиеся защитных костюмов хармотехнолога, повисли, как плети.

— Так, — сказал штатский, выхватывая откуда-то из складок одежды крохотный излучатель.

От стены отделился дежурный маг с высокоуровневым жезлом.

— Защита сложная, — он сказал. Коснулся руки ближайшего к нему пострадавшего магическим жезлом. — Сигнала по нервам нет.

— Это я и без палки могу сказать, — заметил его командир, переводя дуло излучателя поочередно то на Джагги, то на Илону. — Вот кто бы мне разъяснил, какой прок от дежурных магов?

— Высокая жрица Миару в полнолуние может вырастить из жезла дежурного мага красный цветок. Он называется Ключ от Сердца, — звалась помочь Илона.

— Ишь ты, и дня не проучились у этого, а уже подхватили манеру заковыристо издеваться, — усмехнулся штатский. — Может, пострелять в вас? Что тогда будет, а?

— Не знаю, — пожал плечами Джагги.

— Попробуйте, — сказала Илона.

Страшно было в меру: костюмы, как всегда, стабилизировали эмоциональный фон. Не сговариваясь, дети изображали полнейшую беспечность и безразличие; понемногу им становилось ясно, почему мерит Фогеди держит себя с начальством именно так.

— Осмелюсь обратиться, преорд, — наполовину простонал один из калек.

— Мы можем идти? Нам нужно как можно скорее попасть в лечебный отсек.

Штатский выстрелил в него. Тот упал как подкошенный. Джагги понял: комбыр не должен был в их присутствии обращаться к особисту "преорд". Илона передернула плечами. "Вероятно, — как-то отстраненно подумал Джагги, — она сейчас шлепнулась бы в обморок, если бы не костюм. А может, и я бы шлепнулся рядом". Дежурный маг сделал было шаг в сторону упавшего, но особист повел дулом излучателя в его сторону.

— Итак, вы идете в отделение службы охраны порядка? — как ни в чем не бывало спросил преорд. — Даже бежите, как я понял?

Илона и Джагги переглянулись.

— Идем, — решительно сказала Илона.

— Идем медленно, — поддержал ее Джагги. — Несем тяжелую ношу.

Дети обошли лежащего с двух сторон, Джагги взял его за ноги, а Илона за руки. Джагги знал, что Илона для облегчения груза применит искусство левитации и надеялся, что она постарается сделать это незаметно.

Хотя особист наверняка собрал всю информацию про их сверхспособности. В конце концов, воспрепятствовали его планам не они, а защитный костюм.

Дежурному магу было велено “отводить взгляды прохожих”, чего он делать, похоже, не умел: как нарочно, и во дворах, и на улицах все оглядывались на удивительную компанию. Почему подростки в странной спецодежде (мало кто мог узнать в ней защитные костюмы хармотехнолога) несут пострадавшего комбыра, а двое взрослых, один из которых еще и дежурный маг, просто идут рядом? Комбыры явно попали в переделку: один без сознания, если и жив, у другого парализована рука. Кто формировал вызов и что случилось: в жилых кварталах появились встормы или люди-уроды, а может, имел место выплеск каких-то агрессивных стихий? Джагги чувствовал, что преорд хотел бы перестрелять всех встречаемых, в первую очередь женщин и детей, из чего-нибудь понадежнее небольшого излучателя. Мальчик и сам ловил себя на мысли, что такое количество свидетелей не сулит лично ему ничего хорошего: страшно подумать, в каком виде слухи о происшедшем дойдут до матери. Впрочем, еще неизвестно, что будет дальше. Тех, кто побывал в отделении под присмотром кого-то из особистов и вернулся домой живым, было немного, и, как правило, они ничего не рассказывали. Горячая стрела Миару меж тем пульсировала, подтверждая направление точно на отделение.

Внизу, в холле, особист сделал было попытку заставить детей бросить бесчувственного комбыра на лавку, но те не подчинились; мало того, второй комбыр, с парализованной рукой, как бы невзначай спрятался за спину Джагги. Преорд посмотрел на него с ненавистью и махнул рукой. Все шестеро вошли в стеклянный лифт, двинулись вверх, минуя этажи, на которых располагалась служба охраны порядка, забрались в какую-то загадочную мансарду, где после остановки двери лифта оставались запертыми. Особист отпер их заговоренным ключом. Маг заметно нервничал и, кажется, хотел остаться в лифте.

В огромной комнате, где сразу несколько человек начальственного вида сидело за длинным черным столом, детей ждал, лучезарно улыбаясь, Фогеди. Горячая стрела Миару в последний раз вспыхнула в голове у Джагги и тут же погасла.

— Начнем урок! — провозгласил хармотехнолог.

Начальники за длинным столом переглянулись.

— Мерит Фогеди, вы не в своей лаборатории, — заметил тот, что сидел почти в самой середине стола, по правую руку от центрального заседа-

теля.

— Согласен! — жизнерадостно подтвердил Фогеди. — И это более чем кстати, так как обучение хармотехнологов всегда происходит в непривычной обстановке. Сейчас я сдвину кресла...

На глазах изумленных особистов Фогеди заботливо обустроил ложе для комбыра, пребывавшего без сознания, помог детям с удобством его разместить и спросил:

— Кто это его так?

— Вон тот, — Илона мотнула головой в сторону сопровождавшего их особиста. — Из излучателя.

— Сначала мы, — поправил ее Джагги, — то есть, наши костюмы, вышло как вот с его напарником, — он указал на второго комбыра, стоявшего молча; тот поднял левой рукой правую, демонстрируя, что она висит, как плеть. — А потом он захотел в медицинский отсек, и тогда этот его...

— Понял, — сказал Фогеди. — У вас легкая рука, преорд. Чудо, что вы не убили своего подчиненного, а всего лишь устроили ему вторичный электрошок. Как вы думаете, есть шанс, что у него могут заработать мозги? Хотите пари?

— Фогеди, перестаньте валять дурака, — хмуро ответил особист. — И поверьте, мне наплевать, вышиб ли я мозги этому остолопу, все равно они ему ни к чему.

— Вот если бы они были ему нужны, — подхватил Фогеди, — это было бы совершенно другое дело! Начнем с того, кто пострадал только от костюма, а не от гнева начальства. Открываем стандартный набор. Достаем резиновую грушу. Есть? Произведите над ней любую Работу.

— Как это, мерит Фогеди? — спросила Илона, порывшись в сумке и вынув оттуда большую розовую с блестками резиновую грушу. Джагги закатил глаза к небу, точнее, к потолку. У него была голубая. Он видел, что начальники не просто не знают, как с ними поступить: им нужно выяснить, на что способен Фогеди.

— Ты, девочка, как будто первый день в хармотехнологах, — неодобрительно сказал Фогеди. — Ну подними ее, например, в воздух, пусть она у тебя левитирует!

Илона послушалась. Груша, кстати, никак не хотела летать: поднималась над ладонями девочки, совершала половину круга и падала. Но Илона, разумеется, не сдавалась.

— Она и есть первый день в хармотехнологах, — вдруг Джагги понял, что он сердится.

— Второй, — безмятежно поправил его мерит Фогеди. — А ты чего ждешь? Говорю же: любую Работу.

— А как...

— Да ну есть же у тебя сверхспособность? Это сейчас самое простое, другие варианты обсуждать будет долго. Ведь есть, так? Давай ее применяй.

Джагги растерялся. Он что, должен мысленно побеседовать с голубой резиновой грушей? Джагги внимательно посмотрел на нее. Попробовал установить с ней контакт. Сначала она не отзывалась. А потом сказала голосом Фикуса:

— Мне пытаются подсадить под череп ментальную прилипалу, чтобы она прослушивала все коммуникации и съела память о себе, понимаешь?

— Нет, — признался Джагги. — Я боюсь, что ты спятил.

— Ты боишься, — как будто усмехнулся Фикус. — Я-то как боюсь! Короче, если у них получится, я буду думать, что все как раньше. Не буду знать, что прослушиваюсь насквозь.

— А... у них еще не получилось? — спросил Джагги.

— Пока нет, — ответил Фикус.

— А почему? — Джагги был уверен во всемогуществе особистов.

— Я сопротивляюсь, — просто ответил Фикус. — Все, отбой. Они, кажется, всерьез собрались мне череп вскрывать.

И Фикус отключился.

— Плохо Работаешь, мальчик, — сказал Фогеди. — Илона уже совершила Работу над своей резиновой грушей. (“Прилипала?” — мысленно спросил он. “Да, — ответил Джагги, — они пытаются ее подсадить”.) Дайте руку, парализованный. — Фогеди вложил розовую с блестками резиновую грушу в безжизненную руку комбыра, не пострадавшего от гнева начальства, и слегка сжал ее его пальцами. — Чувствуете что-нибудь?

— Да... — прислушавшись к себе, ответил комбыр. — Чувствую, как будто держу что-то, но, что ли, как во сне. И за сто километров от тела. И одновременно здесь, поблизости, чувствую, как в пальцах что-то покалывает. В подушечках пальцев.

— Хорошо, — сказал Фогеди. — Попробуйте сами держать грушу и ее не выронить. Илона, если комбыр выронит грушу, подхвати ее в полете и пролевитируй назад к нему в руку. Процесс пошел; если вам повезет, через неделю сможете держать печеную баранью ногу этой рукой, а через две-три уже будете как новенький.

Джагги готов был поклясться, что начальники за длинным столом сде-

лали себе письменные пометки вроде — вред от костюма обратим, но чрезвычайно медленно.

— Мерит Фогеди, — с достоинством произнес тот, кто сидел по правую руку от центрального начальника, видимо, самого главного, — мы решили дать вам аудиенцию в поощрение ваших заслуг с тем, чтобы...

— Вы хотите дать мне аудиенцию? — обрадованно перебил его Фогеди. — Я очень рад, а признателен вам я за это сверх меры. Но вы, конечно, видите, что сейчас я занят: стоит еще немного промедлить, и гнев преорда, — Фогеди подмигнул сопровождавшему детей особисту, — убьет этого господина, а детей его оставит сиротами. Так что аудиенцию придется отложить.

Не обращая внимания на сдавленные звуки, издаваемые его собеседником (остальные начальники за столом, впрочем, сохраняли невозмутимость), Фогеди повернулся на каблуках к телу комбыра, пораженного двойным электрошоком, и пальцем поманил к себе дежурного мага, стоявшего у стены с видом человека, которого уже ничем не удивишь. Из огромных карманов хармотехнолог достал пару огромных перчаток.

— Выкованы на огне Миару, — с гордостью отрекомендовал он матерчатые перчатки, протягивая их магу. Тот принял их как ни в чем не бывало.

— Я не жрица, — только заметил он, — мои возможности искусственно пробуждать огонь Миару весьма ограничены.

— Вот и славно, у нас ведь не было планов испечь ему мозги, — подбодрил его Фогеди. — Просто нагрейте воздушную подушку для его головы. Вот так, — одобрительно кивнул он, пронаблюдав, как маг поддерживает голову комбыра через воздух, не касаясь затылка. — А сейчас мы посадим ему на лобик одну мадам... — В этот раз он запустил руку за пазуху и вынул оттуда редкую многорукавную пиявку, похожую на осьминога.

— Давай, милочка! Ученик Джагги, задерни шторы.

— Прекратить! — крикнул один из начальников за столом.

— Отставить прекращение, — низким басом сказал центральный. — Мерит Фогеди, заслуженный хармотехнолог, устраивает нам... ммм... демонстрацию. Наше дело — наблюдать и делать выводы.

Джагги стало по-настоящему страшно, и не помогал костюм. Победив слабость в коленках, он обошел все окна и аккуратно, одну за другой, задернул шторы. После этого уже нельзя было не заметить, что пиявка светится тусклым серебристым светом.

— Негусто, — вздохнул Фогеди. — Ну же, постарайся, милочка. Мерит

маг, попробуйте закрыть границы, чтобы тепло не уходило. Ученики, вы помните наизусть какую-нибудь молитву?

— Географическую, — растерянно сказал Джагги.

— Песни Любви и Смерти, — отрапортовала Илона. — Я их штуки четыре, наверное, помню. Или пять, даже пять с половиной.

— Не пойдет, — Фогеди помотал головой, — Хотя... помнишь хоть одну про приграничные туманы? Междумирье, там, Лимбо, всякое в этом роде. Это было бы полдела.

— Да, это четвертая, — кивнула Илона. — Там и дальше есть, но я не учила.

— Хорошо. Не начинай пока. Нам нужна к ней еще молитва, обращенная конкретно к Палвади; я должен выбрать...

— Если позволите... — застенчиво произнес другой комбыр, все еще упражнявшийся с резиновой грушей. — Я помню: "Великий Палвади чинил-чинил"!

— О! — всплеснул руками хармотехнолог. — В самый раз! Внимание: начинает Илона; если к концу молитвы свет мадам пиявки мигает в такт, в соответствии с ритмом — без паузы вступаете вы, сударь мой. Обязательно попадите в первые два-три такта, дальше оно будет подстраиваться само. Если свет мигать не будет — ничего не делайте, держитесь в стороне от девчонки. В случае чего костюм ее защитит, а вас нет. Все ясно?

— Все ясно, — сказал комбыр.

— Ясно, — эхом отозвалась Илона.

— Приступайте! — Фогеди поднял неизвестно как оказавшийся в его руках жезл дежурного мага и приготовился им дирижировать.

Илона приняла торжественную позу, вероятно, в ее представлении подходящую для подобных okazji, и начала четвертую из Песен:

О Лора! О Миару! Как читаются имена?

Ночь смотрит в зеркало вод

И видит огонь

Так читаются имена.

О Лора! О Миару!

Так читаются имена.

Как мне понять зеркало вод,

О Лора! О Миару!

Как мне понять зеркало вод?

*Зеркало вод читается как граница,
О Лора! О Миару!
Зеркало вод читается как граница.
Как слой тумана, в который приходится погрузиться,
Если я ни жив и ни мертв, и не знаю, в какую сторону
Направляются белые аисты или черные вороны,
Направляются белые аисты моих белых дней, Лора!
Направляются черные вороны моих черных ночей, Лора!
Направляются красные лисы языками твоих огней, Миару!
О Лора! О Миару!*

*Я слишком прост, чтобы понять зеркало вод,
Я не знаю, не знаю карты тумана,
Я врываю между двумя стенами
К толстопузому зверю в необъятный живот,
По другую сторону зеркала кто-то меня зовет.
О Лора! О Миару!
По другую сторону зеркала кто там меня зовет?*

Мадам пиявка давно уже не просто мигала, а прямо-таки пульсировала светом, то голубоватым, то зеленоватым, заметно более ярким, чем в самом начале, когда Фогеди только плюхнул ее на лоб к пострадавшему члену команды быстрого реагирования. Его соратник, как ему было велено, подстроился под две последних пульсации и, по знаку дирижера, затянул по-солдатски:

*Великий Палвади чинил-чинил
Мост деревянный чинил-чинил,
Падает тень на овал лица,
Мост деревянный разваливается.*

*Великий Палвади сердится,
Дерево ему не нравится,
Дерево вертится, как девица
В теле перед зеркалом, красавица.*

Великий Палвади пробует так и пробует эдак,

*Плавит железо и переходит на медь,
Пыль на усах, в глазах рябит от пометок,
Время шлифует перила, и больно смотреть.*

*Славная работа, добавить нечего,
Выстроен мост между сердцем и печенью,
На мосту стоят незнакомые рыбаки,
Глубоко закидывают удочки.*

Живой фонарь на лбу у бесчувственного комбыра мигал всевозможными цветами; Фогеди был доволен так, что время от времени похлопывал разыгравшуюся пиявку одолженным у дежурного мага магическим жезлом. Хоть никто этого и не ждал, с последней строкой молитвы, обращенной к Палвади, хармотехнолог подхватил отпущенный ритм и прочитал вот что:

*Кровь должна кипеть,
Нервы должны срастись,
Ребра груди образуют клеть,
Движение образует жизнь.
Здесь нужен повар,
Здесь нужен плотник,
Нужен для дела такого
Злой и хитрый работник.
Обращаясь к тебе через пробелы времени,
Не обещаю повиновения,
Взывая к твоему имени,
Остаюсь при своем мнении.*

В этот момент многорукавная пиявка вспыхнула ослепительно ярким лиловым пламенем и принялась ронять рукава. Комбыр, до сих пор лежавший без сознания, приподнялся на локте и произнес: "Преорд зараза, оближи мою задницу два раза. Видал я твои приказы в мокрой попе у водолаза". Высказывание истощило его силы, и он снова рухнул на спину.

— Необычная молитва, — заметил Фогеди, опуская жезл. — К кому бы она могла быть обращена? Я бы поставил на всемогущего Никкуда, в конце концов, ведь это он любит порядок. Во всяком случае, так пола-

гают преорды, а им наверняка лучше знать.

Центральный начальник повелительным жестом указал на стул преорду, уже доставшему излучатель. Тот пожал плечами и повиновался: сел на стул, излучатель положил на колени. Дежурный маг выменял у Фогеди жезл на перчатки. Пиявка тем временем претерпела настоящее волшебное превращение: у нее выросли странные округлые крылья и длинный хвост с жалом на конце. Светиться она перестала, зато научилась летать. Это стало ясным, когда она поднялась в воздух, махая крыльями, и опустилась на плечо к хармотехнологу. “Ну-ну, милочка,” — негромко проворковал он и погладил ее большим пальцем по голове; надо сказать, что голова с двумя глазами у нее тоже теперь появилась.

— Ну а теперь, мерит Фогеди, после этого весьма впечатляющего... исцеления умирающего, у вас найдется для нас минутка? — поинтересовался самый главный начальник, сидевший в центре стола.

— Хоть десять! — с готовностью отвечал мерит Фогеди, — Но сперва, будьте добры, впустите сюда антропологов. Я вызвал их, чтобы они забрали больного: вероятно, они положат его в свою бочку с соленой водой, наденут на него электроды — словом, как это обычно у них бывает. Ему еще месяца два приходиться в себя, с вашего позволения.

— Мерит Фогеди, — нахмурился главный, — вы слишком умны, чтобы не догадываться, что комбыр гносеологически инфицирован. Среди антропологов есть коммуниканты, они могут считать секретную информацию.

— Да — не желая этого, точно так же, как ее только что считал я! — живо подхватил Фогеди. — Теперь, согласно инструкции, вам необходимо дезавуировать эту информацию, извлечь ее из секретного кластера и оборвать вокруг нее связность. Так что здесь уже вмешательство антропологов не внесет беспорядка.

— Вы правы, — невозмутимо ответил центральный. И приказал неизвестно кому, глядя прямо перед собой, — впустить антропологов!

Вошли двое щупленьких антропологов с несколькими дюжими лаборантами, настроили шестичастный левитатор и, обменявшись с Фогеди парой фраз, довольно густо населенных медицинскими терминами, унесли снова впавшего в забытие, но уже не похожего на неподвижную куклу комбыра вместе с креслами. Джагги растерянно отметил про себя, что так недолго и нарушить отчетность: что скажет материально ответственный, когда увидит, что предметы мебели бесследно исчезли? Но тут же он прогнал эту мысль: во-первых, данному конкретному ведомству ин-

струкции не писаны, во-вторых, это совсем не его дело, в-третьих, теперь не до лавок.

— Итак, мерит Фогеди, — улыбнулся главный среди начальников за столом, — наступило время нашей с вами аудиенции. Квазиторий Ескра жаждет задать вам несколько вопросов: как мы все здесь успели заметить, вы ему чрезвычайно любопытны.

— Мерит, — коротко поклонившись, заговорил тот, кто сидел по правую руку от главного, только что оттитлованный квазиторием, — мне трудно отделаться от впечатления, что сегодня вы демонстративно вступили с Ведомством Особо Важных Аспектов Государственной Безопасности в открытую конфронтацию. Вы ведь не станете спорить..?

— Квазиторий Ескра, — поклонился в ответ Фогеди, — я человек мирный, к спорам не расположен, так что, если прикажете, готов сей же момент вступить хоть в две конфронтации. Хотя, признаться, лично я смысла в этом не вижу...

— Позвольте, я спрошу прямо, — поморщился квазиторий. — Как вы относитесь к нашей организации?

Начальники за столом зашевелились; очевидно, прямота вопроса им показалась неуместной или бестактной.

— При таком соотношении сил, — улыбнулся хармотехнолог, — более осмысленно интересоваться тем, как ваша организация ко мне относится. Что такое я для нее? Мелочь, насекомое в хитиновом панцире.

— К слову о панцире, — подхватил квазиторий Ескра, — как вышло, что ваши ученики направились сюда в защитных костюмах?

— На сегодня начальством для нас была запланирована опасная миссия, — объяснил Фогеди. — Разумеется, не такая опасная, как встреча с разгневанным преордом особистом, — он снова подмигнул особисту, все так же сидевшему на стуле с излучателем на коленях. — Нам поручено обезвредить лужу, которая будто бы превратила команду дежурных магов в стадо козлов; впрочем, я не помню точно, но определенно там вышло что-нибудь в этом роде. Едва ли мне нужно вам объяснять, насколько безопаснее ученики — совершенные новички, прошу заметить! — чувствовали бы себя рядом с такой лужей в защитных костюмах.

— Но вам ведь известна ценность этих костюмов? — уточнил квазиторий. — Невоспроизводимых артефактов невычислимой древности, проходящих по нашему ведомству?

— О, насчет невозпроизводимости — это техническая ошибка! — замахал руками Фогеди. — Такие опечатки встречаются в документации. Ин-

струкции считаются утерянными, это верно, но многое уже ясно безо всяких инструкций. Как только дойдут руки, мы с учениками начнем делать копию, и по мере углубления в технические детали, думаю, почти во всем разберемся. А пока — чем больше мы их используем, тем яснее становятся принципы их устройства.

Начальники переглянулись. Повинуясь короткому взгляду со стороны главного, квазиторий повел разговор в другом направлении.

— Допустим, — сказал он. — Но если вас отправили возиться с лужей, зачем же вы явились сюда, сбили с толку охрану и сорвали нам совещание?

— Если б вы знали, как я сожалею о том, что вам помешал! — сокрушенно вздохнул Фогеди. — Вот вы-то сами, наверное, во всю вашу жизнь не совершали таких неуклюжих ошибок... Поверьте, я не имел в виду вторгаться и навязывать свое присутствие, да и как я мог бы помыслить такое? Я просто шел за своим учеником. Мы с ним уговорились, что он явится раньше всех — а он, бездельник, меня задерживал. Видите ли, Коготь Рекрутера для меня пометил троих; двое перед вами, а третьего не видно. Исчез.

— То есть, вы шли по заданному направлению, поскольку метка... — нахмурился квазиторий...

— ...имеет перманентный характер. Это я сам подкорректировал, для удобства. Работа у нас опасная... — как будто смущенно объяснил хармотехнолог.

— А ваши... это мальчик и девочка, верно? Они-то как вас нашли?

— Когда мы искали мерита, — вдруг вмешалась Илона, — преорд встретил нас и пригласил в отделение. Сначала мы не разобрались, поскольку преорд был в штатском, но, когда поняли, с кем имеем дело, сразу же подчинились.

Фогеди улыбнулся. Как ни странно, преорд на это ничего не сказал.

— Ну что ж, — сказал главный в центре стола. — Должен сказать, что для меня разъяснение заслуженного мерита с комментарием его очаровательной ученицы все расставило по местам.

— Прошу прощения, — дал промашку квазиторий Ескра, — я не понял, почему мерит не удалился сразу, как только обнаружил свою ошибку, а вместо этого позволил себе проводить “урок” для двоих учеников непосредственно в зале для совещаний?

— Квазиторий Ескра, — ответил главный, — создается впечатление, что вам неизвестно содержание присяги старшего хармотехнолога. Разуме-

ется, увидев пострадавших от неосторожного обращения с артефактом, он должен был в первую очередь заняться их спасением. И, конечно, тем самым он неизбежно должен был преподать своим ученикам урок, раз уж они присутствовали при этом... а прощение, — он посмотрел в глаза совершенно уничтоженному этой речью соседу справа, — прощение надо заслужить.

— Виноват, мой архорд! Больше не повторится! — квазиторий Ескра сделался белым, как мел, — Готов искупить кровью!

— Ну, посмотрим, — неопределенно ответил человек из центра стола. — А ученика вашего вам сейчас выведут, мерит Фогеди. Вы ведь знали, что он коммуникант?

— Много на это указывало, — кивнул Фогеди.

— Вот мы и пригласили его к себе, чтобы провести кое-какие исследования — разумеется, неинвазивного характера. Коммуникант он сильный, в наши дни такое на вес золота. Да вот и он. Ну как? Не обижали тебя? Успокой своего учителя.

Фикус, которого ввели в боковую дверь два существа неопределенного пола, похожие на ангелов Никкуда, бросил быстрый взгляд на Джагги, потом на Фогеди.

— Дали чаю с пирожными, — сказал он. — И еще одна девушка меня целовала.

— Гм, — сказал на это главный начальник. — Мы, конечно, наведем справки, что это у нас за шалунья объявилась. Но на будущее смотри, девушки не одобряют обычно, когда мальчишки хвастают их поцелуями.

— Я только один раз, — сказал Фикус.

После было решено отложить миссию по обезвреживанию опасной лужи на завтра. Едва они покинули помещение, Фогеди отослал Джагги и Илону домой прямо в костюмах, наказав без них больше на улицу не выходить. Он забрал у них костюм для Фикуса, взял его под локоть и повел к себе.

— Мы с Джагги прекрасно тебя понимаем, — сказал он Фикусу, который выглядел подавленным и встревоженным, — особенно я. Пообщаться с безопасниками — это серьезно, и бывает, что от этого многое меняется в голове. Но по моему опыту эти перемены всегда можно обратить на пользу себе, да и окружающим. Так будет и в этот раз.

Фикус внимательно посмотрел на него и вдруг широко улыбнулся.

— Вы мне поможете? — спросил он.

— Чем могу, — просто ответил хармотехнолог. На его плече птица, похо-

жая на электрического ската, подняла и опустила крылья.

— Сядь пока к этому гражданину на голову, милочка, — попросил ее Фогеди. — Он без кепки, а тебе точно понравится греть крылья на солнышке — заодно и послужишь ему шляпой.

Птица перелетела к Фикусу на голову, и он ощутил след странного присутствия у себя в мозгу. Фогеди молча ему кивнул. Они подошли к дому, поднялись по лестнице. Не успев вставить ключ в замочную скважину, Фогеди услышал по ту сторону двери лязг замка. Дверь отворилась. На пороге стоял подросток, слегка щеголевато — по расслабленной молодежной моде “некромант на вечеринке” — обутый и одетый. Он сказал:

— Фог, у нас проблемы.

— К вам приходили, сынок? — спокойно спросил Фогеди.

— Да. Мать уже третье показание дает — вошла во вкус. Она потом еще сама к ним побежала.

— Понятно. Кое-что надо обмозговать. Знакомьтесь. Нар — Фикус. Пойдемте в кухню разговаривать?

— Пока вы разговариваете, — быстро сказал Фикус, — я лучше в другой комнате посижу. А то голова болит. У вас есть комната со звукоизоляцией?

— Птичка закроет тебе ушки крылышками, — усмехнулся хармотехнолог. — Иди, ложись на кушетку.

— Не подходи близко к террариуму, — предупредил Нар. — Отец давно не кормил большую хищную жабу. Я тебя не разыгрываю.

— Если она хочет меня сожрать, пусть вылезает и подходит ко мне сама, — решительно сказал Фикус и с размаху плюхнулся на кушетку. Птица-скат закрыла ему уши крыльями.

12. Гробница Пастуха и подводные нравы

— Из развлечений у нас один туалет, — сказал Гараччи. Шел третий день в полумраке: Мяур по ошибке сделал так, чтобы его жезл тускло светился на манер светлячка, заряжаясь от магии “домика”; было решено ошибку не исправлять, а воткнуть доморощенную свечку в центре посреди комнаты.

— Можно его переоборудовать в театр марионеток, — предложил Вакс, отвлекаясь от вычислений.

— А кукол из чего делать? — спросила Ниола.

— Из людей, — мрачно ответил Гараччи.

Юши давно уже не участвовал в разговорах: он был занят чтением. Читал он документацию к артефактам из мешков Мукта и Мяура — разумеется, к тем из них, которыми они владели легально. Будущие маги не мешали ему, только переглядывались и перешептывались: они подозревали, что от недостатка воды и впечатлений библиотекарь рехнулся. Вода в двух флягах еще наличествовала, но порции были сильно урезаны.

— Рейко! Расскажи что-нибудь, — попросила Ниола. — Или почитай стихи.

— Балладу! Про героев! — сказал Мяур.

— Может, Ваксу это поможет, как в прошлый раз вышло с туалетом! — обрадовался Мукт.

— Вряд ли, — вздохнул Вакс. — Разве если есть что-нибудь про одномерные жидкие кристаллы или про четырехмерные кластеры с переменным поверхностным натяжением...

— Ясно, есть, — просипел Рейко, у которого пересохло в горле и, кажется, начиналась ангина, — как не быть? Ведь все пишут баллады только про это, — и хрипло продекламировал:

*Одномерный твой жидкий кристалл
Я увидел и сразу сломал,
Оторвал ему голову без сожаления,
Чтобы четырехмерные кластеры
Не меняли поверхностные натяжения,
А помадами губы покрасили.*

— Интересные рифмы, — вежливо похвалил Вакс.

— И синтаксические ходы, — поддержала его Ниола.

— Да ну вас к черту! — взорвался Гараччи. — Четырехмерные ходы! Синтаксические кластеры! И этот еще хрипит, как похмельный садовник с удавкой на шее. Юши вон бедный... с вами только рехнуться можно, здоровый человек тут не выдержит. Пойду я отсюда.

— Куда? — прохрипел Рейко.

— В туалет, — ответил Гараччи, поднимаясь с земли.

— Надолго? — поинтересовался Вакс.

— Навсегда, — зло сказал Гараччи, хлопнул дверью туалета и исчез вместе с ним во вспышке ослепительного багрового пламени. Вакс выругал-

ся, прыгнул следом, но его отбросило в сторону, так что, споткнувшись о ногу Мукта, он упал прямо на Мяура. Отползая прочь и маневрируя между препятствиями, как корабль, вплывающий в незнакомую бухту, въехал кормой в Ниолу. Яркий свет все еще стоял перед глазами, и в полумраке, ставшим по контрасту крошечной тьмой, никто ничего не видел.

— Что это было?! — закричал Мяур.

— Как он это сделал?! — спросил Мукт. В голосе его слышалось восхищение.

— Где он теперь? — тихо проговорила Ниола.

— Вряд ли далеко... — медленно сказал Вакс. И позвал, — Юши!

— Минуту, — откликнулся тот.

— Тебе сейчас букв не видно, как же ты читаешь? — Вакс явно жалел для него минуты. — Мне нужна консультация.

— Ну хорошо. Чего тебе? — Юши не скрывал досады.

— Опиши последний известный тебе случай туннелирования. Особенно если он тебе хорошо известен.

— Восемьдесят два года назад, когда отступник Вейди украл из хранилища Никкуда священный сосуд с переохлажденной жидкостью? — оживился Юши.

— Бывало и позже, — задумчиво протянул Вакс.

— Ну, у меня-то ведь нет доступа к секретной информации, — усмехнулся Юши. — Все мои источники лежат в открытом доступе. Точнее, в полуоткрытом: нужно пропуск оформить, причем знать заранее, куда именно, в какой библиотечный отсек. Так рассказывать или нет?

— Говори, пожалуйста, — словно очнувшись, попросил Вакс.

— Оргическая секта, последователи которой до сих пор скрываются глубоко в пещерах, называемых ими Кругами Оргуда...

— Так, — сказал Вакс. — Извини. Давай я буду вопросы задавать, а ты на них отвечай покороче, идет?

— Почему нет? — Юши пожал плечами.

— Вейди планировал туннелирование?

— Считается, что нет.

— На каком основании считается?

— У него было много соучастников с задачей обеспечить аккуратный отход с переохлажденной жидкостью. У Вейди, понятное дело, был мощный левитатор с тончайшими настройками, чтобы не потревожить жидкость...

— Да все равно он ее потревожил! — возмущенно перебил Вакс. — Как только у сосуда возникло ускорение, она сразу кристаллизовалась!

— На этот счет, как ты понимаешь, свидетельств никаких нет. В любом случае он исчез вместе с ней. Да, так вот его ждали во всех ключевых точках маршрута соучастники, причем у каждого — по левитатору и стабилизатору. Все это были люди серьезные, продвинутые специалисты, просто так оргики не стали бы ими жертвовать. Они не ушли с мест, потому что Вейди все не появлялся. Так что их взяли тепленькими, там почти никто даже сопротивления не оказывал. Из этого делается вывод, что никакого туннелирования святотатцы учинять не собирались. Вейди должен был забрать сосуд и выйти с ним наружу самым что ни на есть регулярным образом, через двери, окна и подвальный люк.

— Понял. Это все, что мне нужно знать о святотатцах. Еще вопрос: известны ли вообще в истории случаи запланированного туннелирования?

— Думаю, нет, — секунду поразмыслив, ответил Юши. — По крайней мере, мне неизвестны. В сказках случается, конечно, просачивание сквозь стены...

— Надо подумать, — сказал Вакс. — Может быть, придется вспомнить и сказки...

— Тулбуктай, сумасшедший жрец Палвади, пророк и рагальянец, учил муравьев проходить сквозь стены, — подала голос Ниола.

— О! — обрадовался Вакс. — Это недавно!

— Ну как недавно, — Ниола зябко поежилась, вставая с земли и подходя к месту исчезновения Гараччи, — почти полвека прошло.

— Ну и как? — спросил Юши. — Научил?

— Он утверждал, что научил “в принципе”, — безразличным голосом ответила Ниола.

— А что он имел в виду? — с интересом спросил Вакс.

— Что сквозь стену толщиной с полчетверти пальца у него за сутки проходил один муравей из ста миллионов.

— А сквозь стену толщиной в одну шестнадцатую пальца — один муравей из десяти тысяч? — предположил Вакс.

— Да, кажется, примерно такие цифры, — все так же без выражения согласилась Ниола. — Но это если у муравьев был стимул.

— Какой, например? — спросил Юши.

— Например, в муравьином доме с лабиринтом тлеющий пожар, а выходы заперты. Или газ какой-нибудь впрыснули неприятный.

— Жестоко, — заметил Рейко. — Вот бы ему самому так.

— Людей тоже, бывает, сажают в такие домики, — сказала Ниола.

— А он не пробовал, — оживился Рейко, — помещать муравьев в спичечные коробки, чтобы муравей туннелировал вместе с коробкой?

— Не пробовал, — ответила Ниола.

— Ты представляешь себе, сколько места займут сто миллионов спичечных коробков? — разозлился Вакс.

— Ну так что из всего этого следует? — спросил Юши.

— Что Аччи далеко не ушел — это раз... — неохотно начал Вакс...

— И два — что нам не удастся повторить его подвиг? — допытывался Юши.

— Ты же слышал цифры по вероятности, — Вакс вздохнул. — Можно, конечно, попытаться перестроить пространство исходов, но я так думаю, Тулбуктай был не глупее нас. В его распоряжении были довольно сильные артефакты, и он был великий технолог. Там, где он не справился, и у нас шансов маловато.

— Но они есть? — вдруг отчаянно спросила Ниола.

— Ниола, — сказал Вакс, — шансы всегда есть. Но эффективней будет продолжать строить выход. А Аччи — он уже на свободе. Снаружи до нас звуки не доходят, а то мы бы его уже слышали.

— Сегодня ночью кто-то стучал в стену, — сказал Мяур. — Я слышал.

— Допустим, но шум ветра или плеск большой рыбы в озере мы же не слышим, хотя озеро совсем близко. Возможно, тебе показалось, а еще может оказаться важно, в какое место стучать. Может, Аччи уже постучался, не попал, куда надо, и пошел к озеру напиться.

— А если у него заклинил замок? — голос Ниолы дрожал, она явно была в ужасе от такой перспективы. — Ему трудно подолгу сидеть в запертых помещениях, у него клаустрофобия!

— Что такое клаустрофобия? — спросил Мукт.

— Боязнь закрытых пространств, — шепотом ответил ему Мяур.

— Ну Аччи дает, — поразился Мукт. — Мы же в Лесу. Тут открытых пространств надо бояться!

— Если бы он боялся открытых, у него бы была агарофобия, — резонно возразил Мяур.

Тут Юши встал, чтобы зайти в туалет, но туалета не обнаружилось. Он стал ругаться, в ответ на что Ниола по-настоящему вышла из себя и обозвала его библиотечной крысой, утонувшей в маразме: как он мог упустить из виду, что Гараччи пропал вместе с этой идиотской и, возможно, намертво запертой кабинкой? Все стали спорить неизвестно о чем, и

Вакс, уже не надеясь на помощь Мяура и Мукта, попытался отключиться, чтобы нащупать нужные потоки. Мысли его плавали в своего рода транс может быть, час, а может быть, и все два, как вдруг его втянула назад фраза Юши:

— Потому что у документации к артефактам есть темная сторона!

— Минутку, минутку, — сказал Вакс, — о чем это он? Извините, я отвлекся.

— Он признался, за каким никкудаком читал мяуромуктовскую документацию к артефактам, — объяснил Рейко. — Он хотел научиться колдовать. Приобщиться, так сказать, к темной магии.

— Вот как? — спросил Вакс.

— Что за чушь! — возмущенно сказал Юши.

— Да ты фактически это и говорил! — возмущенно фыркнула Ниола, похожая на злющую кошку.

— Не я говорил, а вы так услышали, — неожиданно остыл Юши, — Это у вас мозги отключились, чтобы дать вам возможность срывать на мне свое... обезвоживание.

— Правда? — хрипло поинтересовался Рейко. — А ты вот Ваксу повтори, что ты на самом-то деле говорил: посмотрим, как он услышит!

— Я бы послушал, — подтвердил Вакс.

— Да пожалуйста. Нет ничего проще. У Мяура и Мукта документация есть только к тем артефактам, которые им в школе официально выдавали...

— В училище, — поправил его Мукт.

— В училище, — согласился Юши. — Там много указаний на то, чего делать нельзя, и никаких объяснений, почему нельзя и что может случиться, если эти запреты нарушить.

— Тем не менее, информация о том, что может случиться, наверняка задокументирована и с соответствующим грифом секретности где-то лежит, отчасти известная даже дежурным магам, — заметил Вакс. — Так что темной магией на этом не разживешься.

— Для самых древних стандартных артефактов это, скорее всего, не так, — возразил Юши. — Я тут просто вспомнил, что я знаю, где хранится такая документация более высокого уровня посвящения. Тогда, когда у меня был ключ от хранилища, я не придавал этому значения, а теперь понял. В общем, ее едят мыши. Для более новых — не исключено, что имеет смысл попробовать нарушить инструкцию, точнее, истолковать ее обратным образом, совершив по пунктам именно то, что нельзя. Школя-

рам вполне могли запретить вызывать полезные функции, до которых они не доросли — или которые дали бы им в руки слишком много власти. — Почему просто не заблокировать эти функции? — удивился Вакс. — Я уверен, что это так делается.

— Конечно, делается, — терпеливо сказал Юши, — но ведь блокировка не всегда срабатывает, раз, и не всегда бывает перманентной, два. Когда у тебя массовое производство артефактов, и когда тебе выдали твой со склада, из старых запасов, потому что новые покупать дорого, а если деньги на это выделены, приятнее их к себе в карман положить — растет вероятность того, что твой артефакт не умеет того, что ты ожидаешь, и умеет то, чего ты от него совершенно никак не ждал.

— Разумно, — покрутив в голове услышанное, согласился Вакс. — Никогда об этом не задумывался!

— Еще бы, — ехидно сказал Рейко, недовольный тем, что Юши действительно имел в виду совсем не то, что он услышал, и злившийся за это в том числе и на Вакса. — У вас, хармотехнологов, все артефакты штучные! Что вам до того, как работает заводская печать, раз она работает на простых смертных.

— Мне тоже жаль, что у нас больше нет туалета, — участливо сказал на это Вакс. — Стоит ли, однако, так нервничать? У Юши появилась неплохая идея, она вполне может приблизить долгожданную свободу.

— Или взорвать весь этот домик к бешеным козлолакам, — проворчала Ниола.

— Ты очаровательна, когда сердисься, — любезно похвалил ее Вакс. Ниола так удивилась этому внезапному проявлению галантности со стороны живого хармотехнолога, что сильно подалась назад и задела Юши, внимательно разглядывавшего хрупкий на вид стеклянный сосуд. Этот артефакт он вынул из шерстяной и ватной обертки, а обертку — из рюкзака Мяура. Разумеется, сосуд тут же выпал из его рук и разбился об пол.

— “Категорически запрещается ронять с высоты более четверти локтя...” — испуганно прошептал Мяур...

При тусклом свете его волшебной свечи они смотрели, как осколки поползли друг к другу, методом проб и ошибок собрались обратно в сосуд, который теперь от пережитого слегка качался. В нем плескалась прозрачная жидкость.

— Вода! — воскликнул Мукт.

— Нет, — сказал Юши, наклоняясь к горлышку сосуда и шмыгая носом,

— это спирт.
— Долой его, — заявил Вакс и вылил из сосуда его содержимое.
— А Аччи выпил бы! — сказал Мяур.
Никто ему не ответил.
— А для чего вообще эта штука? — спросил Вакс, разглядывая артефакт.
— Воду она очищает. Если взять ее из лужи, только не очень грязной — может очистить, — сказал Мяур.
— Мочу в воду случайно не превращает? — деловито уточнил Вакс.
— Нет, — ответил за Мяура Мукт, — я пробовал... Не с этим, с другим таким же! — поспешно добавил он, видя, что Юши вот-вот уронит артефакт снова.
— Получается, Юши прав? — спросила Ниола. — Эту штуку “категорически нельзя” разбивать по инструкции, а на самом деле, если ее разбить, она делает что-то интересное?
— Ну, подозреваю, что это в большой степени заслуга магического заряда нашего “домика”, — ответил Вакс. — Во всяком случае, потоки ползли в эту кучу осколков неслабые. Если б у нас было сто миллионов таких кувшинчиков, мы бы вкачали в них всю магию стен. и после этого их можно было бы просто разбить тараном.
— Снаружи, — уточнил Юши.
— Ну да, ведь внутри-то тарана нет, — Ниола грустно улыбнулась.
Рейко тем временем стал засыпать, видимо, от обиды, а засыпая, как повелось у него в последнее время, стал хрипло бормотать в рифму:

*Постучал ко мне таран снаружи,
Я сказал ему — пожалуйста, входи,
Я внутри, я никому не нужен,
Без тебя скучаю взаперти...*

Вдруг кто-то в самом деле постучал в стену снаружи. Рейко открыл глаза и приподнялся на локте. Все замолчали. Ниола вскочила, подбежала к стене, приложила к ней ладонь, крикнула:
— Аччи?! Это ты, Аччи? Ты жив?
— Какие неприятные вопросы, — глухо проскрипело снаружи. — Так я и думал. Куда ни плюнь, нигде нет покоя.
— Это не Аччи, — сказала Ниола и, опустив голову, отправилась на свое место, как если бы после этого открытия уже ничто другое не имело значения.

— Кто вы? — спросил Вакс.
— Какая разница, — рассеянно ответил ему тот, кто стучал.
— Я думал, мы могли бы познакомиться, — осторожно сказал Вакс. — Я Вакс, хармотехнолог. Здесь мои друзья. Мы хотим выйти отсюда.
— Так выходите, чего стесняться? — буркнул странный собеседник.
— Мы не знаем, как, — отвечал Вакс.
— Так я и знал, — донеслось из-за стены. — Во что ни наступи, везде оно.
Вакс и Юши переглянулись.
— Если я войду, вы уйдете? — вдруг спросили снаружи.
— Если вы нас научите, как, мы уйдем сразу! — пообещал Вакс.
— Клянетесь спасением души? — недоверчиво уточнили там.
Вакс задумался. Он не знал, что означает эта странная фраза — скорее всего, некая местная ритуальная формула.
— Клянемся! — уверенно пропела Ниола.
— А, это опять ты, — невесело сказал незнакомец. — Ну ладно. Иду. Я еще об этом пожалею, — предупредил он.
— Как вам будет угодно, — вежливо отозвался Вакс.
Сквозь стену, кряхтя и охая, пролезло внутрь нечто, подняв клубы силикатной и штукатурочной пыли. Оно было небольшое, умеренно антропоморфное, с ног до головы покрытое длинными волосами. Зыркнуло из-под волос светящимися глазами.
— Так я и знал. Плюнуть некуда. Набились, словно карпы в ведро.
— Кто вы? — Юши повторил вопрос Вакса, оставшийся без ответа.
— Вот заладили, — с досадой сказал длинноволосый. — Пастух я. Легче стало?
— А где же ваш... скот? — спросил Мяур.
— Скоты повсюду, — мрачно ответил ему Пастух. — Плюнуть некуда.
— Ведь у вас, наверное, не скот, а паства? — мягко, почти ласково спросила Ниола.
— Найди десять отличий, — буркнул Пастух. — Нигде покоя нет. — Вдруг он затравленно оглянулся. — Что, уже сюда лезут?
— Нет, нет, — хриплым голосом успокоил его Рейко, — сюда вообще не так просто попасть... — тут он осекся, вспомнив, как легко это проделал волосатый Пастух. Сквозь стену, и никакого туннелирования.
Пастух внимательно оглядел его, даже прищурился.
— Ты пророк? — спросил он.
Рейко закашлялся. Потом ответил:

— Я... принимаю пилюли.

— Это не лечится, — Пастух пожал плечами и отвернулся, потеряв к нему всякий интерес.

Вакс тоже кашлянул и спросил:

— А как бы нам отсюда выбраться?

— Вы еще здесь? — с отвращением произнес Пастух. — Так я и знал. Ну, давайте. Плывите.

— Как это — плыть? — весело спросила Ниола.

— Вот дура-то, — вздохнул Пастух. — Когда я был Рыбой... А впрочем, вам это все равно. Ну, давайте. Просто плывите, и будет вам вода. Всплывайте из озера. Там как раз этот ваш грубиян в своем гробу плавает. Если не утонул еще, может, вы его выпустите.

Ниола всплеснула руками, сделала несколько гребков в воздухе, в стене и пропала; явственно послышался плеск.

— Ну слава богу, одной дурой меньше, — констатировал Пастух. — Эй, бородатый! — обратился он к Ваксу. — Есть чем писать?

— Есть, — ответил Вакс.

— Если выплывешь, на стене на всех языках напиши, что меня тут нет.

— Тогда, — сказал Юши, — они точно догадаются, где вас искать.

— Твоя правда, — вздохнул Пастух. — Больно умный. А все дурак дураком. Развелось вас тут — как поносный кот нагадил. Ну, короче. Напиши так, чтоб они боялись.

— Обязательно, — пообещал Вакс. — Клянемся... Эээ... молоком матери.

— Нужно мне молоко твоей матери, кретин! — разозлился Пастух. — Ужрался я этим молоком, когда был Младенцем. Чуть не лопнул... ладно. Плыви давай, молокан.

Первое, что они увидели, когда всплыли на поверхность озера, были желтые кувшинки — надводная их часть. Вторым, что они увидели, был Гараччи, мокрый и долговязый, тащивший Ниолу на берег. Ее взаимодействие с водой, очевидно, и в этот раз прошло неудачно. Рейко заторопился на помощь, задел ногой какой-то подводный корень; этот корень раздвоился, обвился вокруг его ног и потянул его ко дну. Заметил это только Мукт, который, набрав воздуха в рот, тут же нырнул за ним.

...Рейко шел по аллее, освещенной таинственным молочно-голубоватым светом высоких фонарей, обернутых в туман. Он думал о Ниоле — но Ниола была далеко, и он мог лишь надеяться, что память о нем иногда шевелится в ее сердце. Ниола была прекрасна, ее именем следова-

ло назвать лодку с лебедиными боками, лодку под парусом. Он так и сделает, если... если... Чья это фигурка движется ему навстречу? Может ли быть — но нет, это не она. Это женщина, у нее роскошные формы, движения умопомрачительно грациозны; ее не сравнишь с легкой и тоненькой Ниолой, и все же она как будто плывет по воздуху. Вот она подходит ближе, и Рейко замечает, что она печальна, ее глаза подернуты дымкой, ее чувственные губы — как поникшие лепестки экзотического цветка с верхних этажей Высокой Оранжереи. Она поворачивает к нему голову — что за лицо у нее! прелестные, кроткие, неземные черты! — она заглядывает к нему в глаза, она тянет к нему руки — тончайшие запястья, хрупкие пальцы... Потеряв голову, Рейко прижимает ее к себе, обхватывает за талию, губы ищут губы... Вдруг она с размаху бьет его по щеке. Рейко смотрит на нее растерянно, она все так же мила, все та же кротость в глазах... Бьет во второй, в третий раз...

— За что, милая? Ты так прекрасна, ты не можешь быть зла!

— Вдохни воздух, — говорит она требовательно; у нее низкий голос.

— Мне не нужно воздуха! О, ты весь мой воздух, мне не нужно другого воздуха! Неужели я обидел тебя? Если так, бей меня, красавица, бей сильнее!

И она бьет.

— У меня уже руки устали, — сказал Мяр. — Все ладони об эту морду отбил. Она у него стала как каменная.

— Давай я попробую, — сказал Гараччи. — Я кое-что усвоил, когда смотрел, как он Ниолу в чувство приводит. Тогда, после колодца.

Он стал делать Рейко искусственное дыхание.

— О, милая! Ты простила меня! Как горячи твои губы, какое блаженство они мне дарят! Кровь стучит в моих висках, и она говорит мне: бродяга, позер, адепт замкнутого круга твоей никчемной жизни, в этот священный миг ты умираешь и рождаешься заново! Клянусь, я никогда не знал никого, кроме...

— Рейко! — крикнула Ниола. Наклонилась над ним, принялась трясти его за плечи.

— Меня кто-то зовет, — сообщил невидимой собеседнице Рейко и принялся слепо оглядываться. — Кто, кроме тебя, смеет говорить со мной? А все-таки это знакомый голос...

— Рейко, посмотри сквозь туман. Выйди из морока! — срываясь на нерв-

ный крик, приказала ему Ниола.

— Пусть она еще раз меня поцелует, — упрямо потребовал Рейко. — Тогда я буду знать, что она разрешила мне смотреть сквозь туман.

Прежде чем Ниола успела что-то сказать, Гараччи плюнул и чмокнул его в губы.

— Ах! — сказал Рейко, не открывая глаз. — Это было... Нет, — решительно продолжал он, — прости меня, Ниола, я узнал тебя. Ты меня зовешь, но я должен тебе отказать. Я останусь с ней. Ты поймешь меня: она так прекрасна, так беззащитна; о, Ниола, Ниола! я знаю тебя, ты не смогла бы разбить ее хрупкое сердце!

— Можно, я его пну? — спросил Гараччи.

— Распни меня! — сладко улыбаясь, потребовал Рейко.

— Ладно, — сказал Вакс. — Во всяком случае, он теперь дышит.

— Не связать ли его? — предложил Юши. — Как-то он не внушает доверия. Ну как встанет вот так же, с закрытыми глазами, да прыгнет опять в озеро.

Вакс, колеблясь, смотрел в лицо потенциального утопленника.

— Думаю, — наконец сказал он, — можно исходить из того, что уж больше он ничего такого не выкинет,

— С вами говорит генерал-губернатор Водяная Лилия, — вдруг заявил Рейко. Он сказал это глубоким бархатным басом. — Я генерал-губернатор этого озера. Как генерал-губернатор...

Гараччи тем временем вынул из мешка Рейко длинный бинт, заткнул и завязал ему рот.

— Не могу больше, — объяснил он свои действия. — Просто не могу.

— Что делать-то? — с отчаянием в голосе спросила Ниола. — Вы знаете про племя, которое поклонялось Лесному Божеству или Лесному Царю? Они в деревне жили, с морозной стороны, теперь ее уже расселили. Этот Лесной Царь, как они утверждали, брал к себе юношей, которые приглянулись его дочерям. Эти несчастные так же вот себя и вели — начинали разговаривать с какой-то им одним видимой соблазнительной барышней, никого не узнавали и потом...

— Что потом? — спросил Юши.

— Уходили в лес. Или просто умирали, если их не отпускали. Вдруг и Рейко так? Что нам делать?

— Прежде всего, — ответил ей Вакс, — вспомнить, что мы... не то чтоб вышли сухими из воды, верно? У тебя, Ниола, давно уже зуб на зуб не попадает. Развести огонь; желательно перед тем наскоро провести риту-

ал извинения перед местными, если кто-нибудь помнит, как это делается. Мукт? Мяр?

Мяр и Мукт тем временем, совершенно мокрые, сидели в стороне, рылись в мешках в надежде найти фен-сушитель (у кого-то из них точно был) и обсуждали русалку, которую видел Мукт. У ней были сиськи — во! Щеки были не зеленые, как ожидал бы Мукт, а румяные. И глаза такие хищные, звериные глаза, без следа разумной мысли. А когда она на Рейко глядела, у нее делались совсем коровьи глаза и губы уточкой. — Значит, он ей понравился, — со знанием дела заключил Мяр.

Вакс наклонился над ними:

— Как насчет костерного ритуала? Извинения у местных духов, жертва насекомым, чье обиталище будет потревожено огнем — согласно инструкции?

— Ой, — сказал Мукт.

— Я что-то плохо это помню, — сказал Мяр.

— Я буду подсказывать, — пообещала Ниола. — Лучше, если это сделают маги.

— Ладно, — сказал Вакс, — тогда займитесь, а мы с Юши пойдем выполним, что обещали нашему Пастуху. Нельзя его обмануть.

— Ну да, ведь он — сама любезность, — усмехнулся Юши, — отказать ему в услуге было бы просто невежливо.

Вакс и Юши отправились в сторону “домика”, похожего снаружи на юрту кочевого народа. Надо сказать, что находился он все же на приличном расстоянии от озера: для простого туннелирования это было бы слишком. Когда они вышли из зоны прямой слышимости от стоянки, Юши спросил:

— Ты не думаешь, что надо все-таки увести их назад, в город?

— Нет, — помолчав, ответил Вакс.

— Они все еще не знают, на что идут, — сказал Юши. — Ведь я и сам не знал.

— А если бы ты решил вернуться, ты бы знал, на что идешь? — спросил его Вакс.

— Ты ведь не про то, что мы не в ладу с ориентированием на местности?

— уточнил Юши.

— Даже если б это было преодолимо, — кивнул Вакс, — я бы тебе задал тот же вопрос.

— Значит, ты думаешь, что за нас возьмутся службы безопасности, — подытожил Юши.

Вакс на это ничего не сказал.

— А все-таки, — спросил Юши, — почему ты так уверен? Нарушения наши довольно безобидные. Ну, ушли в лес, погуляли и вернулись. Это даже для совершеннолетних всего лишь административка. Тем более, Аччи...

— Тем более Аччи, — сказал Вакс.

— Да ведь его дед, тот, который гений — он был в больших чинах у особистов, он же у них заведовал закрытыми лабораториями!

— Вот именно, — сказал Вакс. — И оставил ему довольно своеобразное наследство. Они Аччи давно разрабатывают. Он ушел вовремя.

Юши быстро взглянул на Вакса. Это “разрабатывают” было произнесено не как догадка, а как неоспоримый факт.

— Ладно, — решил он, — меньше знаешь — крепче спишь. Значит, назад, в Никкудакен, нам путь заказан.

— Посмотрим, как оно обернется, — Вакс пожал плечами. — Ты сам заметил, что до сих пор нам было как-то не до ориентирования на местности. Пока что нам туда во всех смыслах дороги нет.

“Домик”, наконец, вырос прямо перед глазами, Вакс и Юши достали вечный уголь и принялись расписывать стены в свое удовольствие. Юши написал на шести языках (в том числе на двух вымерших) “ОСТОРОЖНО, ЗЛОЙ ПАСТУХ!” Вакс написал “оставь надежду, всяк сюда входящий”, “помни о смерти” и “еслиходишь, входи навсегда”. Во всех свободных местах они наставили знаков вроде “Не Влезай, Убьет!” и символов смерти из разных культов; естественно, изобразили немало черепов и скелетов.

— Недурно, — услышали они наконец голос за спиной.

Пастух был снаружи. Он покуривал трубку, и у него, по-видимому, было прекрасное настроение. Сквозь него были видны деревья: в нескольких шагах отсюда уже начинался лес.

— То есть, мы зря старались? — спросил Вакс.

— Ни в коем случае, — отвечал Пастух. — Вы сделали все, что могли, и можете быть свободны.

— Но мы думали... мы так поняли, что вы решили остаться там, — вежливо сказал Юши, указывая на “домик”.

— Я и остался там, — пожал плечами Пастух. — Ну что вы так смотрите, как будто в первый раз видите дым из трубки? Я там умер.

— Нам очень жаль, — растерянно сказал Вакс.

— Так я вам и поверил, — рассмеялся Пастух. — Перед смертью я всегда

препротивный тип. Чем беспросветнее обрастаешь плотью, тем больше гнуснееешь.

— А сейчас вы очень милы! — обрадовался Юши.

— Мил, да. Впрочем, скоро у меня опять начнет портиться характер. Ладно, давайте скорей, мне еще нужно навестить все мои гробницы, а я уж позабыл, где половину из них искать. Ну?

— Что "ну"? — спросил Вакс.

— Задавайте вопросы, остолопы! — сварливо прикрикнул на них Пастух. Деревья сквозь него стали видны уже не так отчетливо.

— Наш товарищ бредит о прекрасной незнакомке, с которой, как ему кажется, все время целуется. Перед тем русалка попыталась утащить его на дно озера, но мальчик-маг его вырвал из ее объятий и выволок на берег. Можно ли вернуть его к земной жизни, и если да, то как это сделать? — не задумываясь спросил Вакс.

— Да с вами же там девчонка, в которую он влюблен? — удивился Пастух. — Пусть она его поцелует. Пусть не смущается, — добавил он, видя их недоуменные лица. — это все равно как целовать жабу из сказки, чисто научный эксперимент. Ну? Теперь ты, — он кивнул в сторону Юши. На лице Юши отразились сомнение и жадность, и еще тысячи разных чувств в один миг. Перед его глазами пронеслись названия сотен манускриптов, которые он страстно хотел разыскать; тысячи темных мест в тех, что он разыскал и не понял до конца, и которые постоянно крутились где-то на заднем плане в его набитой буквами и рунами голове. Но он знал, что должен спросить о другом. Вакс железный человек, а вот где ему, простому библиотечарю, взять столько душевных сил?

— Существуют ли сейчас маги, равные по силе изначальным магам древности, и если да, то как нам их найти? — когда он спрашивал это, в голосе его сквозили похоронные интонации.

Пастух вдруг расхохотался. Он стонал, он держался за живот, он дважды выронил трубку и стал прозрачнее.

— Найти их, во всяком случае, вам придется, — наконец, успокоившись, сказал он. — Как — обыкновенно как: просто выйти из круга. Но для этого, конечно, нужно сперва в этот круг попасть. Ну все, все, заболтался я с вами, а вы тоже молодцы: уж насмешили так насмешили. Особенно ты, — он ткнул в Юши трубкой, не смущаясь тем, что трубка наполовину вошла к собеседнику в грудь, и растаял в воздухе.

Юши чуть не плакал.

— Ну вот и что я узнал? — убивался он. — А мог бы спросить, что значит

двадцать четвертая алита в Рагальяне: "Если он коснется ладонью лба, заберет твой глаз, а ты не будешь об этом знать. Также может забрать два твоих глаза, и ты не будешь знать, кто это сделал. Может случиться и так, что он по рассеянности или из озорства вращит тебе третий глаз прямо над переносицей, и тогда ты поймешь и узнаешь и скажешь: Рагалья, это твой глаз и ты мне его открыл, и я это знаю лишь постольку, поскольку совершить подобное больше некому в мире миров".

— А ты потолкуй об этом с Ниолой, это ведь по ее части, — посоветовал Вакс. — Она, кстати, явно что-то знает и о самом Пастухе. Удивительное дело: зачем ему столько раз умирать и тут же возвращаться, он же не птица-огнерод. Вот придем и ее спросим. Давай эту сухую колючку выдернем и с собой возьмем, она будет хорошо гореть.

Набрав по дороге хворосту, больше похожего на дрова, они подошли к костру и застали там рыдающего Мукта, Ниолу, которая его утешала, и сисящегося сдерживать улыбку или хотя бы хохот Мяура. Рейко все так же лежал с закрытыми глазами, с лицом, размякшим от блаженства, и изредка вставлял в разговор свои потусторонние наблюдения. Гараччи отсутствовал. Вакс с большим шумом, с сухим треском бросил хворост на некотором удалении от костра, Юши последовал его примеру. Мяур, Ниола и Мукт посмотрели в их сторону.

— Ох, Вакс! — выдохнул Мяур.

— У Мукта большое горе, — зачем-то предупредила Ниола.

— Нет, неправду говорят, что в любви все средства хороши, — заявил Рейко. — Не в одной лишь только любви, но во всем, о чем ни подумаю — хороши все те средства, какие выбираешь ты! Покорная и лукавая, ты жаждешь мной управлять, не старайся скрыть это — ведь я твой раб, и я сам жажду того же. Это выше жизни и смерти, это выше любви.

Мукт отчаянно разрыдался.

— Зачем вы вынули у него кляп изо рта? — поинтересовался Юши, кивнув на Рейко.

— Он задыхался, — объяснила Ниола.

— От любви? — спросил Вакс.

Ниола замялась.

— Его распирала невысказанные чувства, — предположил Юши. — А о чем грустит Мукт? Он тоже влюбился?

Мукт вырвался из рук Ниолы и попытался врезаться головой в бревно, в которое уже был воткнут топор. Вакс, однако, успел удержать его за плечо.

— Любовь, — сообщил Рейко, — это глубоко чувственный опыт. О, я видел женщину, полную страсти!

— Да что с Муктом, наконец? Заразился он, что ли? — нетерпеливо спросил Вакс.

— Чувственный опыт косит наши ряды... — протянул Юши задумчиво, видимо, вспоминая какой-то духовный стих.

Ниола поняла, что тактично предупредить новопришедших с глазу на глаз у нее не получится и, прижав к себе голову в очередной раз прегорько расплакавшегося Мукта, коротко объяснила суть постигшей его напасти. Из-за того, что ритуал был проведен не вполне аккуратно, в пламя костра заскочила девочка-огневичка. Она завораживающе плясала, ну, известное дело: кожа у нее светлая и прозрачная, волосы огненно-рыжие, глаза зеленые с рыже-карим отливом, а прикрывают ее тело разве что языки пламени. Здесь все-таки побольше сырой магии, чем на улицах города, вот такое и возникает. После танца ей нужно было кого-то утащить за собой в огонь, и она выбрала Мукта. Но Ниола ее очень просила уйти без жертвы, уговаривала ее, как положено. Аччи, со своей стороны, весьма заинтересовался и предлагал себя в обмен на Мукта; огневичка на это только плюнула. Ниолу она поначалу никак не могла понять, все спрашивала ее: “На что тебе их столько, сестра?” Может быть, что-то и поняла, а может, и нет — неизвестно, только в конце концов бросила Мукта. Он позвал ее, а она отмахнулась: “Ну тебя, ты противный, найду другого!” И ушла. А он — вот.

— А Рейко что? — спросил Вакс.

Выяснилось, что Рейко с уходом огневички затеял совершать странные движения, описывать их Ниола отказалась, но, в общем, пришлось освободить ему рот, так как он стал задыхаться. Гараччи был против. Кстати, долго он не выдержал: послушал-послушал Рейко и ушел. Сказал — пойдет пройтись.

— Мог бы рыбы наловить, — заметил Юши.

— Русалок, — хихикнул Мяур.

— О нет, дорогая, — возразил Рейко, — ты же знаешь, мне никто не нужен, кроме тебя.

В это время прямо из озерной тины на берег полез Гараччи. Неподалеку плеснул хвост. Другой. Третий.

— Что, наловил русалок? — спросил его Юши.

— Не успел, — хмуро сказал Гараччи. — Они подрались.

— Из-за тебя? — спросил Вакс.

- Ну да, — пожал плечами Гараччи. — Хотя им неважно, из-за кого драться, по-моему. Там самая крупная — та, что охотуала Рейко, она всех расталкивает, а они бестолковые и никак не могут против нее объединиться. Чуть станут в пару, все забывают и начинают рвать плавники друг у друга. Я их немного боксировать поучил...
- Откуда ты знаешь, которая из них охотуала Рейко? — удивился Мяур.
- Да они же кричали ей: у тебя, говорят, один уже есть! Большой, лупоглазый! Вот умора, ветеринар им лупоглазый, а сами-то!
- Рейко, по-прежнему не открывая глаз, приподнялся на локте и слушал его с большой настороженностью.
- А она что? — заметив эту настороженность, спросил Вакс.
- А она им — идите отсюда, у меня все красивее, чем у вас, он любит меня. Он на вас даже и не смотрит. Это в смысле я не смотрю. А они — тогда давай нам того лупоглазого!
- А она что? — спросил Мяур, явно в восторге от подводных обычаев.
- Она ни в какую: лупоглазому, дескать, никто в мире не нужен, кроме меня!
- Точно! — уже не скрываясь, хохотал Мяур. — Он сам так и сказал!
- Милая, — сказал Рейко, — меня что-то беспокоит. Я сам не свой. Поцелуй меня!
- Ну, давай, Аччи, — подтолкнул его Мяур.
- Иди ты! — замахнулся Гараччи.
- А в прошлый раз у тебя получилось! — веселился будущий маг.
- Я услышал нехороший шорох... — продолжал Рейко. — Дрянной шелест. У меня есть соперник? Ты его любишь? О, я не стану мешать твоему счастью! Скажи только: да или нет...
- Добром это не кончится, — сказал Юши. — Слушай, Ниола. Пока Мукт спит, — в самом деле, Мукт заснул и только слегка всхлипывал во сне, — давай покончим с Рейко.
- В смысле? — Ниола подняла на него глаза, покрасневшие и усталые.
- Мы встретили Пастуха там, возле "домика".
- Снаружи? — спросила Ниола, несколько не удивившись.
- Это долгая история, — сказал Юши. — Вакс! Помоги объяснить!
- Давай сам, — ответил Вакс, — я рублю дрова, — он уже поднял топор.
- Гад, — сказал Юши.
- Юши, — поинтересовалась Ниола, — ты в своем уме?
- Да тут поди пойми, — вздохнул Юши. — В общем, Ниола. Он нам

сказал, как вылечить Рейко.

— Как? — спросила Ниола.

— Ты должна кое-что сделать, — предупредил Юши,

— Я готова, — сказала Ниола.

— Ты должна... будет лучше, если ты... в общем, надо его поцеловать, — запинаясь и про себя проклиная русалок, любовь и чувственный опыт, еле выговорил Юши.

— Мне? — удивилась Ниола.

— Да, тебе, потому что... Пастух сказал, потому что...

— Я знаю, почему, — Ниола досадливо поморщилась.

Она аккуратно переложила голову Мукта на чей-то мешок. Встала, опустилась на колени над Рейко.

— Милая девушка, — встревоженно сказал ей Рейко, не открывая глаз.

— Я вас должен предостеречь. Мне бы не хотелось вас обижать, но я не нуждаюсь в ваших поцелуях. Моя любимая нервничает. Она... вы, конечно, поймете ее правильно, это образное выражение... она обещает выцарапать вам глаза. И вырвать кишки.

— Между прочим, я бы отнесся к этому серьезно, — без улыбки заметил Вакс, снова поднимая топор. — Может быть, лучше приступить к лечению, когда мы уйдем подальше от озера?

— Ах нет, — поправился Рейко, — вырвать кишки она обещает мне, — и он мечтательно улыбнулся.

— Поцелуй его, Ниола, и покончим с этим, — мрачно сказал Гараччи, сушившийся у костра.

Ниюла коротко взглянула на него со странным выражением лица, затем наклонилась снова и поцеловала Рейко в губы. Рейко приподнялся, сел, закрыл лицо руками. Потом опустил руки. Глаза его были открыты.

— Если вы думаете, что я не знаю, что вы тут обо мне говорили... — угрожающе сказал он, не глядя на Ниолу.

— Мы, — успокоил его Юши, — думаем не об этом.

— Может, и Мукта поцелуешь? — попросил Ниолу Мяур, на которого мгновенное исцеление Рейко произвело сильное впечатление.

— Ему не поможет, — деловым тоном отвечала Ниола. — Во-первых... В общем, во-вторых, огневички все-таки духи легкой стихии, помните, как в Поэме Соседских Духов, что-то вроде — "...огневичка смутит твой взор, мелькнувши перед глазами, или русалка сядет к тебе на грудь..." Короче говоря, огневичка цепляться за него не будет и дышать в свое отсутствие не помешает, ее нужно только разлюбить. Лучше всего — са-

мостоятельно.

— Вот наука-то, — сказал Юши.

— Век живи, век учись, — подтвердил Вакс.

— А как же сделать, чтобы он забыл ее? — забеспокоился Мьяур. — Может, как-то проредить его память? У меня был мнемофаг... — он потянулся к своему рюкзаку.

— Да не надо ему этого, — разозлилась Ниола, — ну что вы все как Никкудом обиженные. Я же ее помню, и сижу здесь совершенно здоровая. И ты, Мьяур, полагаю, ее не забыл. Он просто должен, ну, пережить это, понимаешь? Как с обыкновенной человеческой девушкой. Только тут реакции могут случиться более бурные, а так, по сути, везде пишут — все то же самое.

— А если он помрет? — не отступался Мьяур. — Наденет камень на шею и в воду прыгнет?

— А ты его не пускай, — Ниола положила руку на лоб Мукту. Тот шмыгнул носом и еле слышно застонал. — он переживет, справится.

— Ну а до тех пор как? — спросил Юши. — Пока он не пережил? Так и будет рыдать?

— До тех пор, — жестко сказала Ниола, — он будет нетранспортабелен. Если кто знает гимны Миару, подходящие к случаю — пойте, декламируйте, как хотите. Другие средства мне неизвестны. А если б были известны... — она взглянула на Гараччи, смутилась и замолчала.

— Аччи, — позвал Вакс. Две стопки аккуратно сложенных дров уже образовались с ним рядом.

— Ну? — спросил Гараччи.

— Сколько времени ты можешь пробыть под водой?

— Созрел, — усмехнулся Гараччи. — Больше получаса — с трудом.

— Это твой артефакт тебе так способствует? — поинтересовался Юши.

— Ну да. Это моя спираль в два рукава. Она не то умеет еще, — сказал Гараччи.

— А что? — спросил Мьяур.

— А я всего толком не знаю, — рассеянно, уже задумавшись о чем-то другом, отвечал обладатель артефакта.

Вдалеке слышалось, сперва негромко, затем все нарастая в силе, мелодичное пение:

*А я ту разлучницу
В красивую одежду одену,*

В мокрую тину ее одену.

*А я той разлучнице
Сяду тяжело на белые груди,
Надавлю коленом на белые груди,*

*А я той разлучнице
Нашепчу в уши, как он забыл ее,
Как меня выбрал, сразу забыл ее.*

*А как та разлучница
Захлебнется, наглотается мокрой жижи,
Я прижму тебя ближе, милый,
Я прижму тебя ближе,
Я прижму тебя ближе.*

— Надо полагать, он и от притязаний водных дев предохраняет, Аччи — твой артефакт? — спросил Вакс.

— Да понял я, — вздохнул Гараччи. Снял с шеи двухрукавную спираль на цепочке и закрепил на шее Ниолы. Она, ни слова не говоря, сидела и смотрела на него снизу вверх. — Ничего не делай, — предупредил он, — драться с ними не надо, ничего не надо. Если сильно припрет, руку на него вот так положи, ладонью закрой тут, самый центр.

“Я прижму тебя ближе, милый” теперь подступало со всех сторон.

13. Зачем девушки рвут цветы

— Магия — это утраченная информация, — сказал Фогеди. — следовательно, простейшее проявление магии — это пророчество.

— Почему тогда маги не пророчат? — удивилась Илона.

Они направлялись к Шестому Архивному Кварталу. Шир Ортрий все еще не выходил на работу, но из дома он вызвал Фогеди по телепону и уговорил его добираться пешком, надеть цивильную одежду, которую для него, оказывается, уже приготовила папира Клалиция, и взять с собой плотный белый лаборантский фартук. Начальник отдела попытался вдобавок запретить ученикам на тот день защитные костюмы под предлогом сравнительной безобидности намеченного мероприятия. Фо-

геди уперся: если его ученики под воздействием магических испарений из лужи станут козляточками, это может сказаться на их обучаемости. Конечно, заранее этого утверждать нельзя, но он ведущий хармотехнолог конторы и как таковой обязан предусмотреть все возможности. Шир Ортрий тогда вздохнул и попросил не вступать в конфликт с местными жителями без необходимости. Фогеди на это ответил, что лично он и рта не раскроет без необходимости. Суета — это для обывателей; адепт же спокойно стоит у воды и безучастно смотрит, как по ней плывут трупы любителей вступать в конфликт без необходимости. На этом сотрудники попрощались.

— Почему маги не пророчат? Не вижу логики в твоём вопросе, ученица. Как известно даже козленку, магов учат по возможности не иметь дела с магией... На том стоят магические училища, — с неожиданным пафосом закончил Фогеди.

Джагги вспомнил, как пренебрежительно отзывался о магах его собственный дед. Лет до пяти Джагги и сам мечтал стать магом, чтобы колдовать, как в сказках, но позже жизнь научила его, что чудес не бывает. "Невозможно, — говорил дед, — сотворить сладкий щербет из ничего без понимания, как устроено ничто и как устроен сладкий щербет". Магов же учат в любой непонятной ситуации искать соответствующий параграф в инструкции и, упаси Никкуд, беречься от понимания.

— Почему, — вдруг спросил Джагги, — тот, вчерашний дежурный маг не стал сам лечить комбыра прямо на улице? Он же не имел права оставить его на верную смерть. Они же дают священную клятву.

— Ну как, — сказал Фогеди, пиная ногой кусок полосатой шкуры горного камня, похожий на обломок траблоуловителя, — есть вещи поважнее священной клятвы. Настолько, что её текст уже полтора столетия как изменён. Этого не пишут в школьных учебниках?

— Нет, — хором сказали Джагги и Илона.

— Может, вы не будете все-таки при мне это обсуждать? — уныло спросил Фикус, волочивший ноги даже в защитном костюме, всем и всегда прибавлявшем сил.

— С какой это стати? — удивился Фогеди.

Фикус молча показал пальцем себе на лоб.

— У тебя на лбу ничего не написано, — сообщил ему Фогеди, пристально всматриваясь в лицо ученика.

— А если они вас услышат? — спросил Фикус.

— Не знаю, о ком ты, — ответил Фогеди, — но если ты всерьёз хочешь

узнать, что произойдет, если “они” нас услышат, нам имеет смысл говорить погромче. Может быть, даже активировать громкоговоритель. Где-то у меня был...

— Нет! — закричал Фикус.

— Лучше, но недостаточно громко, — кивнул Фогеди. — Подожди, я поищу...

— Да успокойся ты, Фикус, — сказал Джагги. — Мерит наверняка избавил тебя от прилипалы, помог тебе от нее освободиться; ну что ты волнуешься зря?

— Фикусу помогла птичка, которая раньше была пиявкой, — возразил Фогеди, — я здесь совершенно ни при чем. Когда мы с сердитым сыном по имени Наргод выпили чаю, я лег спать, а ему постелил в кухне. Никто из нас до утра не входил в комнату с террариумом.

Фикус безнадежно махнул рукой.

— Вот потому, — сказал он, — я и волнуюсь.

— Вот я хотела спросить, — начала Илона, — вы все трое — коммуниканты?

— Да! — гордо ответил Джагги. Фикус скорчил рожу.

— А можно этому научиться? — Илона робко закончила вопрос.

— Конечно, — обрадовался Фогеди, — для этого надо пообщаться с русалками. Они всех делают коммуникантами, кого тащат на дно — им ведь трудно под водой разговаривать. А так они по крайней мере поддерживают беседу. Ну как, — спохватился он, — за три минуты, пока они топят жертву, конечно, трудно стать коммуникантом. Но если тебе случилось с ними что-нибудь обсудить, кроме любви, а потом тебя еще и спасли добрые люди — считай, прижилась способность к коммуникации. Джагги и Фикус переглянулись. Джагги выглядел ошарашенным. Фикус не стал выходить с ним на связь, но он знал, о чем тот думает — неужели Фогеди подсмотрел их общий сон?

— А... вы как научились, мерит Фогеди? — тихо спросила Илона. Она боялась, что хармотехнолог шутит; с ним ведь никогда невозможно понять.

— Вы сначала плавали в водоеме с настоящими русалками, а потом..?

— Поправка, — сказал Фогеди, — сначала я научился быть коммуникантом, и только потом, где-то через год, научился плавать.

— Расскажите! — попросил Джагги. Появилась надежда, что Фогеди в сон не заглядывал; бывают же совпадения.

Мерит Фогеди, по-прежнему стараясь пнуть всякий камешек, попадавший ему на пути, рассказал, как его матушка — жрица Миару — по-

казывала ему любовь бабочек, и птиц, и жуков, и коз, и вот как-то раз взяла его с собой на Священный Пруд Миару, чтобы он послушал страстные песни русалок.

— Но вы же еще не умели плавать! — прервала его на этом месте Илона.

— Значит, вы были ребенком?

— Мне как раз исполнилось шесть лет, — подтвердил Фогеди. — Это был подарок на день рождения.

— Но разве... разве... про эту сторону любви рассказывают маленьким? — спросила Илона.

— Зачем рассказывать, когда можно показать? — в свою очередь удивился Фогеди. — Я бы, наверное, со слов ничего и не понял.

— А что, детям не вредно узнавать про это так рано? — спросил, в свою очередь, Джагги, чья мать Гина была весьма строгих взглядов на этот счет.

— Понятия не имею, — пожал плечами Фогеди, — я же не состою в Комитете по защите Общественной Нравственности. Сам я вреда не ощутил, а как другие, не знаю. Впрочем, воды я тогда хорошо наглотался, это да, но ведь были и плюсы.

— Как же так вышло, что вы упали в воду? — Илона плохо помнила свою мать, но первым при мысли о ней всегда приходило ощущение уюта и безопасности. — Ведь вы были с мамой.

— Мама была на веслах. Когда русалки высунули головы из воды, она стала им подпевать: иначе я бы в воздухе плохо разобрал их пение. А они, естественно, звали меня в воду. Причем, высунувшись уже по пояс. Они мне очень понравились. Ну я и перелез через борт, чтобы к ним попасть.

— А дальше..? — спросил Фигус.

— О, — оживился Фогеди, — дальше было весело. Они быстро меня схватили и увлекли на дно. Мама сразу за мной нырнула, но она никогда не смогла бы нас догнать, если бы они не принялись спорить между собой, кому я достанусь. То они дрались, то кружили хороводом вокруг меня, и каждая себя нахваливала, умоляя именно ее выбрать. А я никак не мог заставить себя выбрать одну, потому что боялся обидеть остальных. Тогда они приняли мудрое решение: разорвать меня на равные части.

— Ой! — вскрикнула Илона.

— Я их поддержал, — продолжал Фогеди, — и взялся руководить процессом. Их было восемь. Я их разбил на две команды по четыре русалки в каждой. Велел одной команде меня разорвать на две части поровну,

и чтобы другая выбирала ту половину, которую сочтет лучшей. После этого, я их предупредил, я, скорее всего, уже не смогу им помочь, но каждой команде нужно будетделиться на пары и повторить процесс. А потом в последний раз устроить тот же фокус в каждой паре. Они обрадовались, но потом оказалось, что им очень трудно запомнить, что делать дальше, после первого шага, и они все меня переспрашивали. Тут и мама подросла.

— Она стала за вас драться? — кровожадно спросила Илона.

— Вовсе нет, зачем? — удивился Фогеди, — она сказала: "Девочки, это мой сын, я его забираю наверх, ему пора дышать воздухом".

— А они? — спросил Джагги.

— Они загалдели: "ой, сын, как интересно, это он жил, значит, у тебя в животе, а как ты это сделала — ты его съела? да, ты рассказывала, и Алолим нам рассказывала, и Знайда, но мы забыли. Ой, ну ты покажи, как вы это делаете?" Ну, мама сказала им — в другой раз, меня забрала и стрелой наверх. Еле откачала, между прочим.

Джагги хотел задать вопрос, но боялся выдать себя. Задал его Фигус:

— А когда она вас откачала — дальше уже с вами все было в порядке? Никаких последствий? Кроме того, что вы стали коммуникантом, конечно.

Фогеди улыбнулся.

— Поначалу, конечно, были последствия. Я глаза открывать не хотел, а может, и не мог. Я все время плакал, просился к русалкам, и очень волновался — которую же мне выбрать? Просил совета. Я уже видел, что они сами не смогут меня поделить.

— И как же вас вылечили? — спросила Илона.

— Мама поцеловала меня, — просто ответил Фогеди.

— В губы? — быстро спросил Джагги, и сразу пожалел об этом.

— Неа, в лоб, — сказал хармотехнолог. — А потом еще из храма Лоры пришли лекарицы меня лечить, так что на другой день я уже бегал снова и просился на Пруд.

— А меня они могут утащить в воду? — решительно спросила Илона.

— Почему нет? — пожал плечами Фогеди. — Если ты им понравишься.

— А я думал, они только за мужским полом охотятся, — пробасил Фигус.

— Это если их много, где-нибудь в старинных русалочьих резиденциях,

— снова улыбнулся Фогеди. — А если они только завелись, например, в водоеме — они часто берут девчонок в свою компанию. Сначала-то видно, где русалки, а где утопленницы — у утопленниц, например, волосы

короткие. А лет сто пройдет каких-нибудь, так уже и не отличишь. Да и у нас в Пруду был скандал — они как-то забрали к себе Верховную Жрицу! А та и рада. Никто не знал, должна ли она после этого слагать полномочия. Ну, потом вроде разобрались.

— А как разобрались? — спросила Илона, которая никогда не слышала от тетки ничего подобного.

— А я не знаю, — пожал плечами Фогеди. — Я редко бываю там — так, раз в год на пять минут.

Джагги хотел спросить у хармотехнолога, жива ли еще его мать. Подумал-подумал и не стал спрашивать. Вместо этого он сказал:

— Мне все-таки не дает покоя тот особист. Допустим, он не хотел убивать комбыра, только хлестнуть лучом.

— Допустим, — без выражения сказал Фогеди.

— Почему он потом, когда комбыр упал и оказалось, что он при смерти, не дал дежурному магу остаться и его лечить? Он же видел, что по части нашего с Илоной ареста от мага все равно не будет проку, маг против наших костюмов ничего не сделает.

— Про это лучше не думать, — помолчав, Фогеди посоветовал Джагги.

— Просто исходи из того, что если бы маг задержался в той подворотне рядом с телом задетого лучом комбыра, тот бы так и остался телом. Маг бы не смог его вылечить. Я и то не был до конца уверен, что получится его вытащить, хотя у меня было все, что для этого требовалось. А у мага ничего не было.

— Выходит, что особист понимал это, а маг нет? — не сдержал удивления Фикус, хотя и был противником ведения таких разговоров до тех пор, пока не выяснилось совершенно точно, что шпионской ментальной прилипалы у него в голове больше нет.

— Вряд ли, — сказал Фогеди.

— Так почему тогда?! — не выдержал Джагги. — Понимаете, я хочу представить себе, как они там думают в своей службе безопасности. Какой у них ход мыслей. Пытаюсь и не могу. Это ведь просто выходит — ну, взял, убил по своему капризу человека, который работает на тебя, подчиняется твоим приказам. Просто так. Непонятно, зачем. Как это понять?

— Смотри что ты подразумеваешь под словом “понять”, — усмехнулся Фогеди. — Видал когда-нибудь подростков из Залемнино в фальшивых волчьих шкурах?

— Только издали, — признался Джагги. — Но слышал много про них.

— Когда я ночевал в диогенках, мы против них дежурства устраивали,

— кивнул Фигус. — Если ожидался налет залемнинских, мы готовили у кого что было, заточки там, торомолот был у одного, и спали по очереди. При мне никого не убили, но вообще это вроде случалось, а переломов помногу было всегда.

— Раз ты с ними сталкивался, наверное, замечал, чем они друг перед другом щеголяют? — серьезно спросил Фогеди.

— Жестокостью, — вдруг подала голос Илона. — И... тем, что им наплевать.

— Да, — согласился Фигус. — У них те, что на побегушках, всегда смеются, когда кто-то кричит от боли. А те, кто реально крут — им безразлично. Они могут ударить ножом и не посмотрят, как человек упал. Могут приказать замучить кого-нибудь, и не будут хохотать, издеваться над тем, как бедняга просит пощады, а просто как бы этих просьб не услышат. И смеха своих шестерок не услышат тоже. Всем своим видом они будут показывать, что для них это значит не больше, чем грохот ночных грузовых повозок. И не будут отворачиваться, просто будут смотреть как бы мимо.

Джагги смотрел на Фигуса во все глаза. Вот что, значит, он видел — и ничего не рассказывал! А Илона? Неужели и она сталкивалась с залемнинскими волчатами? Он передернул плечами.

— Про них тебе понятнее? — спросил у Джагги хармотехнолог.

— Не знаю... про них — да. Хотя словами я это сказать все равно не могу, — признался Джагги.

— Люди, — сказал Фогеди, — очень похожи на обезьян. Впрочем, на то они и сотворены богами по образу и подобию высших приматов.

— Никогда не думала об этом, — вежливо сказала Илона, не желая продемонстрировать своего сомнения. — А обезьяны тоже жестоки?

— Обезьяны бывают разные, — усмехнулся Фогеди. — В основном да, во всяком случае, почти любой из них трудно остаться в стороне, когда терзают ее товарища. Если уже показалась кровь, ее слишком тянет присоединиться.

— А как же тогда безразличие? — спросил Джагги.

— Безразличие к чужим страданиям — знак того, что ты сам от них застрахован. Вожак должен быть бессмертен и, соответственно, неприкосновенен. Никому даже в голову не должно прийти, что его можно поранить, сломать кость, вырвать из боков кусок мяса. До тех пор, пока это так, его власть никто не оспаривает, — Фогеди говорил непривычно серьезно.

— А я читал, — сказал Джагги, — что у многих обезьян в стае постоянно происходят перевороты: под носом у вожака заводится новый претендент, перетягивает на свою сторону большинство, затевает потасовку, и вожака даже иногда разрывают на части!

— Конечно, — подтвердил Фогеди, — смены вожака совсем не редкость, притом они всегда осуществляются большой кровью. Иллюзию бессмертия трудно поддерживать. К тому же, отрезая себе канал обратной связи через сочувствие, быстро тупеешь и не можешь адекватно заниматься политикой.

— У нас в школе, — сказала Илона, — раньше учился такой мальчик, его звали Донатат Ковалис. Он читал, по-моему, вообще все на свете. То есть, вы, мерит, конечно, читали больше... — спохватилась она...

— Вовсе не обязательно! — радостно возразил Фогеди. — Некоторые мальчишки очень быстро читают. Знавал и я таких мальчишков! Правда, книжки чаще читают девочки, — вздохнул он, — но и мальчишкам этот путь не заказан.

— Вот он, этот Донатат, — продолжала Илона, — старался читать побольше про всякие зверства, представлять их себе, думать про пытки. И он сам даже драться не любил. Просто говорил — хочет научиться не испытывать сочувствия, потому что сочувствие, он говорил, это инструмент манипуляции. Хочет быть отдельно от человечества.

— Ну, у него к этому вполне могут быть разумные мотивы, ведь мы не знаем их, верно? — предположил Фогеди. — Может быть, кто-то им пытаются ужасно манипулировать. И как раз посредством сочувствия.

— Но я теперь все-таки думаю, — сказала Илона, — вдруг это тот же самый инстинкт? У обезьян это инстинкт, да ведь?

— У обезьян-то да, а вот незнакомым мальчишкам, на расстоянии, я раздавать диагнозы не готов, — задумчиво сказал Фогеди. — Люди умственного труда, теоретики, они, конечно, могут незаметно для себя купиться на дворовые представления о том, кто круче. Подогнать под это теорию ведь ничего не стоит. К тому же есть другой путь, он начинается с безразличия к своим страданиям и к своей смерти: так уходят из стаи. Спутать два вида безразличия, к себе и к другому, не так и сложно. По внешним проявлениям они бывают сильно похожи. Но смотрите-ка, вы меня заболтали, а уже через два поворота...

— Последний вопрос! — взмолился Джагги. — Особисты, они же не как тот Донатат или как его, но и не как залемнинцы и не как обезьяны. Им же нужно все время рассуждать логически и делать, как выгодно...

— Ну вот, начинается, — сказал Фогеди. — Во-первых, как это нам тут, в Архивных кварталах, если мы, конечно, не заблудились, понять, что выгодно, а что не выгодно особисту? По-моему, нам для этого не хватает информации. А во-вторых, у особистов есть власть. Грубо говоря, за то, что он послал на смерть того несчастного комбыра, ему ничего не будет. До некоторой степени он может распоряжаться жизнью и смертью окружающих. Власть убивает клетки мозга.

— Разве? — удивилась Илона.

— Более точно, она дезактивирует сигнальные дорожки, отвечающие обратной связи, — охотно пояснил Фогеди, — но это в ту же цену. Для нас важно, что мозг становится проще, примитивнее, и у руля беспрепятственно встает образ и подобие обезьяны. Как ты говоришь, инстинкт.

— Надо убить обезьяну, — неожиданно сказал Фикус. — Нельзя, чтобы она так управляла людьми.

— А кто тогда будет управлять, ты да я да эти двое? — улыбнулся Фогеди. — Может, мы бы и справились, хотя, между нами — что может быть скучней управления? А возможно, через пару лет сами превратились бы в такую обезьяну, что мало не покажется. Есть, конечно, люди, на которых не действует власть ни в каких количествах, только их еще искать надо или воспитывать. А нам сейчас, боюсь, не до этого. Мы пришли.

Дом был жилой. Населяли его архивные люди, а архивными здесь считались все ремесла вплоть до чистильщика сапог архивариусу. Дети чистильщика тоже были архивными. Во дворе дома располагалась лужа, оцепленная столбиками с натянутой между ними лентой. Под лентой крутились ложные ветрячки (на самом деле эти были артефакты, лишь в очень малой степени работавшие от ветра): они, судя по всему, должны были отгонять птиц.

— Вот не повезло, — огорчился Фогеди, — ни одного встрома поблизости! Как же нам узнать, как именно магия встраивается в голубей?

— Может, расспросить местных жителей? — неуверенно спросила Илона, глядя на пожилую женщину, стоящую у подъезда. Руки ее упирались в бока; стоя в такой позе, она, со своей стороны, разглядывала новоприбывших в диковинных костюмах (Фогеди как раз извлек из сумки и повязал себе поверх рубашки, которую он уже ухитрился помять, большой белый фартук). Слева и справа от женщины на камне крыльца стояло по ведру, а рядом лежало коромысло.

— Странные они какие-то, — сказал Фикус.

— Нам приказано не ввязываться в конфликты, — сообщил Фогеди, —

так что мы не будем с этого начинать.

Он подошел к палисаднику, отломил засохшую ветку наполовину живого куста и бросил ее в лужу. В луже образовалось течение, ветка поплыла по нему и вдруг исчезла. Никаких превращений, однако, не происходило, если не считать превращения наличествовавшего в отсутствующее.

— Хорошо, — сказал Фогеди. — Давайте еще наломаем сухих щепок.

Бабка у крыльца даже не пошевелилась, зато на третьем этаже архивного корпуса распахнулось квадратное окно, и высунулась из окна красная мужская физиономия.

— Меня жена послала! — выкрикнул житель дома. — Эй, вы там! Слышите, что говорю?

— Жены, они такие, — сочувственно вздохнул Фогеди. — То они лезут к нам в постель совершенно голые, а то вот так возьмут да пошлют человека. У вас, наверное, деньги кончились?

— Да ты что, обалдел, вредитель в фартуке?! — заорал мужской житель, опасно перегнувшись через карниз. — А ну, вон пошел со двора! Наладилась тут портить нам зеленые насаждения!

— Вы все-таки осторожнее, — озабоченно предупредил его Фогеди, взглядом оценивая высоту окна. — Если вы оттуда свалитесь, не только ребра себе поломаете, но и попортите немало зеленых насаждений, которые, как я понял, сами же здесь и насадили с женой.

— Наглая тварь! — взревел житель. — Не смей приплетать сюда мою жену! Я тебе что, садовник?

— Этого я еще не понял, — признался Фогеди. — Откровенно говоря, меня смущает то, что вы почти не пьяны. Я знал двоих садовников, оба работали в Большой Оранжерее и оба, действительно, один за другим выпали из окна. Первый пошел за добавочной бутылкой, а второй побежал за коллегой, желая напомнить ему о том, что дверь с другой стороны. Так оба они свалились на клумбу, но никого из них даже не уволили, поскольку первый и без того убился насмерть, а второй упал на него сверху и, таким образом, не помял ни одного цветка.

Житель изобразил посредством голосовых связок нечто вовсе нечленораздельное и скрылся в окне.

— За ружьем пошел, — уверенно сказал Фогеди и отломил еще один сухой сучок. Джагги, Илона и Фикус, давась от хохота, последовали его примеру.

Бросая в лужу ветки, они отмечали места их исчезновения. Никаких превращений по-прежнему не наблюдалось: брошенный предмет какое-

то время плыл по воде, а затем исчезал; впрочем, можно было успеть заметить, что кусок ветки как бы ныряет в воду, причем делает это быстро.

— Да ведь это карта! — воскликнул Джагги.

— Совершенно верно, — расцвел Фогеди, — древняя карта города Никкудакена и его окрестностей. Очертания этой лужи повторяют ее так точно, что ей позавидовали бы в любой типографии!

— Ой! — сказала Илона. Ее костюм сверкнул молнией, перехватив и расплавив в воздухе летевшую в нее пулю. То же произошло две секунды спустя с костюмом Фикуса. Давешний житель в самом деле вернулся к окну с ружьем; то ли от злости, то ли от натуги его морда сделалась теперь темно-багровой.

— Я на медведя ходил! — не слишком внятно проорал он, гневно потряс ружьем и снова скрылся в окне. Тут же там появилось другое лицо, большое розовое, в нем открылся рот и пропищал, — Стреляй отсюда, котик, не ходи вниз.

— По-моему, это начинает напоминать конфликт, — озабоченно сказал Фогеди. — Знаете что, давайте-ка от греха... я вот наступаю сюда, а вы за мной, след в след, хорошо?

Не дожидаясь ответа учеников, Фогеди шагнул в лужу и тут же пропал. Детям ничего не оставалось, как только последовать за ним в неизвестность.

Тьма сомкнулась над ними, стала отсвечивать серебром, потом в ней заискрилось золото, а там уж она совершенно рассеялась. Один за другим они вышли из лужи. Только теперь эта лужа находилась в роскошном саду, и навстречу им спешила замечательно красивая женщина.

— Матушка, — наклонил голову Фогеди.

— Матушка, — сказали хором Фикус и Джагги, тоже кланяясь: они уже поняли, что находятся на территории храма Миару, и решили, что к ним вышла верховная жрица, которую необходимо титуловать именно так.

— Миараина Лилиана! — воскликнула Илона.

— Ты знаком с Илоной, сынок? — удивилась жрица. Да, конечно, к ней нужно было обращаться “миараина” — как Джагги только мог забыть такое? Ведь дед читал ему...

— Илона, деточка, — продолжала жрица, — что это на тебе такое наде-то?

— Матушка, — сказал Фогеди, — нам нужно поговорить. А нельзя ли Илоне тем временем нырнуть в Пруд?

— Мальчик дорогой, — нахмурилась миараина, — а если она не выплывет? Когда ты начнешь думать головой, а не фазаньим хвостом?

— Она наденет шлем и включит полную защиту, — сказал Фогеди. — Она сможет дышать под водой, и они ей ничего не сделают. У нее уже голова немного отформатирована восставшими мертвецами...

— Ну что он такое болтает! — всплеснула руками жрица. — Ни слова невозможно понять!

— Миараина, пожалуйста, позвольте! — взмолилась Илона. — Это мне нужно для дела!

— Вот тебе телептон, — решила матушка хармотехнолога, — пусть у твоей тетки голова об том болит. Даст она разрешение — я открою Пруд. Илона упорхнула к прохладной стене храма, надеясь уломать тетушку так, чтоб мальчишки ничего не услышали. Фогеди сказал Лилиане:

— Матушка, вы ставите меня в неловкое положение. Илона ведь моя ученица; я велю ей выполнить задание, а вы препятствуете.

— Если девочку угораздило так влипнуть, — возразила жрица Миару, любовно оглядывая сына, — это еще не значит, что некому ей посочувствовать. А это тоже твои ученики?

— Да, матушка, — спохватился Фогеди, — это Джагги, а это Фигус.

— Огонь моего сердца лежит ковром у ног Миару, — Фигус вспомнил древнюю формулу почитания, употребляемую при знакомстве в храме.

— О Лора! О Миару! Только вы умеете дарить Вечность. Мгновение — имя твоей Вечности, Миару! — не остался в долгу Джагги; зря, что ли, дед столько лет компостировал ему мозги акафистами, обращенными к двум богиням?

— Воспитанные мальчишки, — заметила матушка хармотехнолога, рассматривая учеников сына с новым интересом. — Тебе бы вот у них поучиться.

— Я неспособный, — вздохнул Фогеди. — "Не побрезгует Лора обделенными разумом, материнской улыбкой подарит их Миару."

— Ну, хоть что-то да запомнил, — усмехнулась Лилиана. Илона прибежала счастливая, размахивая телептоном. Лилиана приложила трубку к уху.

— Ишь ты, — сказала она. — Ладно. А я мальчиков с ней пошлю. Сразу выйду на связь.

И оборвала контакт. Достала артефакт — кольцо с пульсирующей рубиновой стрелой. Прочертила им в воздухе прямоугольник. Возникла дверь.

— Идите все трое, — сказала она. — Шлемы или что это там у вас — чтоб наглухо. Самое важное: не принимайте никаких предложений, даже самых безобидных. Слышали поговорку "дашь ей палец — всю руку откусит"? Это сказано про русалок, и здесь нет ни капли преувеличения. Русалки не понимают договоров. Они понимают уступки. Лишь только одну уступку выцарапала — это для нее знак, что ты будешь уступать и дальше, стоит ей приложить побольше усилий. Поэтому будьте вежливы, отделяйтесь ни к чему не обязывающими комплиментами, но следите, чтобы они и впрямь ни к чему не обязывали.

Три сердца, несомненно, выпрыгнули бы из трех грудных клеток, если бы три защитных костюма этому не препятствовали. Ученики хармотехнолога отправились в Священный Пруд Миару знакомиться с местными русалками, сам он остался беседовать со своей матушкой с глазу на глаз. Тем временем трое местных архивных жителей: человек с багровым лицом и ружьем, заряженным "на медведя", белобрысый задрот — единственный сын нервной старушки, который жил с ней в одной квартире, и дед-чугунщик, горький пропойца, чье ремесло было — изготавливать чугунные подставки для статуэток Никкуда (в архивах такие статуэтки должны были стоять на каждой лестничной площадке и в каждой комнате), — все эти трое мужчин занимались мужским делом, то есть, патрулировали лужу вдоль ее периметра, огражденного лентой. Ружье багроволицего было направлено в самое сердце лужи. Женщины — сама та нервная старушка, сухонькая, с затейливой прической на голове, и толстая супруга жителя, вооруженного ружьем, стояли на подъездном крыльце и допрашивали бабу с ведрами, которая уже сидела на лавке и плакала, не отнимая от лица огромных рук, выпачканных в чем-то зеленоватом.

— Ну скажи ты, милая, — снисходительно, с подчеркнутой брезгливостью обращалась к ней образованная старушка, — что он тебе приказал? Следить за входом, так?

— Уууу... — причитала баба, — грешила много.

— Смотри, — грозила супруга багроволицего, — будешь запираяться, увезут тебя куда следует. У моего мужа связи где полагается. Как примутся за тебя сама знаешь где, живого места на шкуре твоей не оставят. — Формы говорившей, мягкие, перетекавшие одна в другую, как бугры на боках бурдюка из кожи, в который почти до полна налили масла, колыхались в такт ее словам, но белокурые локоны, обрамлявшие ее круглый щекастый лик, оставались при этом совершенно неподвижны.

Вдруг поверхность лужи забурлила. Мужчины замерли, обладатель ружья наставил дуло точно на растущий пузырь. Пузырь был разорван снизу пухлой белой рукой, изогнутой на невыразимо соблазнительный манер. Показалось даже круглейшее плечо, приподнявшееся из воды так, чтобы виден был треугольный кусочек груди, приводивший на ум тугой плод ковавы, лебяжий пух, а женатому архивному человеку еще и скалку в руках озверевшей подружки жизни. От неожиданности он выстрелил. Это заставило русалку вынырнуть из воды по пояс, а мужчин, в свой черед — совершенно потерять разум. Они сгрудились у ленты, расталкивая друг друга, давя ногами хрупкие ветрячки. Быстро окинув всех троих умопомрачительно томным взором, русалка схватилась рукой за дуло и потянула на себя с внезапной нечеловеческой силой. Мужественный стрелок не выпустил ружья, а нырнул в лужу следом за полногрудой русалкой.

Супруга его какое-то время стояла в ступоре примерно в той же позе, в какой команда хармотехнолога застала здесь раньше бабу с ведрами. Последняя, напротив, вскочила, ухватила ближайшее к ней ведро, кинулась к луже и грузно скакнула в нее двумя ногами сразу. Дама с белокурыми локонами также бросилась к луже с быстротой, практически немыслимой для ее габаритов; у самой ленты ее перехватили и, пытая, удерживали дед-чугунщик и высунувший язык от напряжения, как-то разом повзрослевший задрот.

— Татур! — пронзительно закричала сухонькая старушка. — Татур, вызывай команду быстрого реагирования!

Но сын ее не мог никого вызвать: борьба со сверхкрупной дамой, только что утратившей супруга в дворовой луже, отнимала все его силы и всю сосредоточенность. На шум, однако, явился будочник — по-видимому, выданный ему на складе траблоуловитель оказался исправным — наметанным глазом ухватил суть проблемы и вызвал, наконец, команду быстрого реагирования.

Завершив беседу, Лилиана и Фогеди вышли к берегам Священного Пруда Миару.

— Незачем и ждать их, думаю, — сказала Лилиана, — нужно нырять и искать на дне. Это ведь только дети; конечно, наши фигуристые красотки их успели уговорить. Ну у кого повернется язык обидеть таких, в чем-то им отказать?

— Да они толком не умеют обижаться, матушка, — возразил Фогеди. — Если им дали, чего они хотят, они хотят вдвое большего, если не дали,

удваивают усилия, а если отобрали то, что они уже заранее считают своим — испытывают злость и ярость и действуют соответственно.

— Умеют или не умеют, а губки они надувают более чем профессионально, все-таки трехсотлетний опыт, — усмехнулась Лилиана.

— Вот и эти трое, мои ученики — вдобавок к тому, что они одеты в защитные костюмы, снижающие градус психической атаки — уже накопили кое-какой опыт, — кивнул хармотехнолог.

— За два дня? — Лилиана подняла бровь.

— Да, и за пять-шесть переворотов сознания, — улыбнулся ее собеседник, — весьма разнообразной природы. А у русалок, матушка, опыт один и тот же, из раза в раз повторяющийся. Впрочем, без сомнения, они его прекрасно усвоили; к тому же, они очаровательные создания, украшающие и жизнь, и смерть, и самое дно Священного Пруда Миару.

— Это еще кто? — нахмурилась жрица, раздвигая камыш.

Показались четыре серые нащепки над водой, и сразу вынырнула голова. Голову эту рука в серой перчатке держала за волосы, и из всех дырок, которые можно было обнаружить в голове со стороны лица, стекла вода.

— Утопленник, — хихикнул Фогеди, — утопленник в пруду богини. Блажен... или не блажен? — обеспокоенно спросил он, увидев изменившееся лицо матери. — Я только хотел вспомнить стих...

— Помоги им вытянуть его на берег, — сказала жрица. — Еще полминуты, и он умрет.

Началась суета. Фогеди стал показывать ученикам искусственное дыхание, усиленное артефактом: у него это было что-то вроде игрушечного насоса, а у каждого из детей — по нашивке на рукаве защитного костюма. Лилиана наблюдала за этим, стоя в стороне, скрестив руки на груди; выражение ее лица было трудно прочесть. Наконец все трое научились делать искусственное дыхание более или менее сносно, и тогда Фогеди привел утопленника в сознание.

— Где ты, милая?! — сей же момент заорал он, — вырываясь из рук своих спасителей.

— Ваша супруга, должно быть, осталась во дворе вашего общего дома вместе с зелеными насаждениями, — вежливо ответил ему Фогеди. — Она едва ли сможет отсюда услышать ваш голос, хотя, конечно, он у вас громкий.

— Не ускользай! — продолжал спасенный, отмахиваясь от хармотехнолога. — Я хочу вновь и вновь сжимать ладонями твои божественные груди!

О, ты слишком юркая, я не могу поспеть за тобой!

— Никогда бы не подумал, — сказал Фогеди.

— Не валяй дурака, — сердито сказала Лилиана, — ты прекрасно знаешь, что он говорит не о старой толстой сухопутной жене. Прими вызовы, которые давно уже скачут на твоём телептоне, забирай детей и уходите. И пусть пришлют за ним сегодня же вечером: мы его будем лечить, разумеется, так что он будет очень слаб. Надеюсь, он не схватит тут скоротечную чахотку у меня на руках — хватит и того, что он наглотался воды и смертельно влюбился в русалку, — озабоченно добавила она, потому что стрелок, очевидно, потерявший свое ружье на дне пруда, принялся громко чихать и кашлять.

— При ваших методах лечения, матушка, ни о какой чахотке не может быть и речи, — галантно заверил ее Фогеди.

Лилиана поцеловала его в лоб, наскоро попрощалась с детьми и скрылась в боковой двери в стене храма. Фогеди передал влюбленного стрелка на руки служителям в ярко-красных одеждах и повел детей прочь, но не к луже-двойнику той, дворовой, на которую, к слову сказать, на территории храма никто не обращал внимания. Нет — на сей раз, похоже, они собралась покидать храм Миару самым регулярным образом, двигаясь по широкой аллее к воротам. Сам он разговаривал по телептону, отдавая указания орднунг-магам оцепить опасное природное явление заново и приставить к нему охрану. Заявил, что они с учениками к завтрашнему вечеру приготовят артефакт, который позволит полностью взять означенное явление под контроль, а до тех пор магам рекомендуется соблюдать инструкции и технику безопасности. Называл какие-то цифры, сыпал терминами. Потом еще объяснялся с широм Ортрием и просил его распорядиться относительно архивного жителя, попавшего сперва в смертельные объятия к русалкам, а затем в целебные — к жрицам Миару. Докладывал ширу, как именно и с каким усердием он избегал конфликта с местными жителями. После вызвал Наргода и принялся рассказывать ему какой-то несмешной анекдот.

Дети тем временем смущенно молчали и украдкой переглядывались. Илона только-только стала коммуникантом, и ей трудно было контролировать беззвучные речевые потоки. Иногда она начинала невольно “думать вслух”, но мальчики и без того поняли, что она уловила следы по крайней мере последнего сна в их головах, когда они все вместе любезничали с русалками. “Ладно, — прервал коммуникационно-телепатическое молчание Фигус, — поговорим обо всем, когда разойдемся по домам: се-

годня вечером. Ты ведь наш сон видела в нашей памяти?” — “Наверное, я видела два места из него, — сообщила в ответ Илона, — про русалок и немного раньше, про Пастуха”. — “Ну, — послал им мысль Джагги, — про Пастуха — это самое непонятное.” — “Наоборот, — ответила Илона, — остальных ребят я не знаю, а Пастух — это что-то вроде живого бога нового времени.” — “Как это, нового времени?” — спросил Фикус. — “Ну, — сказала Илона, — так говорят про богов, которые возникли после сотворения людей. То есть, это те, кто в них верит, считают, что они возникли, или сошли на землю, или родились в человеческом теле. Хотя, судя по тому, что вам снилось, этот Пастух и правда возник...” — “А почему в учебниках истории этого нет?” — недоверчивая мысль Джагги пришла следом. — “Ну ты спросил! — громко, хоть и про себя, удивилась Илона. — Это же запрещенка! Тот же Пастух — у него последователи не переводятся, хотя их арестовывают не глядя, а они вообще плевали, например, на Никкуда. У них что ни писание, то святотатство.” — “Ты это от тетки знаешь?” — спросил Фикус, — “В том числе,” — послала она неохотную мысль. — “А зачем ему, этому Пастуху, помирать в каждом сундуке?” — спросил Джагги. — “А, это... — как-то путано подумала Илона... — у него странная паства, то есть, почитатели. Они собирают части его тела. Одежду. Это у них что-то вроде священных артефактов. Косточка или зуб Пастуха у них на вес золота. Ну и, я так понимаю, им нужно много...” — “Странная история! — резюмировал Фикус. — Я бы не стал с утра до вечера помирать и воскресать ради таких долбанутых почитателей”. — “Ну, там, может быть, не только в этом дело... я, короче, забыла, зачем ему это,” — призналась Илона. — “Ладно, — сказал Фикус. — Остальное на вечер. Расскажем тебе, что было раньше, и будешь смотреть сон с нами. Хотя про тебя в пророчестве ничего не говорилось.” — “Ты же не знаешь все пророчества,” — возразил ему Джагги.

Они вышли из ворот и остановились посреди Улицы Висельников. О том, почему двухкорпусный храм Лоры и Миару стоял на Улице Висельников, рассказывались разные истории, и все они казались теперь Джагги дурацкими фантазиями. Дед в свое время обещал открыть ему правду — когда Джагги поумнеет и научится держать язык за зубами. А судить о том, поумнел он или нет, будет, разумеется, тот же дед, так что Джагги не особенно рассчитывал на это обещание. Спросить сейчас?

Фогеди, широко улыбаясь, смотрел на учеников. Его присутствие в голове не ощущалось, но вдруг он все-таки мог подкрадываться незаметно и читать мысли?

— Давайте прощаться, — сказал Фогеди, — расходимся. Завтра у меня в основном бумажная работа, это вам пока рано, так что завтра Илона и Джагги отправляются в школу. От школьной домашки вы освобождены, это согласовано с директором. Фикус останется дома, то есть, в террариуме, и почитает кое-какие инструкции. Ну а завтра вечером я выйду с вами на связь, тогда и договоримся о том, чему учимся дальше.

Первую половину пути к дому хармотехнолога Фикус и Фогеди шли молча. Начинало темнеть. Проходя мимо синего с зелеными прожилками фонаря, Фикус спросил:

— Мерит, а за что русалки ненавидят мужчин?

— Да с чего ты взял, — поразился Фогеди, — что русалки нас ненавидят?

— Убивают же, — сказал Фикус. — Если б не мы, тот с красной мордой не вышел бы от них живым.

— Ну и что? — пожал плечами Фогеди. — Им-то в нем интересно не то, что он у них помрет под водой, а совсем другое.

— Они что, не знают, что он там не может дышать? — никак не мог понять Фикус.

— Ну он ведь у них не первый за триста лет, — рассмеялся Фогеди. — Скорее всего, начинают подозревать.

— А зачем же они тащат людей под воду, если не хотят их убить? — в синем свете удаляющегося фонаря было видно, как Фикус помотал головой.

— Зачем, — сказал на это Фогеди, — девушки рвут цветы?

14. Ноги или хвост

Прогнозы Ниолы оказались слишком оптимистичными: у Мукта началась лихорадка. Губы у него высохли, нос заострился, он бредил, насколько можно было понять, главным образом проходясь по теме самосожжения. Это представлялось ему чем-то вроде танца, и он не сомневался, что сейчас, лежа в бреду, учится танцевать. Ниола, по-видимому, казалась ему учительницей, он обращался к ней “шира”, других по большей части просто не замечал. Один раз пожал руку Мяуру и формально с ним попрощался. Тут уж и Мяур начал рыдать. Рейко сбивал Мукту температуру, следил, чтобы не было обезвоживания, Мяур тоже возился с целебным артефактом, предположительно очищающим организм и придающим сил; вреда он как будто не приносил, так что Рейко и Ниола

не гнали его, но и видимой пользы от него не было.

Положение их осложняло то обстоятельство, что русалки не снимали осаду. Когда это только началось, Вакс отругал Гараччи; даже, ни разу не оглянувшись на Ниолу, произнес при этом весьма затейливую нецензурную тираду. Если бы Мукт был на ногах, он, преисполнившись благоговения, вероятно, записал бы ее к себе в блокнот. По мнению Вакса, русалки подолгу не держат зла, если не подкрепить их память неуместным употреблением артефакта, а это именно то, что сделал Гараччи, когда ему наскучило слушать страстные излияния Рейко. Лидер группы вяло оправдывался — Вакс-де не специалист по русалкам, может, эти попались особо злобные, может, им добыча обламывается раз в сто лет, а тут вот сама полезла в руки, да увели; да он ничего и не делал им этим своим артефактом, только сбил с толку слегка, ну надо же было ему от них оторваться, а зачем он вообще к ним нырнул — а затем, что пришла охота поплавать. Между тем, всходила луна и густел туман, в тумане слышались стоны, звуки поцелуев; иногда начиналось пение, насыщенное гипнотическими чарами по самое нехочу. Гараччи попробовал было уйти в туман, и тут же его схватили цепкие ручки и потащили за собой; остальные еле сумели его отбить. Опытным путем было установлено, что туман рассеивается ровно один раз — в полдень, и всего лишь на несколько минут. За это время нужно успеть по меньшей мере набрать воды. К счастью, Мяур вспомнил, как закидывать Быструю Сеть, с которой рыбак за три минуты мог наловить рыбы там, где она водится в изобилии; в Сеть напоззали и раки. Если б не это, пришлось бы им сидеть на сухом пайке. Рыбу варили в воде, долго и мучительно разогреваемой ретротермитом, над которым не жалея сил колдовали вдвоем Вакс и Мяур. Еще одна сложность: костер больше не разгорался. Мяур винил в этом огневичку: дескать, не дали ей Мукта, вот она и прокляла место стоянки. Ниола уверяла, что огневички, если и проклинают, то вовсе не за то, что им кто-то чего-то не дал — но поскольку она раньше уже ошиблась, недооценив серьезность болезни Мукта, ей в этом никто не верил. Правда, дотошный Юши заметил, что после ухода огневички костер продолжал прекрасно гореть, а проблемы с ним возникли много позже, но ведь и проклятия тоже бывают отложенными. К четвертой ночи начались новые неприятности.

Пение русалок уже полчаса как смолкло, так что Рейко соображал достаточно ясно. Он снова занял свой пост главного целителя рядом с ложем Мукта и как раз пытался напоить больного кипяченой водой из ложки,

когда в тумане возникли знакомые очертания. Он выронил ложку, вскочил на ноги, откинул волосы со лба:

— Доктор Майли!

— Да, любезный мой лентяй — вот уж никак не ожидал тебя здесь увидеть! — Геккет Майли широко улыбался, лекарский посох в его руке сверкал в лунном свете: по прочной палке цирлемтонского дерева ползла вверх деревянная полированная змея. Луна была полной, огромной, и висела прямо над стоянкой, на пяточке, свободном от тумана, видимо, благодаря влиянию двухрукавного спирального артефакта. Артефакт по-прежнему висел на шее Ниолы, точнее, лежал у нее на груди, потому что Ниола спала.

— Так вот куда вы всякий раз пропадаете в последнем квартале весны! — помимо радости от встречи со своим старым профессором, Рейко чувствовал невероятное облегчение, мысленно передавая уже ответственность за жизнь бедняги Мукта в самые что ни на есть надежные руки — что и говорить, надежнее некуда. Майли — настоящий человеческий врач, великий хирург, в первую очередь кардиолог, среди его ассистентов четыре весьма приличных мага, а ведь не всякий хирург настолько подкован в медицинской науке, чтобы в своей работе найти место для магического ассистента. В Ветеринарной Академии он вел странный предмет под названием “устройство суставов и сочленений”, глубоко технический и в то же время требовавший от преподавателя чрезвычайно обширной эрудиции в вопросах общей биологии. Половина курса была посвящена устройству сочленений у насекомых, а также пауков и ракообразных. Рейко подозревал, что у Майли это просто личный конек, которому он постарался найти полезное применение. В чем и преуспел: работая в паре с магом, в случае сложных множественных переломов у домашней кошечки можно с немалой пользой употребить знания об устройстве сочленений у речного клопа.

— У каждого из нас есть свои маленькие секреты, — рассмеялся Майли. Разрешишь присесть?

Рейко кинулся за спальником, чтобы расстелить его на бревне для доктора.

— Да не стоило беспокоиться, — Майли, однако, уселся на спальник и, по-видимому, чувствовал себя превосходно. — Ну как ты здесь? Скучаешь?

Как это часто бывало и раньше, Рейко немного удивился вопросу; профессор любил говорить загадками.

— У меня тут больной... — он показал на Мукта. — Вот уже четверо суток лихорадит его, но никаких воспалений нет, лечить не от чего, и мы здесь только ухаживаем за ним.

— Если больной, значит, есть от чего лечить? — строго спросил доктор. Рейко, торопясь, описал историю с огневичкой, показал зачем-то место, где был костер, и развел руками: кроме сведений, полученных от Ниолы, уровень доверия к которым теперь весьма средний, у них просто ничего нет. Ни теории, ни практического опыта, ничего.

— Да, странная девочка, — нахмурился Майли, — это вот эта? Что она делает?

— Спит, — удивился Рейко.

— Спит, значит... — задумчиво повторил Майли.

Рейко в который раз подумал, что профессор Майли на самом деле говорит сам с собой на особом, недоступном его студентам языке, иногда проговариваясь. Например, что он имел в виду только что? В ближайшие двадцать лет, если, конечно, ему суждено их прожить, Рейко понять это не надеялся.

— То есть, она все-таки неправильно объясняла? — он решил уточнить.

— Невнимательность — еще один аспект лени, — вздохнул профессор. — Ты упомянул, что она производила сравнение русалок и огневичек. Анализируя ее риторические приемы, ты мог бы заметить, что она оказывает явное предпочтение вторым, ставит их как бы выше первых в каждом отдельном своем суждении. Если предположить, что у нее есть причины судить здесь пристрастно — можно ожидать на этом месте искажения прогнозов, которое может стоить больному жизни. Так?

— Наверное — конечно, профессор, но только какие тут могут быть причины к тому, чтоб быть пристрастным? — Рейко и не скрывал изумления.

— Причин “быть пристрастным”, может быть, и нет, а “быть пристрастной” — дело иное, — усмехнулся доктор, — когда женщина судит о женщинах...

— Шир Майли, — возразил Рейко, впрочем, уже начиная смутно где-то признавать справедливость выкладок своего почтенного собеседника, — все-таки это духи. И вопрос-то серьезный. К тому же, ее суждение отвечает интуиции — духи огня как раз в такую сторону и должны отличаться от духов воды. В любом случае, если б вы согласились осмотреть больного...

— Надо сперва разобраться с серьезным вопросом, — сказал Майли. — И серьезней всего здесь твое невежество. Представления о проявленно-

сти чистых стихий, элементарей — это высокие заблуждения древних, в наше время уже сильно спустившиеся вниз по иерархической лестнице. Чудес не бывает. Все реально существующее совмещает в себе все четыре, а порой и все пять элементов. Русалки — вовсе не элементарии воды! Главная стихия в них — земля, почему они вас и тянут на дно. Но вода в них тоже представлена, а также следы воздуха и огня. Что касается огневичек — да, огня в них больше всего, но и они не “духи” в узком смысле слова: эфира в них нет. Соответственно, “любви” в человеческом понимании огневички не возбуждают. Болезнь твоего приятеля имеет иную природу.

— Какую же? — спросил Рейко, как это случалось всякий раз после таких внезапных лекций, потрясенный простотой, какой-то даже обыденностью и самоочевидностью того, что разъяснил ему профессор Майли. — Его мозг пытается форматировать чужая, паразитная программа существования. Если коротко, он хочет стать огнем.

— Как отключить эту программу? — спросил Рейко, выжидательно наклоняясь вперед.

— А вот мы сейчас посмотрим... — профессор, наконец, встал на колени перед ложем Мукта и положил руку к нему на лоб. — Прежде всего, пьет он у вас недостаточно. Неужели ты ухитрился забыть суточные нормы потребления воды для взрослого уже практически человека? — он покачал головой.

— Я ведь только и делаю, что вливаю воду ему в рот чайной ложечкой, — оправдывался Рейко. — И Мяур, и Ниола, когда их очередь дежурить: сейчас все спят... Четыре дня уже.

— За четыре дня ты так и не успел заметить, что этого недостаточно? Про девочку я не спрашиваю, у нее нет медицинского диплома.

— Я заметил, но...

— Ты находишься в двух шагах от большого водоема. Самое простое, что можно сделать — отнести его и окунуть в воду.

— Шир Майли... пить воду из озера, с амебами и микробами, в его состоянии...

— Вопрос стоит так: пить воду с амебами и микробами или умереть от обезвоживания, — профессор был неколебим.

— Видите ли... — уже сдаваясь, начал Рейко... — видите ли, там... Мы немного обеспокоили русалок, как вы, наверное, поняли из того, что я вам успел рассказать... Они рассердились и теперь пытаются всеми силами затащить нас на дно. Вот, устроили туман, — он обвел рукой окрест-

ности. — А в тумане ждут сами, и хватают, если сделать пару шагов.

— Но меня же никто не схватил, хотя я пришел прямо оттуда, — пожал плечами доктор Майли. — И тебя со мной не тронут. Давай-ка — вдвоем мы справимся. За ноги бери!

Рейко послушно взял Мукта за ноги; профессор, кряхтя, подхватил его за плечи; трость он теперь держал под мышкой. Интересно, где его дорожный мешок. Видимо, там, где он остановился — наверняка это куда более удачное место, комаров меньше и почва суше, и легче разжечь костер.

— Ниола, — слышался голос Гараччи, — Ниола, посмотри, кто к нам пришел!

Ниола открыла глаза, приподнялась на локте; Гараччи, принявший ту же позу на своем лежбище, указывал на профессора.

— Кто это? — Ниола, не до конца проснувшись, спросила испуганно.

— Знаменитый доктор Майли! — торжественно сказал Гараччи. — Тот самый, что в прошлом году давал в анатомическом театре открытый урок мутиологии — публично препарировал двугорбого котика-людоеда! Помнишь?

— Да, — ровным голосом проговорила Ниола, — кажется, как раз год назад. Вскоре после этого он пропал без вести. Это было в газетах. Какими судьбами вы к нам, профессор? Откуда вы пришли?

— Прямо со дна озера, — ответил Гараччи за профессора.

— Шир Майли! — ахнул Рейко, выпуская одну ногу Мукта. Только теперь он заметил, что в волосы и даже в бороду профессора впуталась тина. Он смотрел профессору в лицо и видел, как у того вытекают глаза, от чего по щекам ползут серебряные, сверкающие под луной ручейки. Живая змея соскользнула с фальшивой профессорской трости и атаковала Ниолу. К счастью, Вакс тоже успел проснуться и хватил змею топором. Голова Мукта со стуком ударилась о древесный корень: мертвый Майли выпустил его из рук, упал сам и покатился к озеру, разваливаясь на части. Рейко сел на землю и заплакал. Ниола все еще держала руку на диске спирального артефакта. Мяур выпутался, наконец, из мешка, подскочил к Мукту, поднял его голову к себе на колени, приложил ухо к его груди, прислушался, бьется ли сердце.

Когда проснулся Юши, Мукт уже лежал на своем месте, повернутый набок; ранка на затылке его, возникшая от удара о корень бумажного дерева, была промыта и перевязана. Он был все еще жив, но, похоже, говорить уже не мог, хотя иногда пытался шевелить губами. Рейко про-

должал поить Мукта с ложечки, но, как справедливо заметил труп профессора Майли, проку больному от этого было немного. Вакс, Гараччи и Ниола быстро ввели Юши в суть дела, и тот против своего обыкновения не полез к Рейко за уточнениями. Он только сказал:

— Интересно, чего нам ждать дальше.

Этого не знал даже Вакс.

— Чего ждать людям, — вздохнул он, — когда бушуют стихии? Наверное, ты был прав: надо было вернуться. Кто-то да выжил бы.

— Вакс, — Гараччи покрутил в руках кружку, как бы раздумывая, греть ли в ней воду, — я давно хотел спросить. Ты работаешь на особистов?

Все посмотрели на хармотехнолога — все, кроме Мукта.

— Во всяком случае, — спокойно ответил Вакс, — я получил от них задание.

— Какое? — спросил Гараччи.

— Забрать у тебя спиральный артефакт, а если не будет возможности, то обезвредить, — тем же тоном отвечал Вакс.

— Как это — обезвредить? — Гараччи один сохранял дар речи; Ниола смотрела на Вакса потрясенно, между прочим, положив ладонь на диск артефакта.

— А я не понял пока, — пожал плечами Вакс. — Ну, это ведь тоже часть задания: наблюдать, разобраться, как и с чем работает двухрукавная спираль...

— Неужели ты собираешься выдать им Аччи? — Ниола, наконец, обрела способность говорить.

— Ну, — усмехнулся Вакс, — пожалуй, при наших обстоятельствах это было бы несколько затруднительно.

— А если бы... — начала Ниола...

— Да не собирался он меня выдавать, — сказал Гараччи. — Сто раз бы уже мог снять это у меня с шеи, пока я спал. Да если б он попросил меня дать ему спиральку поизучать, я бы дал, еще до похода.

— Почему тогда он сразу не отказал им? — спросил Мяур.

— А смысл? — Юши пошевелил палкой угли четырехдневной давности.

— Он бы отказал — нашли бы другого. Будто Аччи трудно развести на доверчивость. Удивительно, что он вообще догадался.

— Я бы и не догадался, — пожал плечами Гараччи. — Просто мысль пришла — а зачем Вакс вообще со мной пошел? Тут уж я стал думать. Благотворительность отпадает: мы бы без него, допустим, уже пропали бы без вести, но не мы одни в этом мире несчастные птенчики. Скорее, из

сочувствия он бы попытался отговорить хоть кого-нибудь, а он этого не делал. Неисчерпаемое месторождение сырой магии ему не слишком-то интересно, хармам, как я понял, всегда с головой хватало исчерпаемых. "Посмотреть на великих магов, равных по силе мастерам древности"... насколько я знаю Вакса, как только он увидел бы такого мага, прежде всего стал бы думать, как его обезвредить.

— Аччи, — сказал восхищенный Юши, — если б ты попробовал думать почаще — клянусь пеплом свитка всех свитков, я бы, наверное, решил бы, что ты очень даже не дурак.

— Все идет к тому, что дураком я в твоих глазах и останусь, — в голосе Гараччи, однако, слышались довольные интонации. — Стихии, понимаешь, разбушевались, а им люди что щепки.

— Стихии безмозглые. У людей есть разум. Мы сильнее, — насупившись, сказал Мяур.

— Разумом сначала надо научиться пользоваться, — заметил Вакс. — А этого люди до сих пор толком не освоили. Чего не скажешь о стихиях.

— Да тупые они! Ты что, сам не видел?! — взъярился Мяур.

— Мало ли что я видел. Зато они легко используют для своих целей человеческий разум. Скажем, когда они лепили из кусков злосчастного доктора Майли, его манеры — в том числе и манеру рассуждать — они взяли непосредственно из головы Рейко. Наш ветеринар обманул сам себя.

— Он странные вопросы задавал, — кивнул Рейко. — например, спросил, что делает Ниола. А Ниола спала.

— Русалки забывают, что людям надо спать, — согласилась Ниола. — Во всяком случае, так пишут, — добавила она, видя, что Рейко сомневается в ее беспристрастности.

— Вот! — сказал Мяур.

— Но он поставил диагноз, что-то вроде того, что к мозгу Мукта подключилась паразитная программа, которая пытается на его материале построить другой способ существования. Мукт хочет стать огнем. Я бы, — Рейко помотал головой для убедительности, — я бы сам до такого никогда не додумался.

— Значит, додумался бы, — сказал Вакс. — Они эффективнее, чем ты, используют твой разум, понимаешь?

— А почему тогда они на базе мозгов от всех несчастных утопленников не открыли всякие там сверттехнологии? — не сдавался Мяур.

— Да на что им? — удивился Вакс. — Цели-то у них прежние, простень-

кие. А средства им все хороши: что спадают ручками, то и в дело пошло, будь то озерная змея, мозги Рейко или ошметки, оставшиеся от профессора Майли после того, как они с ним поиграли. Они как будто делили его между собой: одна часть мне, другая тебе, третья соседке напротив. — Геккет Майли — лучший учитель во всей Академии. Хоть он и не ветеринар вовсе. Слов нет, до чего жаль: такая глупая смерть... — вздохнул Рейко.

— Себя пожалей, — усмехнулся Гараччи.

— Как бы организовать дело так, чтобы они раскачали наши мозги на изобретение какого-никакого выхода из сложившегося... ну вы поняли, — оглянувшись на Ниолу, сказал Юши.

— Интересная идея... — задумался Вакс.

— Можете считать меня пристрастной, хотя, по-моему, это дикая нелепость, — сказала Ниола, — но единственный выход — попытаться вызвать огневичек. Просить опять у них прощения, просить, чтоб отпустили Мукта и посоветовали, как нам отсюда выбраться. Как ни крути, а состав стихий в них противоположен русалочьему, даже если верить бедному мертвому Майли. С ними можно договориться.

— Ты права, — сказал Вакс, — мы можем считать тебя пристрастной. У нас есть основания.

— Какие, интересно, тут вообще могут быть основания? — запальчиво спросила Ниола.

— А я возьму и скажу, — Мьяур прервал неловкую паузу. — Русалки хотели забрать к себе Аччи и даже из-за него дрались, а огневичке он был без надобности. И она называла тебя сестрой. Вот и основания.

— Грубовато, — заметил Юши. — Но в общих чертах...

— Думайте, как хотите, — сказала Ниола, и в голосе ее послышались слезы. — Но другого выхода у нас просто нет. Разве что вернется наш козлик, попрыгает под луной, превратится в волкочеловечка и с русалками подерется.

— Ну да, из-за нашего мяса, — кивнул Юши. — Чтоб ему тоже досталось.

— Не обижайся, Ниола, — примирительно сказал Вакс, — но когда тебя накрыло одной стихией, тянуть с полки вторую крышку может оказаться не лучшим выходом. Если бы среди нас был специалист, работавший на практике с элементами, еще можно было бы попробовать. А ты — прости уж — ни разу не специалист; наоборот, для теолога ты в этом вопросе даже слишком начитанна. Наука о божественном на эту конкретную тему смотрит свысока, ты же не станешь это отрицать? Ну не

учили вас этому и не поощряли в вас естественного любопытства. В этот момент возобновилось пение. Даже Мукта оно привело в некоторое возбуждение: он вел себя так, как будто хотел позвать кого-то, артикулировал имена, но те, кто мог их услышать, на зов не являлись. Рейко как лекарь в очередной раз пришел в негодность: сел на землю и стал раскачиваться, зажимать уши изо всех сил и подпевать мелодии, по каким-то иным, неперекрытым каналам легко проникавшей в мозг.

*Ой, да вы не слышали, не видели, как все было,
Тиной поросла его черная борода,
Я его не бросила, я всяким его любила,
Я не замечала, что сделала с ним вода.*

*Ой, да вы не думали, как весело мы играли,
Шевелились пальцы липко, как слизняки,
Струны сквозняков мы чуть слышно перебирали,
В дудочки костей продудели все праздники.*

*Ой да поцелуи мы в черных туманах пили,
Черные туманы я поднимала ему со лба,
Как мы целовались, как пели и как любили,
Я не замечала, что сделала с ним судьба.*

И туман, обступавший их стеной, делался черным, выпускал чернильные пальцы. Ниола наклонилась над Муктом, стараясь его защитить, положила ему на грудь артефакт Гараччи, и свою ладонь — на диск спирального артефакта. Крупные чернильные пальцы не трогали их обоих, лишь мелкие, кляксообразные прикасались и сейчас же отставали. Но остальные путешественники, хоть и старались держаться ближе к заветному артефакту, фактически оказались без защиты перед любопытствующими пальцами черного тумана.

Вакс провозжал домой Ленно, ученицу меритессы Силайи. Меритесса со всей своей школой уехала на берега при Лютном Устье Океана, но вот Ленно для каких-то целей прислала назад. Девушка не нуждалась, разумеется, в провожатых: напасть на харма на одинокой улочке себе дорожке. Со стороны Вакса это был жест избыточной галантности, сигнал к началу романтической прогулки. Такую прогулку они и совер-

шали вдвоем, быстрым шагом, рассуждая о магическом поле смешанной модальности. Темнело, сумерки делали зрение острее, запах закрывающихся цветов царапал по сердцу острыми коготками, пробуждая к жизни чьи-то как будто чужие смутные воспоминания о счастье с привкусом легкой горечи; как крупные бабочки, подставляли они уходящему свету неформившиеся расплывчатые узоры на темных крыльях. Ленно остановилась и сказала, что отсюда, как ей кажется, через стену зубчатого забора и пару нежилых дворов можно проникнуть в Оранжевую — как раз в неухоженную часть. Вакс прикинул в голове, как оно выходит по карте — вроде бы и в самом деле правдоподобно, и предложил попробовать. Чувство опасности привычно для Харма, и если бы Вакса спросили, какие ассоциации у него вызывает необходимость перелезть простой человеческий забор с сигнализацией высокого уровня, он бы ответил — миндаль и нежность.

Ленно лезла ловко в своих обтягивающих рабочих штанах; Вакс подумал, что он был бы большим поклонником, настоящим ценителем женских ножек, если бы у него было на это чуть больше времени. Когда времени все же перепало немного, и девушки требовали признаний, что “это любовь”, Вакс послушно подтверждал, следуя этикету, но всякий раз несколько досадовал — а что им, собственно, нужно? Убедиться, что он согласен признать, что его душевное состояние — или, может быть, чувства, которые он испытывает — соответствуют выверенной схеме, заданной, скажем, в романах, проглатываемых девушками без разбору? Любовь как случайная совокупная эманация Лоры и Миару ведь довольно страшная вещь, которую не всякий подхватит, если она летит к нему, а подхватив, не всякий выдержит, и тогда она проявляется как болезнь, обыкновенно с летальным исходом. Но в своих романах девушки вычитывают другое, а потом хотят, чтобы Вакс принял правила их зубодробительно однообразной игры и объявил им об этом официально. Каждая из них непременно “ты первая женщина, которой я...” или “ты единственная женщина, с которой я...” — и упаси Паллади перепутать, что там на этот раз; каждая невероятная, каждая сводит с ума, каждую невозможно забыть — а между тем, они в этом своем проявлении до того неотличимы друг от друга, что он уже затрудняется даже первую из них вспомнить, ни с кем не смешав... а зачем, собственно, он стал это вспоминать?

Вакс потрянул головой, на секунду увидел, как его реальность шьется нитками густого темного тумана, попытался порвать их — и прыгнул вслед за Ленно на взрыхленную, но, по всей видимости, ничем еще не засеянную землю. Он приземлился неудачно (не стоило отвлекаться!), активировал звоночек; сперва они отключили его вдвоем одновременно, так что тот сморщился и рухнул с фальшивой ветки — а потом, хихикая, прятались от железного сторожа за зонтичным экранящим полем, вжав голову в плечи и соприкасаясь локтями. Сторож мог убить разом дюжину таких, как они, ну и что — а пускай он сперва их обнаружит.

Они не так и далеко прошли по заброшенной части Оранжевей: сафиромы образовали здесь настоящие травяные джунгли с серебристыми, действительно сверкающими в сумерках ягодами, до того крепенькими и ладными, что они просто не могли не быть ядовитыми. Где-то в полузакатном направлении цвел миндаль. Одурачивающий аромат альгемий доносился с севера, но сами ночные цветы при таком освещении уже нельзя было разглядеть издали. Здесь было несколько немых, невыразимых моментов, краткие речи на языке тела, груди в ладонях, как крупные яблоки в том страшном саду, из которого человеческие черепа вывозили подводами, и вполне определенная мысль — как мальчишка, как в первый раз... точнее, таким и должен был быть первый раз.

Была ли это любовь, вы спрашиваете? Да кто вы такие, что рядом с вами то и дело всплывает этот до челюстных судорог унылый вопрос? Как говорят у соседей-спиритологов, жизнь богаче. Мы обходим ее со стороны Лоры, и все виды Вечности получаем из ее точеных холодных рук, а не из горячих, ошеломляюще обольстительных рук Миару. Хорошо ли с ней было? Ну, может быть, с вами бывало и лучше, но насыщенней по текстуре, на всех уровнях прочной и мимолетной, ускользающей жизни у вас никогда не будет, не знаю уж, почему; если вы сами так выбрали, то это зря.

Вакс обнаружил, что он пребывает в диалоге с неведомо кем, и этот неведомо кто сейчас взревел от ярости. От неведомо кого же он с недоумением узнал, что Ленно коротко стрижется, потому что у нее слишком жесткие волосы, что она плоска, как доска, и муже-

подобна, что ножные мускулы у нее переразвиты, как у лошади. Да, несомненно, неведомо кто не раз видел лошадь! Это животное.

У Вакса попытались выведать дополнительные детали обобщенного портрета ученицы метрессы Силайи, но ему надоела эта белиберда, и он поставлять их отказывался — да не всегда и понимал, о чем, собственно, его спрашивают. Его мысленному взору открыли разнообразные части безусловно женского тела, притом совершенно обнаженные: вот как надо! Вот каким это должно быть! Я лучше! Смотри на меня! Я могу все, что может она! Вакс спросил, может ли его прекрасная собеседница помолчать — он-де интересуется, потому что у Ленно это получалось не хуже, чем у него. На этом его схватили за волосы и вышвырнули прочь из разговора.

Мяур сидел на скамейке под яблоней. Рука у него находилась под форменной накидкой, а в руке он прятал фасилитатор, при участии которого он пытался силой мысли убедить яблоню сбросить яблоко к нему на колени. После получаса безуспешного пыхания он сменил тактику: стал уговаривать яблоко. Кажется, оно немного покачивалось. Кто-то рядом с ним плюхнулся на скамейку.

— Привет!

— Привет, — ответил Мяур, все еще не сводя глаз с яблока.

— Что делаешь? — говорили девчоночьим голосом, дружески, с легким акцентом; Мяур определил его как говорок ткацких кварталов в Йоханках, соседствующих с бандитским Залемнино.

— Так. Тренируюсь, — буркнул Мяур.

— Посмотри на меня, — голос звучал требовательно, с угрозой формирующейся обиды, и в то же время как-то... обещающе.

Ну, Мяур взглянул. Девчонка. Хорошенькая. Сиськи внушают. Глаза большие, карие с зеленовато-желтоватым отливом. Жмурится, как кошка. Точнее, как девчонка, старательно изображающая кошку — у них до конца это не получается никогда. И тут к нему в руку упало яблоко.

— Понял? — спросила девчонка.

— Ух ты! У тебя какой фасилитатор? — жадно спросил Мяур.

Девчонка рассмеялась. Лукаво, жеманно (их тренируют там, что ли,

в ткацких кварталах?) — а все-таки приятный у нее смех.

— Может быть, я и покажу тебе, — сказала она таинственно. — Если у меня будет настроение. Это, кстати, от тебя зависит.

Мяур предпочел не вестись на невнятные намеки, не такой он дурак. Так дешево пусть они залемнинских покупают. Девчонка все ждала положенного ей вопроса (кстати, она даже не поинтересовалась маркой его фасилитатора — что и к лучшему, потому что это была низкоуровневая штука, почти что простая деревяшка). Мяур краем глаза заметил, что она попробовала было надуть губки, но тут же раздумала и сама спросила:

— А у тебя есть девушка?

— Тебе-то что? — Мяур удивился ее стремительности. Они даже по именам друг другу еще не представились. Хотя... эти йоханкинские — небось от них еще не того можно ждать. Ребята говорят, что им сильно не хватает парней, будто бы они их даже для своих прямо вот тех самых утех похищают, и...

— Вижу, что нет, — опять она пустила кошачью интонацию. — А о чем ты думаешь?

— По-моему, ты сама с собой прекрасно разговариваешь, — сказал Мяур, поднимаясь со скамейки. — Я для этого тебе не нужен.

— Подожди, — позвала она, потягиваясь и как-то выгибаясь развязно, Фьолик сказал бы — вульгарно, но все ж таки завлекательно, этого у йоханкинских не отнимешь. Сразу бьют ниже пояса. — Ты что, обиделся?

— Нет, — сказал Мяур, — и в последний раз спрошу — тебе-то какая разница? Ты меня никак путаешь с кем-то? Так я тебя в первый раз вижу, и мне, извини, плевать, от чего и в какую сторону у тебя меняется настроение. Если бы я про каждого встречного думал, как у него там с настроением, у меня бы мозг перегрелся.

Девчонка явно не поняла, что он ей сказал и как это вышло, что он не хочет с ней поиграть в ее йоханкинскую игру. Она-то в нее с ним уже играла, а он постоянно пропускал свой ход.

— Я же не каждый встречный, — сказала она. — А ты смотри какой оказался обидчивый. Ладно, не буду тебя мучить. Покажу тебе свой фасилитатор.

Прежде, чем он успел на это что-то ответить, она стала быстрыми движениями растегивать пуговицы и сбрасывать с себя одежду. В горле у Мяура пересохло, сердце заколотилось, как будто просило от-

крыть ему дверь.

— Ты что, совсем ку-ку? — хрипло проговорил он.

— А ты думал? — засмеялась она. — Мой фасилитатор — это я!

Волна желания уже захлестывала Мяура с головой, тащила его мордой вниз с неодолимой тупой силой, но он успел отметить, что, однако же, на нее почему-то не сыплются яблоки. Целовалась она яростно, ненасытно, как сестры его друга Фьолика — то младшая, то старшая — в его снах. Каким-то образом она поняла, что он вспоминает их, и тут же доказала ему, что она круче обеих — сиськи у нее больше, губы мягче (хотя — он же не целовал их в губы? все равно, он уже ей поверил); может, она к тому же умеет..? Но проверить это он не успел. Перед скамейкой, на которой девчонка с ним упражнялась, как из-под земли выросли Ниола и Мукт. Мукт был страшно бледен, из-под полузакрытых век виднелись белки его глаз, покрытые красной сеткой сосудов. Мукт болен! Как он мог забыть?

Девчонка взвизгнула — конечно, их застали за таким делом! — но почему-то и не подумала прикрываться. Она сделала такое резкое хищное движение, как будто хотела прыгнуть на Ниолу и вцепиться ей в глаза. Но Ниола сунула ей в лицо что-то непонятное, оно светилось и быстро вращалось — и девчонка отпрянула в сторону. Тут же она сгруппировалась снова и прыгнула на Мукта. Мяур успел ее перехватить. Ее соски ткнулись ему в руку — Мяур отвлекся — и когда он взглянул на Мукта, тот качался, как маятник, и его глаза вытекали ручьями по щекам, как это уже случилось с профессором Майли на стоянке возле потухшего костра. Мяур отчаянно закричал, закрыв лицо руками — девчонка уже куда-то выпала. Она позвала его с собой, но Мяур не хотел ее знать — он звал Мукта и плакал.

Юши выпил молока — странный у него был привкус — и вернулся к тренировке с рапирой. Обывателю не известно, что профессия библиотекаря — орденская профессия. Еще семьдесят лет назад это и был орден, впрочем, уже тогда лишь тайно практиковавший боевые искусства. А в свое время библиотекарь, желавший заполучить книгу для своей библиотеки (принадлежавшей монастырю или городу), мог либо выкупить ее снаружи, из внешней жизни, либо взять с бою у другого

библиотекаря. Исход поединка решал судьбу книги.

Ритуал обязывал Юши владеть более или менее всяким колюще-режущим оружием с лезвием длиннее, чем у маникюрных ножниц. Стрелять и пользоваться лучевиками было не обязательно, но Юши, как настоящая библиотечная крыса, умел и это. Всякий раз, пропуская день тренировки, он чувствовал себя неуютно. Сейчас, как ему казалось, он изрядно вышел из формы; стало быть, нужно наверстать. Он встал в позицию. Внезапно дверь открылась и вошла — Шю? Нет, не она — незнакомая библиотекаряша. На ней почему-то была мужская библиотечная форма — таких женских коллег Юши недолюбливал. Они к тому же обычно говорили о себе в мужском роде: "я пошел" "я выбил десятку" — что им дает эта путаница? Но очертания фигуры ее были весьма далекие от мужских, и еще под мышкой она держала соблазнительного вида фолиант, обернутый в черную клеенчатую обложку. Маниеры у нее, конечно, были странные. Даже не заметив, что она помешала коллеге в такой интимный момент, библиотекаряша подмигнула ему, повела плечами (точно, сумасшедшая — ну не действуют так посвященные в тайны ордена!), вынула из-под мышки книжку и, прижав ее к объемной груди, и без того стесняемой мужского покроя жилетом, волнуящим жестом слегка сдвинула клеенчатую обложку. Юши прочел название: "Агвиана, комментарии к седьмой части. Зло как частично отрефлексированный выбор псевдосубъекта, совершаемый в целях оптимизации локального успеха, основанный на мотивированном мышлении и неустранимом недостатке информированности." И рядом — гриф высшей доступной в библиотеках секретности! Проставленный самым нелепым образом прямо под золотым тиснением заглавия. Кто же допустил такое? Как бы то ни было, библиотекаряша сразу высоко поднялась в его глазах — у нее есть такая книга! Может быть, если попросить очень вежливо, она разрешит взглянуть?

— Коллега... — начал он...

— Коллега? — она хихикнула. — Ну? Что ты мне хочешь сказать?

Юши растерялся. Если б так с ним заговорили на танцах, куда он вообще-то захаживал, и у него была бы свободная пара часов — он бы, пожалуй, знал, что делать. Да, это определенно тот самый тон, который используют девушки с городских окраин Агви весть каких профессий и рангов, когда они ждут комплимента и непристойного предложения. Не то чтобы стены орденских помещений никогда не слыша-

ли непристойного предложения, все бывает — но здесь об этом говорят иначе.

— Ну, что молчишь? — спросила незнакомая библиотекариша. — Слов не находишь?

— Пожалуй, — ответил Юши.

— Скажи честно, я тебе нравлюсь? — уверенно и даже как будто властно спросила она. А вдруг это посторонняя женщина проникла вглубь библиотеки? Что она успела увидеть? Неужели придется ее убивать? Юши в ужасе посмотрел вокруг себя: комната для тренировок, оружие... Надо решать. Чтобы протянуть время, он сказал:

— Ваша книга...

Она поморщилась. Кажется, ей хотелось, чтобы он говорил с ней не о книге, а о ней самой. Кому из библиотекари такое пришло бы в голову, если б у них на руках был комментарий к седьмой Агвиане?

— Ах да — это одна из моих любимых книг, коллега, — насмешливо и как будто слегка оскорбленно сказала она. — Хотя вообще-то у меня много других таких же. Есть и восьмая часть, и девятая...

И вот тут Юши потерял голову. Никто из известных ему мастеров ордена не знал, существует ли девятая часть Агвианы — не говоря уже о комментариях. Есть следы ее в других источниках, есть хорошие аргументы в пользу того, что девятая часть должна была существовать. На этот счет написаны диссертации...

— Вы говорите поразительные вещи, — тихо произнес он. — Очень прошу вас, пожалуйста... покажите мне эти книги!

— А ты уже готов из-за них подраться со мной этой острой железной штукой? — спросила она. Брови Юши полезли на лоб.

— Коллега, — удивленно сказал он, — вы, должно быть, шутите. Я рассматриваю возможность попросить другую женскую коллегу, лириту Шиу, вступить с вами в поединок и попытаться честно выиграть ваши сокровища. Но сам я — разве мне могло бы это прийти в голову? Вы же знаете, что это, во-первых, неприлично, во-вторых, запрещено.

— Кто такая лирита Шиу? — грозно сверкнув глазами, спросила незнакомая библиотекариша.

Что означал этот вопрос? Даже если она ее не знает, Юши ведь сказал все, что тут можно сказать: коллега, лирита Шиу. И главное, как все-таки подбратиться к девятой, о! девятой части...

— Ладно, — сказала она. — Вот что. Если хочешь мои книги — давай ты сам дерись со мной. Я объявляю поединок!

Мерой того, насколько Юши был все-таки сбит толку, может послужить то что он согласился.

Через десять минут пот уже промочил три слоя тренировочного белья Юши, но его движения оставались точными, от Лицевой Стойки до Стойки Высокой Железной Двери он проходил через четыре позиции, как в учебном боевом танце. Упор на левую ногу, выпад, упор на правую, ноги широко расставлены... Что же до его противника — стиль фехтования у незнакомой лирита был чрезвычайно странным. Например, за все это время она не сделала ни одного выпада. Юши заметил, что она выбрала не настоящую рапиру, а узкий рубящий и колющий меч с плоским лезвием, и пару-другую рубящих ударов попробовала нанести, а только что даже попыталась сделать монтанту (чего он бы ни за что не стал практиковать с таким узким мечом, во всяком случае, с таким балансом). Но в основном она махала этим мечом, причем очень быстро, как будто у нее было десять рук. Именно так она отражала его выпады, одновременно уклоняясь. Тем не менее, Юши готов был поклясться, что уже не раз успел ее уколоть, и клинок при этом не встречал сопротивления скрытой кольчуги. но на ее библиотечкарской форме мужского образца не проявлялось никаких следов. Он стал уже предполагать наличие у нее какого-нибудь банального артефакта, псевдогироскопа или оптической эмульсии на одежде, Чтобы проверить это, он принял позицию входящей стойки, готовя пунту, как вдруг она резко отступила назад, отбросила меч и принялась картинно медленно опускаться на пол. Юши отложил рапиру, сделал к ней шаг, спросил:

— Вам дурно, лирита? Вы ранены?

— Ну давай, — сказала она грудным голосом, — добей же меня своим оружием, — и сложным образом изогнулась, выставив бюст и плечо.

— У меня не было таких планов, лирита, и вам должно быть известно, что это не делается. Если вы ранены, позвольте, я вызову Шиу, и мы вдвоем отнесем вас к дежурным магам.

— Нет! — воскликнула она. — Не смей звать эту свою... коллегу, — и в последнее слово она вложила столько презрения, сколько оно едва ли смогло бы вместить.

— Если так, — вежливо наклонил голову Юши, — мне бы хотелось узнать, считаете ли вы поединок завершенным, и могу ли я...

— Ты можешь, — она улыбнулась, — я тебе разрешаю. Доставай свое

оружие!

Юши ничего не понял. Тогда она посмотрела ему в глаза, а потом на промежность. Юши тоже посмотрел на свою промежность. Кстати или некстати, вспомнился ему рассказ Шу, которая любила опасные игрушки и дикие эксперименты. На вечеринке в храмовых подвалах коллегу угостили ритуальным веществом даодем, строго запрещенным к употреблению в обычной жизни. После этого она и другие гости поднялись на крышу и управляли домами: велели им расти, падать, качаться, становиться прозрачными — и дома выполняли все их приказы. Лакей поднялся к ним и принес им поднос, кажется, с фруктами. У всех это вызвало чрезвычайное недоумение, одна смешливая девочка через полсекунды уже стонала от хохота и в конце концов скатилась с крыши (ей повезло упасть на балкон, где она поспала пару часов и после была как новенькая). Еда? Жевать? Ртом? Какая нелепость. Теперь он понял, какое ощущение коллега силилась ему передать тем рассказом — настолько странным и (как бы не обидеть страстную лириту) уморительно смешным представилось ему то, чем ему предлагалось заняться сразу после орденского поединка. Хотя определенная, ассоциативного толка, логика в этом предложении, вероятно, должна была просматриваться.

Лирита тем временем стала подниматься с пола, хватая его за ноги (она была так слаба, что ей требовалась опора). Она еще раз внимательно посмотрела ему в глаза, и вдруг лицо ее исказилось от бешенства:

— Ты опять ее вспоминаешь! Ты думаешь о ней! Она — неказистая фальшивка, ученая собачка! Как ты можешь думать о ней, когда здесь есть я?

— Лирита, прошу вас, — сказал он, теряя терпение, — давайте вернемся к результату поединка. Если вы позволите, книга...

— Ах, книга! А вот что я... — лирита резко отпрыгнула в сторону из положения стоя на коленях, схватила книгу, стараясь вырвать из нее сразу целую стопку листов. Юши взревел, бросился к ней, затеялась возня, у лириты невзначай обнажилась грудь... Юши перегнулся через нее, подхватил комментарии к Агвиане, седьмой части, и — был вышвырнут из реальности.

Он лежал лицом вниз на влажной земле и держал в обеих руках стоп-

ку сухих листьев бумажного дерева. Уже рассвело, и при свете дня он внимательно изучил эти листья, прежде чем отложить их со вздохом — увы, это был морок. Что ж, по крайней мере настоящая книжка не пострадала. Он огляделся. Вакс сидел мрачный, обхватив голову руками — Юши знал, что он мысленно ищет выход из положения, которое сам же считает безвыходным. Гараччи стоял на коленях, отвернувшись. Его рвало. Рейко лежал на земле, заведя руки под голову и скрестив их замочком. Он смотрел вверх. Ниола плакала, склонившись над Муктом, совершенно неподвижным. Ее утешал Мяур.

Гараччи покончил с опорожнением желудка, накрыл свое произведение листьями и травой, вытер лицо мокрым листом. И поинтересовался:

— Ну как они вам? Бойкие девочки?

— Тебе-то они здорово по душе пришлись, — съязвил Рейко. — Это видно.

— Так это я сам под конец лоханулся, — махнул рукой Гараччи. — Уж мы покувыркались с ней, раз хорошо, другой лучше, и она меня спросила — ну чего, мол, ты теперь хочешь? А я возьми да брякни — ты, дескать, мощный коммуникант, вот и покажи мне, как оно вышло у вас с доктором Майли.

— Ну и? — подбодрил его Юши.

— И она показала, — Гараччи охнул и прикрыл рот рукой. Но тут же пришел в себя и продолжил, — а так-то мы повозились славно.

— Что же ты к ней с такими вопросами? — странно усмехнувшись, упрекнул его Рейко.

— Ну, я подумал, надо же нам узнать, — неопределенно отвечал Гараччи.

— А ты сам как, хорошо провел время?

Рейко, помолчав, ответил:

— Несколько лучше, чем профессор Майли.

Вакс поднял голову.

— Аччи!

— Да? — Гараччи обернулся к нему с самым безмятежным видом.

— Вот что. Я понял, что Ниола права. Может, шанс с огневичками у нас и мизерный, но другого не прощупывается. Если сидеть и ждать дальше, Мукт не доживет до следующего дня.

— Ну... — сказал Гараччи, — права так права. Ниола вообще нормально соображает. Только при чем тут я?

— Второй контакт со стихией — вроде как судьбоносное решение, — сухо заметил Вакс, — а ты лидер группы.

— А, это, — сказал Гараччи. — Да. Ну что, давайте, кто что думает? Мяур, ты за или против? — бог ведь почему, лидер группы решил начать с Мяура.

— Хуже не будет, — Мяур говорил взвешенно, как взрослый. — Пока жив Мукт, надо трепыхаться.

— Понял тебя, — кивнул Гараччи. — Юши?

— Все еще не знаю, — развел руками Юши. — Какие-то они неукротимо конкурентные, твои бойкие девочки.

— Ну а куда им деваться, ресурса-то на всех не хватает, — Гараччи пожал плечами.

— Это я понимаю. Но ведь как только они увидят, что мы все “предпочли им огневичек”, так разозлятся, что все предыдущее нам покажется танцами бабочек на лугу. — Юши взял с земли лист бумажного дерева и стал его рассматривать.

— Не лишено резона, — сказал Гараччи. — Рейко?

— Мне все равно, — ответил Рейко. — Хотя... нет, наверное, я за. Я уже объяснился им в любви — каждой из русалок, и каждой сказал, что она лучше всех и у нее все самое красивое. Но мне бесконечно обидно за доктора Майли.

— Ну, Вакс, Ниола, Мяур, Рейко за — большинством голосов, стало быть, идем на поклон к огневичкам. Если, конечно, это у нас получится.

— Аччи, — Ниола подняла на него красные, заплаканные глаза, но голос ее звучал ровно, — ты не сказал, как ты к этому относишься. Что ты выбираешь.

— А зачем? — легкомысленно спросил Гараччи.

— Затем, — терпеливо повторил Вакс, — что ты лидер группы.

— Тьфу ты, — сказал Гараччи. — Ну что я — я всегда за контакт. Чем больше девчонок, тем веселее.

— Профессор Майли, я так понимаю, это особенно глубоко прочувствовал? — уточнил безжалостный Юши.

— Знаешь, я бы на его месте не успел определиться, — доверительно сказал ему Гараччи. — Там как-то так раз-раз, быстро все разрешилось.

Рейко, запрокинув голову, смотрел на круглый кусок неба, не закрытый туманом.

Без участия Мукта и без возможности разжечь костер ритуал затянулся. После полутора часов бесплодных попыток Вакс некстати вспомнил, что хотел разобраться с фигурой Пастуха. Он стал расспрашивать сердитую, метавшуюся от надежды к отчаянию Ниолу — причем, Юши тут

же присоединился к нему. Последнего больше всего интересовало, для чего Пастуху отвечать на вопросы. Ниола объяснила, что, теологически говоря, совокупность ритуалов, которая ведет к возникновению нового бога, только в ее части, связанной с верой, апеллирует к сути божественного. В остальном это на львиную долю магический контракт. (Гараччи на этом месте сплюнул, проворчал, что даже инструкция по технике безопасности так людям голову не морочит, взял веточку и стал рисовать на земле голую русалку с ногами. Он сам видел, как у них хвост превращается в ноги, как только коснется дна.) Так вот существует, например, версия, что Пастух был вызван к жизни заповом, стихийно трансформировавшимся в заклинание, в котором упоминалось, что бог дает ответы на все вопросы, ну или что-нибудь в этом роде. Про Пастуха известно, что там, где его видят во плоти, он половину времени ловит случайных прохожих и маниакально отвечает им на вопросы. “Так я мог бы спрашивать и спрашивать!” — принялся сокрушаться Юши, и больше уже ни о чем не спрашивал. А Вакс сказал:

— Вот еще почему-то Пастух назвал Рейко пророком. Рейко, почему?

— Что почему? — огрызнулся чем-то недовольный Рейко, — Тебе надо было, чтоб он меня гнойным ветеринаром назвал?

— Я вот зачем об этом заговорил, — мирно уточнил Вакс, — слово пророка ведь имеет статус реальности. То есть, если ты скажешь в рифму про костер, это будет все равно, как если б у нас он горел. Может помочь с ритуалом.

— Если бы это было так, — сказал Юши, имевший абсолютную память на обороты речи, — четырехмерные кластеры уже с неделю ходили бы с накрашенными губами. Помнишь, там, в "домике"?

— Ну а почем ты знаешь, может, они и ходят? — пожал плечами Вакс.

— Рейко, а? Ты подумай, ну правда же, попробовать стоит.

Рейко беспомощно оглянулся на Ниолу, как бы ища поддержки. Пока шли разговоры про Пастуха, Ниола успела с помощью Мяура поменять Мукту белье и верхнюю одежду, сварить рыбный бульон с какой-то особенной травой и вроде бы даже влить в больного несколько чайных ложек. Теперь в соответствии с установившимся графиком Рейко должен был ее сменить и заниматься Муктом вплотную.

— Рейко, братец, — неожиданно ласково сказала Ниола, поймав его взгляд, — понимаешь, мы тут все цепляемся за воображаемую соломинку в темной комнате. И даже хармотехнолог не может заставить ее существовать, сделать ее настоящей. А у тебя такая способность есть. Ты попробуй, а

мы с Мяуром за тебя подежурим.

— Да не так это работает! — тоскливо сказал Рейко. — Она сначала есть, а потом я про нее говорю!

— В причинно-следственном смысле, может, и так, — снова вмешался Юши, теперь уже на стороне Вакса и Ниолы. — А в хронологическом точно нет. У пророков всегда тяжелая путаница с хронологией.

— Если это так, — продолжал защищаться Рейко, — то никакого проку от моего говорения не будет. Если б он был, это была бы причинно-следственная связь.

— А насчет того, есть она или нет, мнения экспертов расходятся, — безмятежно парировал Юши.

— Да чего ты так упираешься, — вдруг не на шутку разозлился Мяур. — Ну не получится так не получится, кому от этого хуже? А Мукт слабеет, ты сам сказал — счет уже идет на часы.

— Я упираюсь, потому что у меня нет контроля над тем, что из меня лезет, — медленно проговорил Рейко. — И сейчас такое чувство, что вылезет что-то, чего мне вслух произносить не хочется. А если там правда есть причинно-следственная связь...

— Подумаешь, — сказал Гараччи. — Ну, вылезет, допустим, что мы все вот-вот помрем. Так ничего другого по большому счету и не ожидается.

— Если люди летят в пропасть, и среди них есть пророк, который предсказывает, что они разобьются, я бы не стал его винить, когда сбудется пророчество, — кивком подтвердил Вакс. — Я бы подумал, что главная заслуга тут принадлежит гравитации.

Рейко уперся взглядом в ботинки, вздохнул и начал бормотать разное. Обрывки чего-то эпического, вероятно, цикла баллад перемежались с малопристойным частушками, на глазах зарождались поэтические формы, тут же переходя в запев непонятного, но заведомо потустороннего содержания. Доведя запев до гортанной ноты, словно бы пропадающей в пропасти между мирами, он переменялся в лице и сообщил с деловой интонацией:

*Если левая нога
Не влезает в сапога,
Плакать рано: может статься,
Влезет правая нога.*

После этого он замолчал и какое-то время не отзывался на внешние раз-

дражители. Было решено, что в пророческий транс он впал с самого начала, но, видимо, что-то пошло не так.

Ниола, которой выпало лишнее дежурство, получается. просто так за здорово живешь, чувствовала усталость и раздражение. Она встала, чтобы перелить к себе в ковш воды, споткнулась о резиновые сапоги Мяура, и вдруг ее осенило:

— Нам нужно что-то поменять в ритуале! Начать его заново, но что ли с другого места — ноги в сапогах, по-моему, были про это.

— Если уж на то пошло, так просто костер надо развести в другом месте,

— Мяур поднял самодельное огниво, сконструированное Ваксом из внутренностей второго ретротермита, какой-то проволоки, тряпки и масла.

— Хотя куда тут все это передвинешь?..

— Полдень, — сказал Вакс.

Все, кто не лежал при смерти, подняли головы, даже Рейко. Туман рассеивался. Дальше все произошло очень быстро: счет шел на секунды. Сухие дрова в окрестностях нашлись в виде сухостойной покосившейся коряги, вокруг нового места для костра Мяур оттапывал восьмерку и руну света, перед насекомыми извинились, у растений попросили прощения; Рейко, хотя в этот раз никто не понукал его, сам запел, качаясь:

*Из имен пустоты, между бездной и яростной бездной
Выкликаю четыре, приказывая и моля,
Неба нет для меня и луна для меня бесполезна,
Обнаженную, злую, прижму тебя к сердцу, земля.*

*Здесь нет времени, эта секунда застыла, как вечность,
Эта странная вечность короче, чем слово “всегда”,
Не работает врач — кто меня от разлуки излечит?
Мне нельзя без тебя, я с тобой неразлучен, вода.*

*Воздух, воздух, товарищ, настрой мне сердечные струны,
Оборви, что прогнило, бубни просто так, ни о чем,
От аккорда к аккорду, от медных частот до латунных,
Я шагну в никуда, и тогда ты подставишь плечо,*

*И голодные звери на зов человеческой крови
Друг за другом выходят — царь-лев, саламандра, дракон,
Те, чье логово — ночь, образ зыбок, а контур неровен,*

Те, чей красный язык — твое имя и тело, огонь.

Костер горел. Ниола стояла перед ним на коленях и упрашивала огневичку явиться, называя ее сестрой, обещая что-то, всхлипывая и пачкаясь сажей. Гараччи сидел на земле и отсутствующим взглядом смотрел в огонь. Юши помогал М्याуру поддерживать Мукта: почему-то они решили, что его нужно приподнять и повернуть лицом к костру. Языки пламени плясали. Огневичка не появлялась. Времени было в обрез. Вакс тоже стал звать огневичку: он был растерян, не знал, что ей сказать и не знал даже, должен ли он встать на колени, хотя почему-то ему казалось, что это не обязательно. К нему присоединился очнувшийся Рейко. Он, впрочем, сразу стал нести чепуху:

— Дух огня, прими свой прекрасный образ! Снизойди до твоих почитателей. Поговори с нами.

Тем не менее, на его призывы огонь откликнулся. Пламя поднялось, разбросало вокруг себя искры, стало как будто перестраивать свою структуру и, составленный из язычков огня, опираясь на огненную трость, посреди костра встал профессор Майли. Он взглянул на ошарашенного, покрытого холодным потом Рейко и засмеялся:

— Что, студент? По душе ли тебе мой прекрасный образ? — а так как Рейко молчал, огненный профессор, отсмеявшись, добавил, — Говорил я тебе, болвану, духов огня не бывает. Элементали в чистом виде не могут быть проявлены.

— Виноват, профессор, — только и смог выговорить Рейко.

— Ну а ты, девочка? — насмешливо обратился Майли к Ниоле, поднимая к глазам и начиная разглядывать свою трость, — Чего ради ты тут стоишь коленопреклоненная? Я тебе что, "дух воды"? Они-то да, это любят... — задумчиво добавил профессор, кивнув в сторону озера.

— Сестра... — быстро поднявшись с колен, начала Ниола...

— Профессор, — сказала огневичка. — Профессор Майли. — Тут она оглядела себя и заметила, что уже утратила профессорские формы, а также трость. Подняла было руки, чтобы вернуть образ, тут же передумала и махнула рукой, — Ну, пускай сестра. Звала зачем?

— Отпусти Мукта, сестра, — быстро выговорила Ниола, бросая взгляд вокруг себя. Туман подступал снова. — Он хочет стать огнем.

— Похвальное желание, — как будто удивилась огневичка. — А что, вы, люди, сами это умеете? — и она с любопытством посмотрела на Мукта.

— Мы, люди, — сказал Вакс, — от этого умираем.

— Ладно, — сказала огневичка, секунду поразмыслив, — разбираться еще с вами. — Она легко перепрыгнула огненный круг (а Ниола читала, что духи огня заперты в кругу из языков своего пламени!), наклонилась над Муктом и поцеловала его в губы. Мукт улыбнулся, не открывая глаз, и прошептал: "Вейя..."

— Теперь ты... возьмешь его с собой? — спросила Ниола, вспомнив, как действуют русалки.

— Теперь я его отпускаю, — сказала огневичка. — Он свободен. Как и был свободен, между прочим: его никто не держал. Ну, а теперь он и сам себя не держит. Возись с вами, как с маленькими, — ворчливо добавила она и понемногу начала распадаться на язычки огня.

— Постой, сестра! — позвал Юши.

Огневичка с изумлением обернулась, оглядела его с ног до головы, потом спросила у Ниолы:

— Это что, твой родственник?

— Мы здесь все сроднились друг с другом, — улыбнулась Ниола. — Спасибо тебе за Мукта. А это — Юши, и он хотел спросить, не знаешь ли ты, как нам отсюда выбраться. Русалки нас держат здесь, как в капкане...

Огневичка быстро осмотрелась, оценила обстановку:

— Это между вами и лолами, лорелейками. Я им не сторож.

— Но мы думали, — сказала Ниола, — может быть, ты сможешь нам помочь?

— Ну нет, — усмехнулась огневичка, — с лолами мне делить нечего. Когда они охотятся, мы не препятствуем. Если вы их добыча, то и ведите себя соответственно: влюбились, побулькали и на дно. Нам-то какой в том интерес.

— А у нас такая штука есть, — весело сказал Гараччи, указывая на артефакт, — так что мы защищаемся. Нам неохота побулькать и на дно.

— А, звездный диск, — кивнула огневичка. — Для них это как бы двусторонний крючок.

— А для вас что? — Гараччи хитро прищурился.

— Ты что, глухой? — удивилась огневичка. — Звездный диск, говорю.

— А вот это? — Гараччи указал на спиральный рукав.

— Это, — сказала огневичка, — волна плотности.

Вакс внимательно посмотрел на нее.

— Ладно, — огневичка снова махнула рукой, — я в ваши разборки не мешаюсь, но утешить могу бесплатно: кое-кто уже собрался вас отсюда вывести. Не будьте дураками, соглашайтесь и, главное, разумно отвечай-

те на вопрос, кто здесь самая красивая.

— Вейя, — снова улыбнулся Мукт и облизнул сухие губы, — Вейя, ты.

— Вот как раз это, — сказала огневичка, — был ответ неразумный, попавший летальной формой идиотизма. — Ничего больше не объяснив, она снова принялась распадаться на отдельные элементы пламени.

— Постой! — крикнул ей вслед Рейко. — Вейя — это твое имя? Как тебя звать?

— Майли, — раздраженно отозвалось уже почти бесформенное пламя, — профессор Майли.

Стена тумана плотно обступила их уже на новом месте. Костер горел, как обычный костер. Ниола опустилась на землю, рухнула лицом вниз и разрыдалась. Мяур против обыкновения, которое завелось у него в последние дни, не стал ее утешать: просто сел рядом, имея на лице улыбку до ушей и вообще глупый счастливый вид. Мукт поискал что-то глазами, Рейко поднес ему ко рту кружку некипяченой воды, Мукт выпил ее в несколько глотков и положил голову на свернутый свитер. Он заснул, и сон его казался здоровым.

— Что теперь? — спросил Юши, когда Ниола более или менее успокоилась.

— Поглядим, — сказал Вакс. — Вроде бы нам обещали близкую подмогу.

— Жрать нечего, — сказал Рейко. — Мяур пропустил свою минутку рыбной ловли.

— Ничего, — сказал Мяур, — тут немного осталось, Мукту до завтра хватит. И у нас костер есть. Все могут стирать свою одежду, если, конечно, завтра принесем достаточно воды, и сушить — то есть, все это теперь не только для Мукта. А Мукт...

— Не буди его, — остановила Мяура Ниола, потому что Мукт, слыша свое имя, заворочался. — Но ты прав, теперь нам всем будет гораздо легче.

— Только вот интересно, — заметил Гараччи, — как мы переживем следующую ночь? Есть у меня забавное чувство...

— У меня тоже, — кивнул Юши. — В этот раз мы так легко не отделаемся. Говорю — не простят они нам огневичку. Все-таки жуткие существа. И кто, интересно, находит их привлекательными?

— Я, — сказал Гараччи.

— Ну, я, — сказал Мяур.

— Я, — сказал Рейко.

— Я, — сказал Вакс.

— Да вы что?! — поразился Юши. — Нет, Аччи-то, ясное дело... Вакс! Ты тоже? Если бы это были, к примеру, обыкновенные девушки, ты стал бы..?

— Нет, — подумав, ответил Вакс, — так бы я не сказал. Слишком настырно и бестолково копаются в чужой памяти. Пытаются вытеснить или хотя бы заслонить собой то, чего вовсе не понимают. Было бы мало радости.

— Не, с количеством радости у них как раз нормально, — не согласился Гараччи.

— Ну, пускай с качеством, — Вакс пожал плечами. — С качеством жизни, вообще.

— И с ее продолжительностью, — хихикнул Гараччи.

— Ну и почему тогда ты счел их привлекательными? — спросил Юши.

— Сам говоришь — не стал бы.

— Если я скажу, что банданьоны на городской клумбе приятно пахнут, ты из этого сделаешь вывод, что я намерен их сорвать и сожрать? — уточнил Вакс.

— Я бы сожрал, — вздохнул Рейко.

— Огневички, и те лучше, — не успокаивался Юши.

— Почему огневички лучше? — раздался звонкий голос, неуверенно выговаривающий слова. Почти по слогам. Из тумана вышла девочка-подросток. То есть, сложена она была, как взрослая девушка, но глаза ее были распахнуты, как у девочки или куклы, и выражение лица совсем детское. На ней был обтягивающий резиновый "нравственный" купальник — то есть, с закрытыми руками и с шортами почти до колен.

Ниола спросила весело:

— Откуда ты, прелестное дитя?

Девочка недобро посмотрела на нее, но все же ответила:

— Я из озера. И я хочу вам помочь.

Ниола выпрямилась и положила руку на диск артефакта. Глядя прямо в глаза девочке, она спросила:

— А почему ты хочешь нам помочь?

— Мне понравился — он, — она ткнула пальцем в спящего Мукта. — Это любовь. Я не хочу, чтобы он умер.

— А если ты заберешь его в озеро, — спокойно и внятно проговорила Ниола, — то он умрет.

— Я узнала это, — кивнула девочка. — И я — отделилась. Теперь у меня постоянные ноги, а хвост нет, — с огорчением сказала она. — я отдала

хвост за человеческий говор, речь.

— Ну да, — радостно воскликнул Гараччи, — они же мощнейшие коммуниканты! Даже если кажется, что они поют или говорят или там стонут

— это все у нас в головах. А ты можешь говорить без слов, как раньше?

— спросил он русалку.

— Могу. Но не со всеми пока. Не когда есть все, — попыталась объяснить девочка. — Я еще не сильная. Вас много.

— А кому ты отдала хвост? — продолжала допрос Ниола, и не думая снимать руку с диска.

— Тебе нельзя знать, — сказала девочка, — ты умрешь.

— А тебя это огорчило бы? — серьезно спросила Ниола.

— Нет, — подумав, ответила девочка. — Раньше я была рада, когда ты умрешь. Хотела убить, как все. Сейчас я узнала, что он, — она ткнула рукой в Мукта, — так не хочет. И я решила тоже, как он. Это любовь.

Ниола прищурившись глядела на девочку.

— Вы должны пустить меня к нему, — сказала девочка. — Тогда у него будут силы. Я умею так. И потом я вас поведу.

— Прочь от озера? — спросила Ниола.

— Да. Сначала по берегу, потом прочь.

— Как же ты собираешься увести нас от воды? Ведь ты можешь погибнуть? — Ниола сжала диск.

— Я могу погибнуть, как ты, — терпеливо объяснила девочка. — Ты бесхвостная. У тебя ноги. Я тоже отдала хвост. Хвост лучше, — добавила она, оглядывая свои ноги, — сильнее бьет.

— Как тебя зовут? — спросила Ниола.

— Я лола, — ответила девочка.

— Хорошо, Лола. Тебя не огорчит, если я попрошу тебя подождать? Нам нужно посоветоваться, всем вместе обсудить твоё предложение.

— Меня огорчит, — ответила девочка. — Вам надо пустить меня к нему. Ниола беспомощно оглянулась.

— Нам советовали принять предложение, — напомнил Вакс.

— Да? А вдруг она его утащит? Может, у них развито намеренное туннелирование? — возмутился Мяур. — Или — он же слабый — просто убьет?

— Да пусть Ниола перевесит на Мукта артефакт, вот и все. Временно, конечно, ну, это... до выяснения обстоятельств, — добавил Гараччи.

— Ты можешь надеть на него крючок, — кивнула девочка, — мне не мешает. Когда я была хвостная, не могла быть близко к крючку. Не как сейчас.

— Я бы не стал, — сказал Вакс. — Девочка может помочь Мукту, но защищать Ниолу от товаров она не подписывалась.

— Лол много, — подтвердила девочка, — лолы сильные. Я не попробую с ними драться. Нет хвоста.

— Ладно, Лола, мы поняли, — вздохнула Ниола. — Мы тебя принимаем. Больше не говори про хвост. Теперь ты одна из нас, и драться тебе больше не понадобится.

— А с тобой? — удивилась Лола. — Есть же ноги.

— Взрослые девушки не дерутся, — сказала Ниола.

— Почему? — Лола смотрела на нее во все глаза.

Ниола снова обернулась к костру за поддержкой. Никто не мог или не хотел ей помочь. Мукт спал, а остальные хихикали, даже Вакс.

— Потому, — сказала Ниола, разозлившись на товарищью, — что у них много мужчин. Хватает на всех, вот и драться незачем.

— Не очень много, — оглядев лагерь, возразила Лола.

— Это не все, — объяснила Ниола, — есть еще.

— Я могу ждать, — решила Лола, — это любовь. — Она села рядом с Муктом и стала высоко закатывать шорты. — Теперь мне нравится ноги. Тебе нравится ноги? — спросила она Вакса.

— Чьи? — уточнил он.

— Мои ноги! — нахмурившись, сказала Лола. — Эти! — она ткнула пальцем себе в коленку.

— Да, — сказал Вакс. — Мне очень нравятся твои ноги.

— Лучше, чем у другой девушка? — она показала на Ниолу.

— Да, — без запинки ответил Вакс, — гораздо лучше.

Ниола только вздохнула. Мясур хотел было возразить — у Ниолы были ноги будьте-нае, да и вообще, вдруг ей обидно — но Юши из-за спины юной русалки показал ему кулак. Мясур вспомнил совет огневишки и сказал:

— Точно. Это самые лучшие ноги, которые я видел в жизни.

— Ты много видел ноги? — Лола расцвела, она улыбалась, и улыбка у нее неожиданно оказалась очень славной. Уже не такой неотразимо соблазнительной, как стандартная сверхтехнологичная русалочья мимика — просто милой.

— Я видел бесчисленное количество ног, — уверенно сказал ей Мясур.

— Я умею считать, — сообщила Лола. — Но пока мало. Я буду научиться. Потом спрошу у тебя, сколько ног. Мне надо знать точно.

— С этой минуты, — пообещал Мясур, — я начну их считать.

— Не думай много про другие ноги, — нахмурилась Лола. — Мне будет неприятно.

— Ни в коем случае, — покладисто сказал Мяур.

— Я буду знать, что ты думаешь, — пригрозила ему маленькая русалка.

— Я коммуникант. Мне легко.

— Эээ... — протянул Мяур, вдруг сообразив, что он влип: переборщил с галантностью.

— Разве тебе важно, о чьих ногах думает Мяур, если ты любишь Мукта? — пришла на помощь Ниола. — Ведь это любовь?

Лола задумалась. Потом, морща лоб, она сказала:

— Я иногда могу забывать. Мукт — самый главный. Это любовь. Важно, чтобы он считал только мои ноги. Мяур сказал: мои ноги самые лучшие в его жизни. Тогда он все равно будет думать про мои ноги. Можно не следить.

— Вот и славно, — улыбнулась Ниола.

— Мяур и Мукт будут немного из-за меня драться, — сообщила Лола. — Так нужно. Это жизнь. А ты, — обратилась она к Ваксу, — будешь из-за меня драться?

— Нет, — ответил Вакс. — Когда Мукт здоровый, он слишком сильный. Я боюсь, что он меня покалечит.

— Ты трусливый? — спросила Лола, подняв брови.

— Я очень трусливый, — подтвердил Вакс. — Лучше я буду страдать молча.

— Ладно, — милостиво разрешила девочка. — Ты будешь сильно страдать. Мяур не такой сильный, как Мукт. Ты будешь немного драться с Мяуром. Правда? — настойчиво спросила она.

— Посмотрим, — ответил Вакс.

— Я знаю, — торжественно воскликнула Лола, — что вот этот, он, — она показала на Рейко, — сейчас думает про мои ноги!

К удивлению Ниолы, Рейко смутился и покраснел. Вообще, весь этот бардак снова начинал ее настораживать. Лола выглядит забавной и подозрительно безобидной, но ведь и правда, долго ли мальчикам перессориться?

— Она завидует, — продолжала Лола, ткнув теперь пальцем в Ниолу. — Она думает так, что мне трудно. Надо завидовать: всем нравится ноги Лолы, а не мои! Не так сложно, как ты. Так я запутываюсь. Я не знаю, как мне искать мои ноги между твоих мыслей.

— Извини, — сказала Ниола. — Потрогай, пожалуйста, лоб Мукта и оце-

ни, нет ли у него жара. — Ниола хотела было это сделать сама, но вовремя сообразила, что девочка может отреагировать на это неадекватно. Русалка остается русалкой: она уже явно считает Мукта своей собственностью по русалочьему мутному, хищному озерному праву.

Лола улыбнулась:

— Хорошо, что ты меня просишь. — Она потрогала лоб Мукта. — Какой горячий лоб. Как у человека. А давай я потрогаю ему мускул любви? Он тоже горячий еще больше. Знаешь, что будет, когда ему понравится мои ноги?

— Постой! — закричала Ниола. — Лола! Дело в том, что...

Гараччи валялся на земле и стонал от хохота. Мукт открыл глаза. Увидел Лолу, моргнул и спросил ее:

— А где твой хвост?

15. Наргод выбирает смерть

Уктар и Гамеди играли в ежижки. Для этого каждому требовалась подушечка для иголок и острые вилки, заточенные под плод дерева арукту. Такие фрукты далеко не каждому были по карману, но точеные вилки в коробке для приборов держали все — пусть гости думают, что хозяин каждый день потребляет деликатесы. Гамеди подушечку для иголок взял бабушкину, самую обыкновенную — у нее было много, она их не считала. Уктар же поступил объяснимо, но неблагоприятно: украл нужное у старшей сестры. Та состояла в неформальном движении ДУМ, то есть, Дистанционно Управляемые Мертвецы, по вечерам красила лицо в абсолютно белый цвет — иногда, впрочем, в зеленоватый — рисовала на себе пятна крови и трупного разложения, надевала какую-то подходящую одежду и уходила на некротрипудии. Подушечка для иголок у нее была соответствующая, в виде большого глаза с бельмом, сделанного из клеенки и набитого обрезками красной ткани. С ней нужно было обращаться осторожно, а противник Уктара тыкал в нее острой вилкой. Уже ясно было, что глаз с бельмом вот-вот развалится, и тогда Гамеди берет победу “с потрохами”, а по очкам он победит в любом случае, потому что Уктар слишком обеспокоен защитой своего “лысого ежика”, чтобы нанести уколы “лысому ежику” противника в достаточном количестве. А что ждет Уктара дома, когда сестра-старшеклассница начнет собираться в школу — об этом и думать не хочется. Вопрос был толь-

ко в том, успеет ли глаз развалиться до начала урока. Болельщики из одноклассников вероломно переметнулись на сторону Гамеди, за исключением щупленькой черноволосой Аусы, которая, как все считали, была к Уктару равнодушна. Кроме нее, из девчонок вообще никто не болел. Им было не до этого: они собрались вокруг парты Лаисы и обсуждали последние дворовые новости.

— Ни один живой человек, кроме новенькой, не спасся, — рассказывала Филейла, — Джагги же не умеет в левитацию. А Илона улетела. Но с тех пор она сошла с ума.

— Как это? — спросила Лаиса.

— Вот так. Ее на улице видели. Она никого не узнает, пьет из луж и ходит в каком-то скафандре, — Филейла сделала страшные глаза, — ищет мертвецов!

— Я тоже слышала, — кивнула Деура, — ходит кругами, нюхает воздух и приговаривает: "Мертвецы, мертвецы, все вы мертвецы, да не те!"

— А зачем ей мертвецы? — поинтересовалась Лаиса.

— Ты что, не понимаешь?! — напустилась на нее Филейла. — Она ищет Джагги и беспризорника!

— Ты же сказала, что мертвецы их сожрали на ее глазах, — напомнила ей Маттиа, которая училась музыке и редко бывала во дворе.

— А я слышала, — снова вмешалась Деура, — что Джагги теперь сам восставший мертвец.

— А беспризорник? — Лаиса поправила локон.

— И беспризорник! И они, кстати, тоже ходят в скафандрах! — Деура воинственно посмотрела на Филейлу.

— А я думаю, что Илона на самом деле не спаслась, — робко сказала пухленькая Забина. — Она улетела, но ее же уже укусили. Сначала она была сама не своя, потому что в ней боролись жизнь и смерть. И смерть победила. — Забина осмелела и заключила уверенно, — Так что теперь все трое — мертвецы.

— Почему же, — громко спросила Лаиса, — они ходят в скафандрах?

— Потому что мы водолазы, — ответил ей Джагги, входя в класс. Следом за ним появилась Илона. Оба они были одеты в серо-черные бахотаны из простой ткани.

Оглушительный девчачий визг, оттененный несколькими басовыми нотами мальчишечьих возгласов, казалось, грозил разбить тонкое стекло карманных часов. Уктар и Гамеди вскочили и наставили на новопришедших острия вилок. Вероятно, и звонок "утюга" был заглушен общим

шумом, потому что, когда в класс вошел шир Годвель, это тоже стало для всех неожиданностью.

— В классе мятеж? Восстание? — поинтересовался он с порога.

— В классе мертвецы! — взвизгнула Филейла. Теперь она не сомневалась, что Илона тоже ходячий труп. Илона вон и одета так же, как Джагги, правда, почему-то без скафандра.

— Мертвецы пришли подучить Закон Божий? Вот пример истинного усердия к вере! — покачал головой шир Годвель. — Но где же они? Я их не вижу, — добавил он с сожалением.

— Наверное, это мы, — предположила Илона, изрядно оторопевшая от оказанного им приема: голос у нее немного дрожал.

— То есть, вы, барышня, и этот молодой человек, так надо понимать? — шир Годвель кивнул на Джагги. — Джагги Кабарус, если не ошибаюсь? — Я уже сам не уверен, — ответил Джагги. — Здесь, шир Годвель, про меня знают больше, чем я. — Он говорил несколько мрачно: особенно его задело то, что Кемалис тоже, как и другие, принял боевую стойку. Когда он шел сюда, ждал, что друзья увидят его и обрадуются...

— Ну так садитесь за парту, послушайте тех, кто информирован лучше вас, и составьте о себе мнение, — пожал плечами шир Годвель. — Наверное, лучше будет, если вы и новенькая — Илона, кажется? — посидите за одной партой, сзади в среднем ряду. — А теперь, — сказал он, обращаясь к классу, — проверим, как вы усвоили программу. Скоро конец учебного года, время подводить итоги. Филейла! Что тем, кто ушел за Грань Смерти, предписывает Закон?

— Закон, шир Годвель... — Филейла боялась мертвецов, но не менее суеверный ужас на нее наводила мысль о двойке в кондуите, — ...не бросаться на живых... не ку... ку... кусаться...

— ...мыть руки перед едой и ни в коем случае не кушать на улице, — подсказал шир Годвель, как бы желая быть полезным. Филейла согласно кивала. — Ладно, садитесь, бросьте дрожать и оглядываться назад. Лучше послушайте, что скажут другие. — Шир Годвель, в отличие от многих, обращался к ученикам на "вы". Ходить на его уроки раньше всегда было одно удовольствие — если, конечно, не забывать делать домашку. А сейчас Джагги вроде бы и от домашнего задания был освобожден приказом директора, но как тут быть довольным, когда тебя встречают остриями точеных вилок...

Лаиса подняла руку.

— Минуточку, — кивнул ей шир Годвель. — Уктар! Отложите в сторону

вилку, глаз мертвеца и попробуйте поправить Филейлу. Итак, что мертвым предписывает Закон?

— Я не знаю, — угрюмо, зато честно ответил Уктар. — Из могилы вставать им нельзя.

— Понял, — вздохнул учитель, — садитесь. Кемалис?

— Они в сны могут приходить, — сказал Кемалис, глядя в пол. — Отвечать на вопросы спиритологов. — Он метнул жалобный взгляд на Джагги: не дурак, разобрался, по какую сторону от Грани находится его приятель, и теперь ему было стыдно. Но Джагги еще не простил его, и он снова отвел глаза.

— Это ответ на мой вопрос? — удивился шир Годвель.

— Нет, — сказал Кемалис. — Ответ: не знаю, — и он сел на место, не дожидаясь приглашения. Учитель, однако, не стал ему выговаривать.

— Что ж, — сказал шир Годвель. — Лаиса, будьте добры, просветите нас, а то мы что-то погрязли в невежестве.

Лаиса встала, одернула юбку, улыбнулась:

— Закон, — сказала она, — мертвым не предписывает ничего.

— Вот как? — улыбнулся, в свою очередь, шир Годвель. — Почему же они до сих пор нам школу не разнесли?

— То, что держит мертвых, держит их по ту сторону Грани, — немного заученно, но как будто с пониманием во взгляде произнесла Лаиса. — Есть договор между небопредержащим Никкудом и Лорой, милостивой в равнодушии. Содержание его не известно смертным, известны лишь проявления договора в действии. Также известно, что живые подданные Никкуда обязаны обеспечивать мертвым покой в соответствии с договором и основанными на нем статьями Закона “О некрополисах” и “О безусловном почтении к памяти мертвых предков”.

— Спасибо, Лаиса, вы очень любезны. Джагги, желаете что-нибудь добавить? — предложил шир Годвель.

— Мне показалось, — осторожно ответил Джагги, прикидывая, где начинается секретная информация, — что мертвых держат еще и стены некрополиса. В них есть магия.

По классу прошел шепоток. Ответ Джагги произвел впечатление.

— Так. А вы, Илона, это подтвердили бы? — без улыбки спросил шир Годвель.

— Нет, — ответила Илона. Джагги посмотрел на нее с изумлением. Она смутилась и быстро поправилась, — То есть, это верно, что в стенах некрополя есть магия. И она сдерживает восставших мертвецов, так что

они не могут так просто проникнуть в город. Но восставшие — это уже и есть те, кого не удержало за Гранью. Так что Лаиса сейчас правильно сказала. — Она послала Джагги извиняющийся взгляд, и он кивком дал понять, что все в порядке. На практике важны стены, но ведь есть еще и теория.

— Приятно слышать, что один из нас для разнообразия решил, наконец, рассуждать логически, — кивнул шир Годвель. — Спасибо, Илона, садитесь.

“А мы не выдали секретную информацию?” — Илона послала Джагги немую мысль. — “Тоже думаю про это, — ответил ей в той же манере Джагги. — Кажется, пока нет.”

— Шир Годвель! Шир Годвель! — Ауса, подпрыгивая, тянула руку.

— Да, Ауса? Вы хотели что-то спросить?

— Я хотела... — Ауса вскочила. — А почему они все-таки восстали? Ведь восстали, восстали!

— Вы что, имеете в виду ваших соучеников на задней парте? — подняв бровь, спросил шир Годвель.

— Не только... то есть, не их, они живые! Но мертвецы по правде восстали, и вот они двое, — она кивнула на будущих хармотехнологов, — были там в некрополисе!

— Вы знаете, Ауса, ваш вопрос очень мало имеет отношения к предмету урока. Если бы я позволил себе быть невежливым, я бы сказал — совсем никакого, — шир Годвель тяжело вздохнул.

— Нам не у кого спросить, — с места подал голос Гамеди. — то есть, извините... — он смутился и поднял руку.

— Ну хорошо, давайте коротко обсудим это, — сдался шир Годвель и сделал знак Гамеди, что он может руку опустить, вопрос понят. — Я буду говорить с вами не как учитель, потому что у меня нет точных знаний, какими я мог бы с вами поделиться. Просто попробуем, по примеру Илоны, порассуждать логически. Итак, со слов свидетелей, которым мы доверяем, — он улыбнулся Илоне и Джагги, — нам во всяком случае известно, что восставшим мертвецам в какой-то мере смогла воспрепятствовать магия артефакта, то есть, например, особым образом заряженных стен. Ну так что — насколько похоже на то, что этим бунтом руководит воля богов?

— Совсем непохоже! — сказала Лаиса.

— А если это Лер и Ганер? — спросил Кемалис.

— Дельный вопрос, — кивнул шир Годвель. — Спрошу и я, в свою оче-

редь. Предположим, Лер и Ганер, так-то давно отошедшие от дел, по какой-либо причине решили заглянуть в проявленный мир снова, совершив, например, набег на Никкудакен при помощи магии. Как вы думаете, каков шанс, что их посланцев удержала бы рядовая, хоть и высокого класса, магия наших артефактов? Это раз. И второе — предположительно выбранный ими способ...

— ...это область Лоры! — воскликнула Илона. — Пришлось бы им с ней договариваться! А у нее уже есть договор с Никкудом...

— ...хоть мы и не знаем его содержания, — закончил шир Годвель. — В общем, несмотря на то, что мы не можем полностью исключить вмешательство богов как причину восстания, представляется разумным поискать что-нибудь более вероятное. Итак, ясно, что здесь, скорее всего, магия против магии. Что это за область магии, которая должна здесь работать?

— Некромантия... — выдохнул Уктар.

— Что нам известно о принципах работы некромантии? — продолжил шир Годвель.

— Черная курица! Жертвоприношения в полночь! Ногти нерожденных младенцев! Беладонна! Мортагенный лопатус! — загалдел класс.

— Потрясающе, — покрутил головой шир Годвель. — Откуда вы берете всю эту ерунду?

Илона подняла руку. Джагги взглянул на нее предостерегающе: Фогеди много о чем обмолвился там, в повозке, но это не для посторонних ушей. Этим же самым ушам можно навредить, запустив в них ошибкой лишнюю информацию. Илона кивнула, давая знать, что она не забыла об осторожности.

— Да, Илона, прошу вас, — сказал шир Годвель. Ей показалось, или он тоже старался предостеречь ее взглядом?

— “Некромантия совершается по поущению Лоры, в обход структурных принципов, которые Лер и Ганер положили в основу магии проявленного мира. Некромантия совершается удаленно, хотя может осуществляться и при непосредственном контакте с материалом. Некромантия требует большого, в идеале — сверхчеловеческого напряжения воли. Различают: злую волю к мести, сокрушительную волю безумия, коварную волю к власти и холодную волю отчаяния.” — нараспев прочитала Илона. — Это из опубликованной переписки Тиурии и Галаны, Верховных Жриц Лоры и Миару, — добавила она, чтобы успокоить Джагги.

— Опубликованной в шестнадцати экземплярах, из которых все до од-

ного хранятся в храмовых библиотеках? — улыбнулся шир Годвель. — Хорошо, очень хорошо. Вы знаете, я думаю, что это закрывает тему. Чтобы с пользой рассуждать дальше, нужно знать больше если не о личности некроманта, то хотя бы о его мотивах.

— Шир Годвель! Шир Годвель! Но ведь у нас некромантия запрещена! — тянул руку маленький круглоголовый Плапего.

— Как видим, не зря, — пожал плечами шир Годвель.

Оставшаяся часть урока прошла за проверкой домашнего задания — указать хотя бы один закон общества, прямо вытекающий из законов природы, то есть, формально избыточный — и обсуждению причин, побудивших Никкуда все-таки записывать такие законы. Когда прозвенел звонок, шир Годвель подошел к последней парте, пожал руки Илоне и Джагги, сказал им, что рад видеть их у себя на уроке, извинился и побежал в учительскую. После этого будущих хармотехнологов окружили одноклассники и принялись засыпать вопросами. Джагги, ощутив себя героем дня, позволил себе быть великодушным и простил Кемалиса.

Зато тем же утром, когда угрюмый Наргод шел в свою школу, мерит Фогеди вырос у него на дороге.

— Прогуляемся? — спросил отец у сына.

— Я в школу иду, — ответил Наргод.

— Подумать только, — вздохнул Фогеди, — Пустые Рощи Оранжереи отсюда против заката, твоя школа нам совершенно не по пути.

— Ты в нормальном состоянии, — прищурился Наргод, — или я тебе нужен, чтобы гонять тезауров?

— Тезауры подождут, — коротко сказал Фогеди.

— Понял, — поднял бровь Наргод. — Нам через забор?

— Через четыре забора и один змеиный кабель, — весело ответил ему отец.

Дикие банданьоны городской житель может увидеть только в Оранжерее. Они совсем не похожи на огромные красные и фиолетовые шляпки с уличных клумб — у диких банданьонов, в отличие от культурных, даже не вывернутые лепестки. Скорее, они напоминают храмовые колокола, колокольчики, неяркие — от светло- до темно-серых с лиловым отливом. Способные, если их много в одном месте, в буквальном смысле сбить с ног своим ароматом.

— Отец, зачем мы здесь? Запах, конечно, приятный, но у меня уже едет крыша, — пожаловался Наргод.

— Ненадолго, — Фогеди сделал успокаивающий жест, — санитарная об-

работка.

Высокие троты, казалось, трогали верхушками небо; и не скажешь, что это не дерево, а трава. Птица-жалица, захлопав крыльями, стремительно пролетела мимо и задела огромный тротный лист. Раздался короткий щелчок, и что-то черное сорвалось с плеча Наргода, упало в подставленную Фогеди крошечную белую чашечку.

— Что это? — удивился подросток. — Жучок, настоящий? Он нас подслушивал?

— Конечно, — подтвердил Фогеди, внимательно разглядывая жучка. — Только он, наверное, не один. И, кстати, он настоящий.

Жучок так и выглядел, как самый обыкновенный жучок — живое насекомое. Правда, обездвиженное.

Скоро послышались новые щелчки; в общей сложности хармотехнолог собрал четверых.

— Я скоро сам щелкну! — взмолился Наргод.

— Уходим, — кивнул Фогеди. Перевернул чашку и бросил жучков в заросли диких банданьонов. Они сделали крюк и прошли через небольшой луг, пересекли ручей; в неухоженной части Оранжереи случались дикие водоемы и неучтенные потоки воды. Наргод понял, что они направляются в Индустриальные Джунгли. Это место, где у телег, груженных садоводческими артефактами, случилась авария. Несколько человек погибло, приборы остались переломанными, но какое-то влияние на ближайшие окрестности продолжали оказывать. Растительность там поэтому заплеталась в сложные узоры, почти везде стояла плотной стеной. Разумеется, в Джунгли никто не ходил: служители усвоили урок о том, что бывает при неаккуратном обращении с артефактами, а посетители и вообще в неухоженную часть Оранжереи не допускались. Похоже, разговор, начатый еще тогда дома у отца, потребовал срочного продолжения. При подходе к джунглям хармотехнолог достал два бахотана с капюшонами, один бросил сыну.

— Это что, знаменитый защитный костюм из вашей конторы? — поинтересовался Наргод, разглядывая свой бахотан с любопытством.

— Ну нет, разве я стал бы использовать собственность отдела для личных нужд? Это его не очень серьезная модификация, мы над ней еще поработаем с учениками. Здесь ее будет достаточно.

— А что она делает? — спросил Наргод, засовывая руки в рукава.

— Посылает сигналы растениям и поет насекомым, — серьезно ответил Фогеди.

— А тезауров не привлекает? — усмехнулся Наргод.

— Тезауры видят нас как есть, без одежды, — объяснил Фогеди, — но для этого им нужно как следует накуриться.

В самом деле, стволы и длинные листья странных растений как будто сами раздвигались, пропуская людей в бахотанах.

— Это просто камень? Можно на него сесть? — спросил Наргод.

— Шагни лучше сюда, вот так, и давай сядем на бревно, — предложил Фогеди. — Ну что, понравились жучки?

— Это она их посадила, — нахмурился Наргод. Он имел в виду свою мать.

— Она не сама, — примиряюще сказал Фогеди, — ее попросили.

— Да? А что же она не отказалась?

— Дорогой сын, ну мы же не знаем, чем ей пригрозили в случае, если она плохо выполнит вежливую просьбу, — усмехнулся Фогеди. — Я, например, догадываюсь.

— Наверное, ты прав, — подумав, сказал Наргод. — она уже сама не рада, что с ними связалась. Сначала-то сама инициировала допросы, бегала к ним по три раза на дню.

— Она на меня в обиде, — пожал плечами Фогеди, — хочет наказать. Сама она чувствует себя слабой, вот и приходится прибегать к внешней силе. У слабых с моралью-то не очень, им ведь много чего приходится делать для выживания. А за тебя она сейчас уже смертельно боится, скоро спать перестанет.

— Если мне что-то угрожает, — упрямо сказал Наргод, — это из-за нее. Она сама же это и вызвала.

— Такое не так-то просто вызвать, — заметил Фогеди. — То, что тебе угрожает, угрожает тебе из-за меня.

— Да я понял, что они хотят на тебя надавить, ну или рычаг иметь на будущее, вот и взяли меня под колпак. Но все равно... — сердито начал Наргод...

— Будущее, — перебил его Фогеди, — уже наступило.

— Ты чего, Фог? — удивился подросток. — Так быстро?

— Ох, — вздохнул Фогеди, — это будущее, ты же его знаешь, оно всегда — нет-нет, да как наступит...

— Да с чего ты взял? — Наргод наклонился, хотел было поднять с земли сухой лист странной формы, но тут же передумал.

— Давай я скажу так: мне в руки попал кусок информации. Почти случайно. И вот, среди прочего, оказалось, что сегодня у вас в школе будет

медосмотр. У тебя собираются найти искривление позвоночника, повести на обследование, а там — по только что развитому у них и, надо сказать, остроумному, но пока еще топорно работающему методу — возьмут тебя под ментальный контроль.

— И что я буду? Кукла на веревочках? — спросил Наргод.

— Это по замыслу, — кивнул Фогеди. — А как на самом деле пойдет, неизвестно, потому что они этот метод еще не тестировали. Может, и жив останешься, и даже будешь чего-то соображать. Но искривление позвоночника, считай, тебе обеспечено. Нельзя же, чтобы доктор при магическом ассистировании ошибся с таким диагнозом.

— Ты не врешь и не шутишь, Фог?

— Да знаешь, Нар, мне как-то не до шуток и даже не до вранья.

Наргод надолго задумался. Потом спросил:

— Может, мне просто уйти из дому? Не к тебе — так они меня найдут. Жить, как твой Фикус, спать в диогенках. Я, кстати, давно собирался.

— Ты думаешь, так трудно обшарить все диогенки? — пожал плечами Фогеди. — Да это и не понадобится, поставят слежку, и ты сам ее приведешь к своему логову. Между прочим, нас уже скоро начнут искать в Оранжерее.

— А, да, — сказал Наргод, — они же слышали все через своих жучков. Значит, уже вот-вот будут в дикой половине. Ну, сюда они не сразу сунутся, но обойти все, что закрыто для посетителей, и просканировать — это сколько им нужно времени?

— Пару часов, не меньше, — ответил Фогеди. — Но мы не станем этого ждать, а выйдем через ворота для посетителей, как культурные люди.

— Интересно, — Наргод, желая быть до конца невозмутимым, поднял бровь и положил руки на колени, мысленно отдавая пальцам приказ не дрожать. С дрожью он справился.

— У меня вот какая мысль, — осторожно начал Фогеди, — я то есть вот тут думаю, насколько глубоко твое религиозное чувство?

— Что? — удивился Наргод. — Предложишь мне помолиться небопредержавшему Никкуду, чтобы особисты раздумали меня сегодня искать? — он сплюнул и отвернулся.

— Если ты чувствуешь такую необходимость, я бы ни в коем случае не решился тебя отговаривать, — ответил Фогеди, — но у меня был другой план. Почему бы тебе не пойти послушником в храм? Выучишься, скажем, на оператора жертвенного алтаря. Работа опасная, но интересная, много неожиданностей. А божественная защита, знаешь ли, в наши дни

еще что-то значит.

— После того, как мне поставят ментальный контроль и дополнят его искривлением позвоночника, меня не возьмут даже в послушники, — невесело усмехнулся Наргод.

— Значит, нужно успеть до того, — кивнул Фогеди. — Вот в этом и заключался мой план — если, конечно, ты согласишься его принять.

Наргод снова надолго задумался.

— Каждый второй никкудак, — наконец, сказал он, — работает на службе безопасности. Это знает каждый дурак.

— Я восхищен твоей приверженностью к небопредиержащему, — ответил Фогеди, — когда мы говорим о божественном, все твои мысли текут к Никкуду.

— А в чем еще храме может обнаружиться божественная защита, которая в наши дни что-то значит? — спросил Наргод.

— Конечно же, в храме Миару, где в жертвенных печах горит огонь моих чресел! — вскричал Фогеди, хлопнув себя по колену. — Я сам с детства мечтал быть там послушником, да матушка не взяла.

— Хвост мне в рыло, — сказал на это Наргод.

— Нар, — вдохновенно сказал Фогеди, — то, о чем я с тобой говорю, есть мечта любого мужчины, наделенного хоть каплей воображения. Во время вечернего чая, совмещенного с прогулкой, к тебе на колени, гуляя, будут присаживаться юные обнаженные жрицы радости — они никогда не сидят на пустых стульях. Беседуя между собой, они будут рассеянно ласкать тебя там, куда скользнет их рука, оставленная без присмотра. Ты будешь изнемогать...

— Хвост мне в рыло, — сказал Наргод.

— Раз в три дня, — Фогеди прикрыл глаза рукой, — младших послушников посылают чистить пруд, самое дно. На нос им надевают прозрачный артефакт, позволяющий дышать под водой, а кроме этого не надевают на них ничего. За этой работой послушникам помогают русалки — а ты ведь слышал, Нар, что русалки совершенно неутомимы — ты представляешь себе, как странно даже простой поцелуй ощущается под водой, на дне пруда?

— Хвост мне в рыло, — сказал Наргод.

— Однажды, в ту ночь, когда не видно Барана, — прекрасная жрица плодородия в маске с прорезями для глаз поманит тебя. Ты, в такой же маске — накануне этой ночи все в храме надевают маски — пойдешь за ней и обнаружишь, что на ней ничего нет под черной накидкой. Если ты

не разочаруешь ее, возможно, она решит зачать от тебя — и она родит, но ты не будешь знать своего ребенка, а он не будет знать тебя. Сердце твое, однако, будет греть сознание, что по свету, должно быть, бегают и месят ножками пыль немало твоих детей! Ведь дети — это такая радость. А если позже, потом, твоя таинственная любовь все же захочет распознать тебя среди братьев, то только по форме твоего детородного органа — ей придется примерить в среднем не меньше трех дюжин...

— ХВОСТ МНЕ В РЫЛО! — сказал Наргод.

Фогеди как будто очнулся, с тревогой посмотрел на сына и задумчиво проговорил:

— А что, если я опоздал, и они уже поставили тебе ментальный контроль?

— Хвост им в рыло, — добавил Наргод.

Поговорив еще немного и сойдясь на том, что деваться Наргоду все равно некуда, даже если он считает перспективы, обрисованные отцом-хармотехнологом, бессмысленной потерей времени, нарочно придуманной для спасения общества от романтично-похотливых придурков обо-его пола (если б хотя бы просто похотливых или просто романтичных, так нет, нужно жрать это в обе ложки!), отец и сын встали, и завеса из длинных листьев снова раздвинулась перед ними. Они прошли коротким путем через рощицу, усыпанную бутонами альгемий — эти странные цветы открываются только ночью, но даже когда они закрыты, аромат их волнует душу — вышли к плодовым деревьям, достаточно легко дезактивировали защиту и перескочили через два забора, Оказавшись на официальной территории Большой Оранжереи, они прошли по аллеям, взглянули на розы, орхидеи и водяные лилии, прошлись по мостику через поле красных культурных банданьонов и вышли через главные ворота. Пройдя две улицы, они заметили за собой "хвост". Фогеди быстро втянул Наргода в переулок, они перескочили через какой-то каменный барьер и оказались на заднем дворе неизвестного помещения (судя по запахам, это было что-то вроде скотобойни, недавно закрытой на ремонт).

— Я забыл тебе сказать, сын, — извинился Фогеди, — нам придется пройти сквозь лужу. Это все из-за спешки. Если некогда остановиться и подумать, что-нибудь да вылетит из головы — у меня всегда так. Только наступай, пожалуйста, точно за мной, след в след, а то мы разминемся. Наргод только пожал плечами.

Прошло не более десяти минут, как к половинной каменной стене подошли двое в штатском платье и заглянули во двор. Двор был пуст.

— Орд Гемний, — сказал курсант Ди, — нас уже в третий раз ведет к этому тупику.

— Здание секретной лаборатории закрыто, — ответил орд Гемний, — с той стороны из него никто не выходил. Думай, курсант.

— А по крышам они не могли уйти? — спросил, подумав, курсант.

— Трудно это сделать незаметно: здесь уже немало наших, и нельзя сказать, что все ходят, уткнувшись носом в землю. Но если в здании сейчас никого не найдут, придется проверить и эту версию.

— А если они в здании, орд Гемний, — спросил курсант, — и их найдет сквод прочесывальщиков с собакой, как они примут версию об облаве среди подростков, прогуливающих школу? Ведь собака-то...

— Это дельный вопрос, курсант, — кивнул орд Гемний, — задай его еще раз, когда их найдут в здании. Сейчас нужно думать о другом — как и куда еще они могли скрыться.

Тем временем Фигус сидел на кушетке в комнате, отданной под террариум, и разговаривал с птичкой (скатом), которая раньше была пиявкой.

— У меня каждый день такое чувство, — говорил он ей, — как будто я накурился трын-травы, и она меня никак не отпускает. Понимаешь?

Птичка-скат молчала.

— Вот ты, например, — продолжал Фигус. — Я чувствую, что ты как-то ловишь мои сигналы. А что ты при этом думаешь? Что понимаешь? У тебя какой-то свой мир, и вот я не понимаю тебя до конца. Если я начинаю думать о твоих мотивах — понимаешь? — о том, почему ты действуешь так, как ты действуешь...

Птичка-скат внезапно снялась с места без разгона, ускорила и врезалась в стекло террариума. Изнутри за ней наблюдала довольная черепаха.

— ...я задаюсь вопросом, — продолжал он, почесав в затылке, — думаешь ли ты о последствиях своих действий? Моделируешь ли заранее их результат?

Птичка-скат, которая сползла было по стеклу на пол, пришла в себя, вернулась на спинку кушетки, снова снялась оттуда и повторила удар в стекло.

Какое-то время они так беседовали. Стекло пока выдерживало — а Фигус и не сказал бы, что оно такое крепкое, ведь и не толстое — но обитатели террариума уже не на шутку разволновались. Они ползали, шныряли,

ходили взад и вперед; особенно усердствовала жаба-перевертыш. Она совершала прыжок, липла мордой к стеклу, висела так приклеенная, а потом снова сползала вниз, как бы повторяя действия птички-ската (бывшей пиявки), но изнутри террариума.

— Видишь ли, — старался объяснить птичке Фикус, — вот я думаю-думаю, смотрю-смотрю на тебя и вижу, что не могу я тебя понять. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду — не то что я вообще не могу тебя понять — вот сползла вниз, вот села сюда, вот полетела, вот вмазалась в стеклянную стену — но я не могу тебя понять до конца. Иногда мне кажется, что никого из них, — он обвел рукой обитателей террариума, — я не могу до конца понять.

— А чего тут понимать, — сказал кто-то из животных, — нечего тебе было курить хозяйскую трын-траву. Здесь все так или иначе телепаты: у тебя крыша поехала, а им это передается.

— А я-то при чем? — несправедливый упрек оскорбил Фикуса, — может, я и покурил немного, но я же не фигачусь с размаху в стекло!

— Может, и фигачишься — в фигуральном смысле, — отвечал невежливый собеседник.

— Я извиняюсь, — спросил Фикус чужим, ехидным голосом, — вы вообще кто? Рептилия или земноводное?

— Я-то? — задумался собеседник. — А тебе самому кто больше нравится? Полагаю, эта озверевшая птица?

— Но-но! — предупредил Фикус. — Эта птичка-скат, которая, кстати, раньше была пиявкой, спасла меня от отчаяния и позора!

— Это как? — удивился неизвестный.

— Она вынула из моей головы рыбу! — заявил Фикус. — Не жалея себя, — расчувствовала он, — как вот она сейчас самоотверженно бьется в стекло — ШЛЕП! ШМЯК! — она спасла меня от подсаженного ко мне в голову шпиона, от ментальной прилипалы!

— Рыба, значит, — протянул собеседник. — Ну, пускай тогда рыба. Не знаю уж, с чего ты взял, что она меня вынула. Никто меня не вынимал! Фикус моментально протрезвел. Эффект это произвело вот какой: птичка-скат остановилась на полпути в воздухе, развернулась и плюхнулась на кушетку. Обитатели террариума тоже стали расходиться по своим углам. — Ты шпионишь! — взревел он. — Ты все им передаешь! — секунды хватило Фикусу, чтобы принять решение. Сейчас он разобьет голову об это прочнейшее стекло! Он погибнет и заберет с собой проклятого шпиона! Он вскочил, занес ногу...

— Не советую, — меланхолически проговорила рыба-шпион. — Скорее всего, стекло уже не выдержит.

— Вот и хорошо! Я истеку кровью и сдохну! — мстительно бросил ей Фигус.

— Не успеешь, — ответила рыба, — эти милые черепашки сожрут тебя заживо. Они хищные, питаются мясом, и очень любят питаться мясом.

— Можешь передать своим мерзопакостным хозяевам... — начал Фигус свое последнее слово...

— Это то есть кому? — заинтересовалась рыба.

— Ты — работаешь — на — особистов! — отдельно и внятно произнес внутри своей головы Фигус.

— А! — обрадовалась рыба. — Это те, с той стороны канала! Слушай, а что им все время от меня нужно?

— Так. Постой. — Фигус снова сел на кушетку. — Они задавали тебе вопросы?

— Нет. Они вообще говорили только друг с другом.

— О чем? — быстро спросил Фигус.

— Обо мне, — ответила рыба.

— А ты можешь мне сказать, что именно они говорили?

— Да пожалуйста, — как будто пожалала несуществующими плечами рыба-шпион. — Это немного. “Не могу поймать хвост” — “нет звука” — “не вижу глаз или глаза не дают изображения” — “а ну говнюки суйте крючок”, “куда — не туда”, “кому говорю”.

— Ясно, — сказал Фигус. — Ох. То есть, ничего не ясно. Дай мне подумать, ладно?

— Ладно, — покладисто согласилась рыба.

Фигус попытался сосредоточиться, чувствуя, что трын-трава все-таки не до конца его отпустила, и мысли приходится ловить по очереди, одну к другой привязывая за хвост. Приложив нечеловеческое усилие, он вырвался из тумана, который всюду в его мозгу сеяла трын-трава — как вдруг пришел вызов от Джагги Кабаруса.

— Фигус. Фигус! Двигай навстречу, мне трудно держать связь на таком расстоянии!

Фигус знал, что он мощный коммуникант — сильнее Джагги. Пока что, по крайней мере, Джагги мог общаться внутри головы только с коммуникантами, а Фигус, если хотел, подсматривал мыслиобразы в головах не только у случайных прохожих, но и у собак, которых те выводили на поводке на прогулку. Что умеет мерит Фогеди, Фигус не знал, но во вся-

ком случае он, Фигус, мог и должен был помочь Джагги, как бы выйти ему навстречу. Проклятая трава!

— Фигус! — отчаянно кричал Джагги, — у нас в школе, прямо в классе, есть стукач! Я перехватил его мысль, только обрывок! Он носит жучка под воротником! Он знает, где ты сейчас!

Пролетело какое-то как будто облачко, и связь прервалась.

— Рыба, — позвал Фигус. — Ментальная прилипала! Ты, случайно, не принесла на хвосте на тот конец канала, что мне сейчас сказал Джагги? Но ответом ему было молчание. Фигус глубоко задумался. Он не верил, что рыба ему померещилась из-за травы. Позвать мерита Фогеди? А если она на самом деле ему все наврала, и исправно передает все, что может, туда, на другой конец канала — особистам? Вот в этом случае вызывать мерита совершенно незачем, да и думать об этом даже не стоит. Разбить все-таки головой стекло? Глупости — сначала надо разобраться; к тому же, черепахи действительно хищные. Допустим, если его сожрут, он стерпит, хотя приятного мало — но выпустить рептилий-людоедов на хозяина дома без предупреждения было бы совсем неучтиво.

Поразмыслив, Фигус принял единственно верное решение. Он пошел в кухню, закрыл за собой дверь и набил трубку хозяйской трын-травой. Пусть в его голове работает шпионская рыба, пусть старается и передает на другой конец канала возникающие в его мозгу мысли-образы. Вряд ли, конечно, повезет, и шпионящие за ним особисты разобьют себе головы об стекло, как птички и жабы из террариума — на столь приятный исход шансов мало. Но попробовать стоит.

Наргод угрюмо стоял в большом холле двух храмов, прислонившись к стене. Вроде бы все шло не так глупо и неловко, как он ожидал: например, бабушка Лилиана, с которой ему практически пришлось знакомиться заново, оказалась внятная, спокойная — девушка? — ну, они все тут юные с виду, жрицам Миару так положено. В общем, не сумасшедшая, как он мог ожидать, судя по ее сыну-хармотехнологу. Послушники как будто тоже нормальные ребята, голые жрицы радости пока не появлялись и не навязывали ему восторги плоти согласно своему штатному расписанию. Но все равно — провести тут всю жизнь? Вот уже сейчас, заранее, знать, как она пройдет и чем кончится? Все остальные, кто только здесь ни служит, пришли сюда сами, что называется, по зову сердца — а его вынудили обстоятельства. Чем он хотел бы вместо этого заниматься? Он и сам толком не знал. Но в чем он не сомневался, так это в том, что

ему хотелось бы гораздо чаще думать верхней, а не нижней половиной тела, чем это допустимо для служителя Миару. Наедине с собой он не станет спорить, что голые жрицы богини посещали его сны, да и что только их не посещало. Но полностью, раз и навсегда отдать свою волю в их руки, идти на поводу у того, что воспринималось им как неумолимая тупая сила, шаг влево — шаг вправо — утыкаешься в стену из нежных форм — нет, в этом наверняка много радости, а только Наргод готов был выть от дикой тоски. Сейчас появится процессия жриц Миару — надо полагать, полуголых, одетых в красное — он должен будет к ней присоединиться и пройти обряд посвящения. После этого уже не будет дороги назад. Нет, уйти-то можно, никто не держит — Наргод знал, что он сам не захочет. Просто он уже больше не будет Наргодом. Он будет посвящен Миару, станет таким, как все послушники, постепенно растворяющие свое “я” в благоуханных соках любви. От этой богини еще никто по своей воле не уходил.

А вот и процессия, даже две. Белые и черные одежды, маски из серебра. Обнаженная женщина или статуя, молочно-белое светящееся тело, голова — череп. Маска? Запах миндаля, жемчужного дерева, диких банданьонов, еще какой-то цветочно-земляной запах — или это запах пролитой на землю человеческой крови? Кто-то высокий в мантии серого цвета с лиловым оттенком, лицо, закрытое капюшоном. Серебристое пламя светильных факелов. Музыка на костях; мастера несут загадочные приборы, чем-то напоминающие орудия пыток. Люди с головой собаки или шакала. В другой отсек двойного храма направляется другая процессия: богатые звуки струнных инструментов с затейливыми деревянными резонаторами, мантии теплых цветов, центральный ряд — женщины, одетые в светящуюся сетку и ничего кроме. Девочки и мальчики в обтягивающем черном, с прорезами в одежде в самых разнообразных местах, как если б они накануне церемонии играли или дрались с большой собакой. Юноша — послушник? — в одной только набедренной повязке, с завязанными глазами, ловит руками шествующих в центральном ряду; они целуют его в губы и выскользывают из его объятий. На лице его блаженная улыбка. Красное, пляшущее пламя светильников. Запах, как на маковом поле. Нет, еще сирень, розы, и что-то другое, что еще сильнее кружит голову. Воздух пряный и сладкий, кровь вздымается волнами, гребни волн опрокидываются в чаше сердца. Сейчас его позовут, ему будет сладко, тепло, трудно дышать и немного больно в груди.

Вместо этого Нару сделалось весело и страшно, потому что он принял решение. Скользнув за колоннами, в два прыжка он взял левый поворот и присоединился к первой процессии. Мастер в маске черепа обернулся, сверкнув своей ношей — странный, немзыкально загнутый крюк — оскалил зубы, вынул откуда-то и бросил Нару лишнюю маску. Люкава, летучая рыба, с двойной парой глаз, для воздуха и для плотной воды. Нар широко улыбнулся — оскалил зубы — в ответ.

Когда хармотехнологу принесли весть о выборе его отпрыска, он чуть не разрыдался.

— Матушка! — жаловался он. — А ведь дитя могло бы сегодня же... если бы, к примеру... ах! даже не знаю, чем он думал? Как это можно объяснить?

— Я тебя сразу предупредила, сынок, — пожала плечами миараина Лиана. На страдания сына она смотрела с неодобрением.

— Да, матушка, но — а почему?! — взвыл Фогеди, чья мечта о послушничестве в храме Миару рухнула уже во втором поколении.

— Мальчик, это долгий разговор, — вздохнула миараина. — Чтобы понимать других, особенно близких, мало одной эмпатии, которой тебе, к слову, тоже недостает. Нужна еще воля к пониманию, способная отдернуть плотную завесу иллюзий, удобных для тебя лично. И когда только ты научишься думать головой, а не фазаньим хвостом?

Фогеди повесил было голову и грустно отправился к воротам, но вдруг повернулся на каблуках и снова пошел навстречу матери. Его осенила какая-то мысль, и он счастливо улыбался.

— Ничего, матушка, — утешил он миараину, хотя та как будто и не думала огорчаться, — а вот если Нар выдержит пляску мороков Грани, тогда он раз в год сможет напрямую беседовать с мертвыми Верховными Жрицами обоих храмов! У меня как раз был вопрос по истории религий: когда-то здесь практиковали такой пикантный совместный ритуал...

— Ступай, дорогой, — усмехнулась Лиана, — тебе пора проявить себя на работе. У малыша теперь своя работа, у тебя своя. И не забудь сообщить Тесси, что случилось с мальчиком. Лучше всего зайди к ней и поговори с ней лично.

— Да ведь она подсадит ко мне по карманам целую армию жучков! — запротестовал Фогеди.

— Ну и что же — почистишь потом карманы на улице. — жрица Миару

поцеловала сына в лоб, повернула его лицом к воротам и вернулась в храм.

Фогеди, не дойдя до ворот, остановился у картографической лужи, взял свой вещевой мешок, брошенный прямо там, вынул из него большой белый фартук и повязал себе на пояс. Взвалил мешок на плечо и шагнул в лужу, наступив в нее сперва каблуком.

В Шестом Архивном Квартале, в печально известном дворе, где явление природы типа лужа является аномалией и превращает животных (да и людей, во всяком случае, магов) во встромов, наблюдалось человеческое копошение. Можно было даже сказать, что там происходило некое подобие митинга. Некрасивая большеглазая жительница лет тридцати и юноша лет семнадцати держали на руках крупного серого кота. Точнее, держал юноша, а боевая женщина с короткими волосами стояла впол-оборота, как бы охраняя обоих, ограждая их от врагов большой крепкой ладонью. Врагов было несколько. Больше всех наседала изящная суховатая дама, у которой в правой руке зачем-то находилось вареное птичье крыло. Она держала его двумя пальцами, большим и указательным. Кот поглядывал на него с опаской.

— Я сама видела, — говорила дама, — как наглая рыжая кошка пила воду из этой паранормалии и превратилась в этого серого кота!

— Папира Фейола, это мой кот! Я его принес котенком! Вы же его много раз видели — Кай! Кай! ты помнишь папиру Фейолу? Мы же соседи!

Кот посмотрел на соседку и отвернулся.

— Мало ли что я помню, Года? Если все это время у меня под боком жил встром, значит, у меня еще больше причин для беспокойства! Я требую, чтобы этого кота передали охране, и чтобы охрана его немедленно ликвидировала!

Охранники с глупым видом топтались вдоль периметра лужи и переглядывались.

— Немедленно! — повторила дама и сделала еще один шаг вперед, держа перед собой крылышко, как знамя крупной боевой единицы.

— Минуточку, — сказала крепко сложенная защитница кота по имени Кай и юноши по имени Года, и рукой отвела крылышко в сторону. — Значит, котенок, которого Года когда-то давно нашел на улице и принес в дом, оказался не котенком, а встромом? Правильно ли я понимаю, папира, что вы пришли к такому выводу?

— Да, эскула Лепида, и никаких минуточек у меня для вас нет! Если вы воображаете, что как ветеринар можете судить об опасности этого жи-

вотного для меня как для человека, должна вас разочаровать: на востромов ваша компетенция не распространяется! — дама снова попыталась сунуть коту под нос вареное крылышко.

— Во-первых, моя компетенция как раз распространяется и на востромов, более того — востромы моя первая специализация; ногу предъявить диплом...

— Предъявите его козленочку, в которого третьего дня превратился дежурный маг! — ехидно сказал человечек с козлиной бородкой, на лбу, впрочем, имевший не рога, а очки.

— Да поймите же, — эскула приложила свободную руку ко лбу, невольно выдавая свою усталость, — это был обычный козел! Практически половозрелый. Никто в него не превращался.

— А дежурные маги были другого мнения! — крикнула очень крупная дама, супруга архивного жителя, похищенного русалками, но уже ей возвращенного; он стоял рядом и смотрел, как колыхается тело жены от его же произведенного звука.

— А вот как раз на козлов компетенция дежурных магов не распространяется! — парировала ветеринарша.

— Ты сама-то поняла, что сказала? — хмуро спросил быковатого вида житель в зеленой соломенной шляпе с пером.

— Да что с ней разговаривать, — сказала дама, — она так привыкла общаться с козлами, что уже не понимает по-человечески. А я тут со востромом живу полтора года на одной и той же лестничной клетке, и она мне еще статьи закона будет цитировать о правах домашних животных!

— Папира Фейола, вы же образованная дама, — взмолилась ветеринарша, — ну с чего вы взяли, что этот кот — востром?

— Как с чего, эскула, вы что, оглохли! — возмутилась папира. — Я вам в десятый, наверно, раз говорю, в него на моих глазах обратилась рыжая кошка, стоило ей только попить из лужи!

— Именно в этого кота? — спросила эскула.

— Именно в этого!

— То есть, в того, которого ваш сосед принес домой котенком полтора года назад? Но, папира, кот либо вырос из котенка, либо кошка в него превратилась, когда на нее повлияла аномалия. Он же не мог возникнуть в природе сразу обоими способами?

— Знаете что, — сказала папира, — вы со своими козлами так разговаривайте! А я за такую наглость молодых здоровых нахалок, будь они

трижды эскулы, бью по губам!

Папира замахнулась вареным крылом, и неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы поверхность лужи не взбурлила и не выплюнула бы человека в белом фартуке с внушительным мешком на плече, за ним — другого человека в несколько потрепанном мундире дежурного мага с рыжей кошкой на руках и мечтательной улыбкой на безбородом лице с трехдневной щетиной.

Архивные жители застыли на своих местах в тех позах, в каких застали их новоприбывшие — разве что, быть может, разинули рты чуть пошире. Охрана встревожилась: ей было приказано следить, чтобы никто не входил в зону аномалии, но как быть с теми, кто из нее выходит? И люди ли это? Кот Кай завозился на руках у державшего его школяра и спрыгнул на землю, и так же поступила рыжая кошка. Вместе они побежали к водопроводной трубе, прыгнули на нее и помчались вертикально вверх, на крышу дома; папира Фейола очнулась, взвизгнула и запустила им вслед вареным птичьим крылом.

— Горожане, — сказал старший среди охранников, — если вы люди, а не востромы и не мороки, предъявите свои гражданские значки и представьтесь.

— Я дежурный маг, — сказал человек в соответствующем мундире, — мерит Хильмо. Вот мой личный опознавательный знак. Фактически я дежурил здесь, в этом дворе, три дня назад.

— Я орд Капаччи, — сказал старший охранник, приложив к протянутому ему знаку печать из севойского дерева, которая пискнула, как положено.

— Мне было сообщено, что вы превратились в козленка.

— Вот тут эскула у нас говорит — в козла, — ехидно сказала крупная дама, которой недавно вернули мужа. — Практически, говорит, половозрелого.

В толпе захихикали.

— Скорее уж в рыбу, — широко и добродушно улыбнулся мерит Хильмо, — меня затащило на дно пруда, и меня оттуда достали сетью.

— А откуда же взялся козленок? — не отступал орд Капаччи. — У меня записано...

— Я думаю, он пришел, как мы сейчас... — начал было дежурный маг...

— Вынужден вас прервать, — обратился к нему Фогеди, который и был, разумеется, человеком в фартуке. — Не считите меня невежей, но это секретная информация.

— О, конечно, конечно, я должен был сообразить, — извинился маг, —

знаете, после такого опыта, — он снова мечтательно улыбнулся, — мужчине трудно прийти в себя.

— Прекрасно вас понимаю, — серьезно сказал Фогеди.

— Ты видел там такую русалку — лорелею — губы маковые! сахарные! и это, — подскочив к оцепленному периметру аномалии, архивный житель, бывший стрелок, тоже побывавший на дне пруда, сделал жест руками, как будто берет в них огромные шары, — вот такие!

— Еще бы, — понимающе кивнул дежурный маг, — я там таких много видел.

— Так там потом, в храме, у них есть одна жрица...

— Фиделио, посмотри на меня! — взвизгнула его супруга. Он удивленно обернулся к ней и тут же получил ладонью по морде. — Ты! Предатель! Предатель Фиделио, проигнорировав пощечину, продолжал внимательно смотреть на жену. Пару секунд спустя он обнял ее, хоть ему и не хватило длины двух рук для полного охвата, привлек к себе и остановил ее (между прочим, целиком заслуженную им) брань поцелуем долгим и страстным. Когда он наконец отпустил ее, она уже молчала и только глядела на него потрясенно и недоверчиво — как будто она только что узнала что-то о себе, о нем и о том, как устроен мир. "Пойдем, милая, — сказал он ей, — я покажу тебе...— и зашептал что-то ей на ухо. Красная, смущенная, супруга позволила ему взять себя за локоть и увести в подъезд, и, судя по звукам, там, в прохладе каменных лестниц, снова поцеловать.

— Любовь правит миром, — вздохнул Фогеди. — Мало того, любовь может успокоить супругу, совершенно уже приготовившуюся орать. О Лора! О Миару! Льдом и пламенем обожгите сердце, очищая от сует, чтобы оно услышало музыку сфер и смогло пульсировать в такт.

— Будьте добры, — очнулся орд Капаччи, разводя оцепление, чтобы выпустить дежурного мага, и обращаясь теперь к Фогеди, — предъявите ваш номерной знак.

— Рад бы, да не могу, — развел руками Фогеди, — никогда не ношу его с собой. Он, видите ли, неудачно резонирует с приборами, без которых я как без рук.

— Тогда и я не смогу вас выпустить из зоны аномалии, — нахмурился орд Капаччи.

— На то мы и люди, а не боги, что наши возможности ограничены, — философски заметил на это Фогеди.

— Вы, может быть, вообще морок! — крикнула ему суховатая дама, об-

ретшая дар речи.

— Я и сам это начал подозревать, — кивнул Фогеди, — но сейчас у меня на это нет времени. Сегодня я не морок, а мельник. Чтобы доказать это, я немедленно приступаю к моим обязанностям.

Поправив фартук, Фогеди достал из мешка белый колпак и нацепил на голову, лихо заломив его на бок. Потом извлек из мешка мешок поменьше, развязал — там оказалась мука. Всю эту муку он высыпал в лужу. Достал из исходного мешка какую-то лопатку и стал, кряхтя, перемешивать. Таким образом он произвел тесто, постоянно уменьшавшееся в объеме; съезжившись и уплотнившись до бесстыдно крошечных размеров, кусок теста, который хармотехнолог теперь мял руками, стал приобретать форму двух перекрещенных самых простых приборов, из которых, однако, можно делать сильные артефакты: узкий саперский серп и боевой торомолот. Лужа исчезла.

— Нет аномалии, нет и зоны, верно? Теперь-то вы можете меня выпустить? — спросил он у старшего охранника.

— Никаких указаний на этот счет не поступало, — уперся орд Капаччи.

— Виноват, я только что дал вам именно такие указания, — улыбнулся Фогеди.

— Кто вы такой? — спросил орд Капаччи.

— Мельник, завершивший свою карьеру, а также главный технолог отдела Умиротворения Внешних Скорбей.

— Мерит Фолли? — орд Капаччи отступил на шаг. — Мерит Фогеди Фолли? Это по вашему рапорту нас прислали сюда?

— Именно, — кивнул Фогеди, — и вы блестяще справились со своим заданием. Мимо вас, так сказать, муха не пролетела, одни только коты баловались да дежурный маг вылез со дна. Теперь вы можете быть свободны.

Орд Капаччи щелкнул каблуками и велел охране снимать оцепление. Фогеди тем временем подошел к ветеринарше и сказал ей:

— Эскула, разрешите вам преподнести, — протянул ей скрещенные серп и торомолот, — знак Лера и Ганера в хозяйстве пригодится.

Эскула Лепида благоговейно приняла артефакт, глаза ее сверкнули чистым восторгом. С помощью знака рождения магии можно было, например, остановить кровь без лишней возни, простым наложением — а в случае артериального кровотечения секунда может решить вопрос жизни и смерти.

— А ко мне не придут безопасники и не спросят, где у меня документа-

ция к такой дорогой игрушке? — она не сводила глаз с артефакта, явно не собираясь отказываться от подарка и в том случае, если ответ будет положительным.

— Я напишу вам документацию. Это будет записка от конторы с регулярной конторской печатью и с приложением копии отчета орда Капаччи, — Фогеди слегка поклонился.

— То есть, мы еще раз встретимся? Вы планируете пригласить меня на ужин? — пошутила эскула Липида, продолжая исследовать артефакт.

— Вы читаете мои мысли, эскула. Что вы делаете сегодня вечером?

В действительности шутка насчет ужина застала Фогеди врасплох, но он нико́лько не расстроился. Умница эскула не была, конечно, красавицей, но изумленный, смущенный, благодарный взгляд — и счастье на дне этого взгляда — стоили любых ослепительных совершенств.

Шир Ортрий надеялся, что Фогеди не отвечает на вызов, потому что, как водится, где-нибудь оставил свой телептон, а сам уже дома — так что он вышел на постоянную связь. Ему долго не отвечали. Он, однако, знал, с кем имеет дело, и решил ждать, читая газету.

— Это ты, рыба? — наконец, пришел ответ.

— Мерит Фогеди? — спросил шир Ортрий.

— Что с тобой, рыба, ты накурилась? Решила, что ты теперь в голове у Фогеди? — голос у Фогеди был странный, немного выше обычного, но интонации те же, и говорил он медленно, как человек под воздействием трын-травы.

— Мерит, прекратите. Умойтесь холодной водой, обретите какую-никакую адекватность. Я не глюк из вашей головы, а ваш непосредственный начальник. Для вас есть срочное задание на завтра.

— Ну-ну. Ври давай, — последовал ответ.

Шир Ортрий только выругался про себя. Он знал, что даже в таком состоянии Фогеди запомнит важную информацию и потом обработает правильно — но как же тяжело это всякий раз! Скорей бы он вырастил себе смену!

— В деревне Каверна — знаете ее? сразу за Южными воротами нужно свернуть направо, она соседствует с секретным поселением Сухобезводное — в клуб для аграриев ударило раз за разом шестнадцать молний. Выживших трое. Двое в коме, один иногда приходит в себя. Деревню придется заселять заново: в тот вечер были танцы, так что почти все пришли в клуб. Время от времени молнии продолжают бить по деревне, шаровая молния влетела в повозку с клевером для скота. Это срочный

вызов. Можете взять учеников, если думаете, что от них будет прок.
— Ну ты и загнула, — помолчав, ответил голос, — Каверна еще ничего, я почти поверил. Такая деревня есть. Но поселок Сухобезводное — такое название может выдумать только рыба!

Шир Ортрий, покрывшись холодным потом, молчал. Похоже, что произошло непоправимое: Фогеди все-таки окончательно слетел с катушек. И когда он успел? Ведь только что разобрался с этой гадостной архивной аномалией, все доклады пришли.

В дверь постучали. Шир Ортрий рассеянно нажал кнопку: Клалиция, видимо, чувствовала его настроение и боялась входить со своим ключом. У порога кашлянули. Шир Ортрий поднял глаза и столкнулся взглядом с Фогеди.

— Шир Ортрий, — начал Фогеди, — хорошей женщине нужна рекомендация к артефакту...

— Слышала, рыба? — сказала громкая связь. — Вот это и есть мерит, его голос. Что, слабо залезть к нему в голову?

Фогеди и Ортрий переглянулись.

— Молчишь? То-то. Эх, рыба. Опять ты молчишь. А я все один да один. Знаешь, пойду-ка я назад, в террариум. Выпущу жабу, выпущу гадюку, не ту жирную, которая уже ни на кого не смотрит, а ту, которую звать Бедняжкой. Я люблю змей, рыба. Они извиваются. Черепашек выпущу. Тут-то нам с тобой, рыба, и конец придет. Что молчишь, не веришь? Дура ты, дура. Рыба, иди сюда. Я тебя люблю. Я люблю рыб. Рыба, давай перед смертью разок займемся психоанализом.

Шир Ортрий отключил связь.

— Кто это был? — он спросил.

— Это мой ученик, — с гордостью ответил мерит Фогеди. — Он любит рыб.

16. Счет сердца и печени

Лола не обманула: она сумела вывести компанию из тумана. Дальше, однако, какое-то время пришлось идти по берегу из-за зарослей колючего куста, сквозь которые некому было протаптывать тропинки. Дорога оказалась опасной, особенно для Ниолы. Потoki воды, как звери, с ворчанием выходили из озера, бурлящей петлей захлестывали путешественников и тянули их в назад в гостеприимный водоем. Тогда Лола

входила в поток, кружилась в нем, позволяя обхватывать себя целиком, перетекать любовно с плеч и с шеи на грудь, приласкать ноги, прильнуть к ягодицам — кажется, что-то шептала ему, но в шуме не было слышно. Поток покорялся и отступал, всегда стараясь напоследок хлестнуть Ниолу по лицу или швырнуть ей в голову камень. В первый раз, когда такое случилось, Мукт перехватил ком земли, летевший в лицо Ниолы: разбил его кулаком. Лола, однако, сверкнула на него глазами так яростно, что Мукт смутился, отошел в сторону и больше не участвовал в защите Ниолы; впрочем, с этим справлялись и остальные. Сердце Ниолы покусывала обида, но она заставила себя принять наивное коварство Лолы (никто не сомневался в том, чью это просьбу выполняет поток напоследок) и маленькое товарищеское предательство Мукта — последнее было тем труднее, что Мукт, не то мучимый совестью, не то желавший отвести от себя подозрения в слабости к “другой девушке”, с удвоенным усердием закрывал собой остальных путешественников. Девушка старательно напоминала себе, что Лола — не совсем еще человек, и не могла так скоро отвыкнуть от порядков, принятых в ее родном озере, так что и спрос с нее никакой; что Мукт — всего лишь мальчишка (“Всего лишь человек?” — насмешливо спросил странный собеседник, не так давно как будто поселившийся в ее голове), в известном смысле один перед лицом стихии. Как все девушки на определенной стадии неразделенной любви, Ниола с рассеянным безразличием относилась к непосредственной опасности, но зато остро чувствовала жалость ко всему, что движется — достаточно сказать, что ей было жаль заколдованные потоки, уходящие без добычи, ведь им, должно быть, тоже обидно. Поэтому, когда очередной поток, не попавший в нее здоровенной глыбой благодаря необыкновенной ловкости Юши, который ткнул в метательный снаряд подхваченной с земли палкой так, что его увел в сторону приобретенный момент вращения, — когда неудачливый этот поток вдруг встал на дыбы и приобрел антропоморфные формы, она была первой, кто заговорил с ним.

— Добрый вечер, — вежливо сказала Ниола. — Простите, мы не хотели вас потревожить.

— Привет, милочка, — неожиданно добродушно, даже как будто посмеиваясь в усы, ответил поток. Лола, однако, встретила его с раздражением: — Дядя, — сказала она, — тебя не посылали.

— Разве ты не рада меня видеть, крошка? Или расстроилась, что я промазал по ней камнем? — он кивнул на Ниолу.

— Не рада, — подтвердила Лола. — Ты мешаешь.

— Видишь, милочка, — весело сказал поток, обращаясь к Ниоле, — не вы меня потревожили, а я вам помешал. А я-то все приглядываюсь к вам и думаю: чем я хуже других потоков? Вроде и камнями бросаюсь неплохо, а поди ж ты, сплоховал на старости лет.

— Если бы не Юши, вы бы попали мне в голову, — заверила его Ниола.

— Хах, хахах! — раскатисто расхохотался поток. — Хряп в твой костяной череп! Черепушка плямц, на две половины, как сухопутный орех!

— Именно так, — вежливо поддержала его Ниола.

— Ты воспитанная девочка, — похвалил ее поток, примерявший себе то лысину, то седую шевелюру; борода у него появилась сразу, широкая, из мелких пенистых струй. — Чтобы не мешать племяннице, я уж лучше тебе расскажу новость из нашего озера. Красотки-лорелейки надули зеркального карпа, подточили ему зубы и приделали какие-то там ножки. Он будет ждать у дороги. В нем вся мощь озера. Так что сворачивайте в кусты.

— Нет! — вспыхнула Лола. — Не ей говори! Мне это говори! Я командую! Это я их вывожу отсюда, а не она!

— Лола командир, — устало подтвердила Ниола и, поколебавшись, добавила, — мы все ей доверяем.

— Вот как? — усмехнулся поток. — Ну, тогда передай ей мое сообщение, милочка, — сказав это, он распался на струи и ушел в озеро.

— Почему он говорил с тобой? — спросила Лола, подступая вплотную к Ниоле и глядя ей прямо в глаза. — Он тебя знает?

— Вряд ли, — ответила Ниола. — Наверное, он на тебя обиделся, поэтому поступил так странно.

— Он старый, — сказала Лола. — Не может понимать, кто красивее. Он обиделся, — кивнула она. Мы идем дальше.

— Лола, — сказал Вакс, — как ты думаешь, можно эти кусты рубить топором? Никто не обидится?

— Тебе не нужно рубить кусты, — ответила Лола. — Мы идем по берегу.

— Но ведь твой дядя сказал, что нас ждет карп-чудовище! — возразил Мукт.

— Что, — спросила Лола, — тебе тоже больше нравится Ниола, чем Лола, я?

Здесь у Мукта был только один вариант ответа, так что всем пришлось продолжать идти вдоль берега. Вакс и Юши негромко совещались, говоря о том, что дядюшка-поток, конечно, мог и наврать по просьбе озерных лорелей, но то, что другие потоки перестали нападать, сильно настора-

живает. Юши, неизвестно к чему, спросил, нет ли у Вакса корпускулярного зонда. Этот вопрос Вакса заинтересовал: зонда у него не было, но дальше он шел молча, очевидно, что-то прикидывая в голове.

Вдруг Лола остановилась.

— Мы пойдем через кусты, — сказала она. — Он на самом деле говорил мне, а не ей. Он обиделся. Ты! — она указала на Вакса. — Руби кусты! Вакс не раздумывая достал топор и взялся за дело; Юши присоединился к нему. Но что-то очень большое, там, в некотором отдалении ломая кусты, уже шло им навстречу. Лола, прищутив глаза, посмотрела вперед. Потом крутанулась вокруг своей оси и тем же манером взглянула назад. — Он сделал большое зеркало. Много больших зеркал. А сзади — лолы. Нельзя назад.

Все посмотрели назад — там клубился туман. Впереди же ослепительно сверкала огромная гора, напоминающая гротескно преувеличенный хрустальный абажур для электрической лампы из тех, что применялись для освещения в храмах Палвади.

— Оно что, может нас съесть? — спросил Мяур.

— Карп ест все, — ответила Лола. — Как у вас свинья.

— Я бы, — беззаботно сказал Гараччи, — напал на это первым.

— У него зеркало. Он отражает удары, — терпеливо объяснила Лола. — Нападать нельзя.

— Я тоже отражаю удары, если на меня нападают, — пожал плечами Гараччи. — Да ну его к никкудакам — что, я буду стоять и ждать, пока оно тут на нас наедет? Попробую разбить эти стекла, а там посмотрим. — Это не стекла! — сказала Лола.

— Тем хуже для них, — ответил Гараччи, выхватил у Мукта из рюкзака железную кочергу и, воинственно вопя, как мальчишки, которые играют в войну, бросился с этой кочергой на зеркального карпа, раздутого лорелеями.

Зеркальный карп остановился, постоял и выплюнул из себя другого Гараччи — впрочем, совершенно неотличимого. Оба Гараччи, тяжело дыша, стали друг напротив друга, расхохотались, покружили немного около общего центра, которым стал втиснутый в землю бело-розовый камень, а потом принялись драться кочергами. Безжалостно, не на жизнь, а на смерть, пропуская удары друг друга и потому нанося друг другу явно болезненные повреждения.

После того, как один из Гараччи так сильно ударил другого по левой руке, что та повисла, как плеть, Ниола схватилась за сердце и стала мед-

ленно осесть на пол. Юши подхватил ее, Рейко быстро поднес тряпку, смоченную нашатырем, к ее носу (подготовился заранее!). Ниола пришла в себя и сказала:

— Надо было отдать ему артефакт. Может, и сейчас не поздно, — она сделала движение, чтобы вырваться из рук Юши.

— Конечно, не поздно, — мрачно ответил он, вежливо удерживая ее, — вот только непонятно, которому.

— Можно любому, — сказала Лола. — У другого тоже появится. Это все равно.

— Лола, — спросил Рейко, — ты знаешь, который из них наш Гараччи?

— И тот, и тот, — ответила Лола.

Оба Гараччи, покрытые кровью, еле волочили ноги. Это не делало их менее воинственными.

— Что будет, если один убьет другого? — спросил Рейко.

— Тогда второй исчезнет, — ответила Лола. — Он будет больше не нужен.

— А если, — спросил Юши, — я захочу их разнять? У меня тоже возникнет двойник и нападет на меня?

— Не знаю, — ответила Лола. — Нападет Гараччи.

— Который из них? — глупо уточнил Рейко.

— Оба, — сказала Лола.

— Юши, — вдруг спросил Мяур, — как ты относишься к тому, что тебя будет двое, и это на всю жизнь?

Юши задумался. Ниола стояла в каком-то трансе, глядя на битву двух Гараччи.

— Если б это был я, — сказал Рейко, — я бы, наверное... но ведь второй должен исчезнуть? Он же исчезнет, если уйдет карп?

— Тогда тебе нельзя туда идти, — сказал Мяур, — ты будешь драться с собой.

— Почему? — спросил Рейко.

— Потому что так в твоём случае работает зеркальная симметрия, — ответил Мяур. — Я тебе больше этого не могу сказать. Может, Вакс знает?

— Не знаю, — ответил Вакс. Он смотрел на бой двух Гараччи почти безучастно: у него был такой вид, как будто он что-то рассчитывает в уме. Юши решил. Он вынул из рюкзака что-то похожее на колышек для палатки, развязал длинный мешок, в который это что-то было уложено, расчехлил. Это оказался длинный меч, но не плоский, не то с шестиугольным, не то с восьмиугольным сечением — рапира. Древний, давно

не применяющийся инструмент. Может быть, это артефакт в форме рапиры? Странно, что Юши до сих пор ни разу им не воспользовался. Он ведь носит с собой только полезные вещи, которые заведомо пригодятся — не то что Мукт и Мяур. Даже не глядя на карпа, Юши направился к двум Гараччи. Оба повернулись к нему, и вдруг с новыми силами бросились на него вдвоем, как Лола и предсказывала. Перебитая рука, правда, не заработала, но трех совокупных рук хватало. Юши парировал с неожиданным изяществом, ловко отбивая две яростные кочерги. Двойник Юши не появлялся.

Вакс тем временем организовал какую-то совместную деятельность, взяв в помощники Мукта и Мяура. Они собирали конструкцию, в которой, похоже, зеркала тоже играли важную роль.

— Катушка! Запал! Уловитель внимания! — требовал Вакс; Мяур и Мукт передавали ему требуемые предметы или устанавливали там, где он указывал. — Так. Проводник воли со встроенной сменой направления!

— Кочерга! — простонал Мяур.

Вакс сел на землю, скрестив ноги, и задумался. Мяур и Мукт с потерянным видом принялись совещаться, но было ясно, что все артефакты, брэнчавшие в их дорожных мешках, не смогут заменить им ржавую кочергу.

Тем временем в суматохе битвы возник второй Юши. Пока что он стоял, задумавшись и подняв рапиру. Он был свеж и полон сил в отличие от остальных трех активных участников сражения. Учитывая, что ему достаточно убить одного Гараччи, чтобы остаться один на один со своим измотанным двойником, можно было ожидать, что все это скоро кончится.

— Лола, — с отчаянием в голосе спросила Ниола, — мой артефакт может причинить вред зеркальному карпу?

— Да, — поколебавшись, сказала Лола.

— Тогда я иду! — обрадовалась Ниола. Лола, однако, положила ей руку на плечо:

— Он сделает вторую тебя. Это будет: ты против тебя, но с крючком.

— Да зачем же я буду драться сама с собой? — удивилась Ниола.

— Ты будешь защищать Гараччи от Гараччи, — объяснила Лола, — и это само получится.

Ниола, вздохнув, бессознательно накрыла ладонью диск спирального артефакта. В общем-то да, скорее всего, тут Лола не ошибалась.

Вдруг Вакс вскочил на ноги.

— Юши! — крикнул он.

Оба Юши посмотрели на него с недоумением; тот, что был вовлечен в сражение, впрочем, быстро отвел глаза и сосредоточился на двух кочергах.

— Юши, встань лицом к карпу и спиной к карпу! — снова закричал Вакс.

— Как можно точнее, понял? Мне важно направление кочерги.

— Странная идея, — хором сказали Юши.

Они, однако, мгновенно сориентировались: свеженький Юши, слегка поворотившись, стал спиной к карпу, а исходный Юши повернулся к нему лицом. В этот самый момент Вакс активировал зеркальную установку.

Долгих три-четыре секунды ничего не происходило. Потом в воздухе началось нехорошее шевеление. Послышались щелчки, звоны. И возник второй зеркальный карп. Он обосновался немного сзади, напротив первого, так, что все путешественники, в том числе и невольно удвоившиеся, оказались между двумя колоссальными соперниками, усердно отражающими солнечный свет: при взгляде на любого из них делалось больно глазам.

— Растаскиваем все в стороны! Быстро! — скомандовал Вакс.

Все, кроме Лолы, которая просто отошла в сторону, и Ниолы, оставшейся стоять на месте в каком-то ступоре, мгновенно вытащили мешки и части зеркальной установки из опасной зоны между двумя зеркальными карпами. Самое удивительное достижение принадлежало двоим Юши: им удалось растащить в разные стороны двух Гараччи. Одного утащили направо, другого налево. И тут карпы стали разворачиваться.

— Тысяча волосатых никкудаков! — воскликнул Вакс. — Не сработало! Они нас раздавят!

Ниола взлетела в воздух. Она приземлилась на спину одному из зеркальных карпов, угрожающе подняла вверх артефакт на цепочке — и сразу на спине другого возник ее двойник, вторая Ниола, уже положившая ладошку на звездный диск.

Рыба, незаметно для себя превращенная русалками в чудовище, находилась под впечатлением, что она охотится, точнее, роется в иле. Теперь, когда активировался артефакт, она почувствовала беспокойство: было похоже, что кто-то хочет ей помешать. Она повернулась к источнику раздражения и увидела соперника, противно сверкающего и вообще прегадкого, с опасным отростком на спине. Что это за рыба? Обжора и дрянь.

Урча, жужжа и позвякивая зеркалами, карпы ринулись друг на друга.

— Две тысячи волосатых никкудаков! — прокомментировал это Вакс.

Время для Ниолы как будто ходило по кругу в разбитых часах, то и дело выплескиваясь через зазубренные края. Она держалась на ногах разве что магией артефакта (потому что ничем другим объяснить это было нельзя). Девушка думала, что вот-вот оглохнет от звона и хруста, что более громких звуков просто не бывает, но здесь ее подстерегал неприятный сюрприз. Когда стало ясно, что жизненная сила одного из карпов подходит к концу, в голове Ниолы раздался вопль ярости, сложенный из многих воплей, как лестница из ступеней; это не было звуком, распространяющемся в воздухе — это было оглушительней и ужасней любого звука. Кричали лолы, русалки, и от их крика сознание девушки трескалось, рвалось в клочья, как туман над озером.

Когда Ниола пришла в себя, солнце было совсем близко к закату. Лола держала руку у нее на лбу и улыбалась.

— Ты умеешь летать, — объяснила она свои действия. — Это интересно.

— Что здесь произошло? — слабым голосом спросила Ниола, пытаясь оглядеться, для чего, однако, ей пришлось бы сдвинуть ладонь маленькой русалки, прижимавшую ее голову к земле.

— Ну, — сказал Вакс, наклонившись над ней так, что она могла видеть его лицо, — с того момента, как в тебе внезапно открылись способности к произвольной левитации... ты, кстати, знала про них?

— Не могу контролировать... — Ниола поморщилась. — Один раз было, в детстве. Неважно. Лола, сними руку, пожалуйста.

— Тебе не нравится? — удивилась Лола.

— Нравится, но я хочу вертеть головой, — объяснила Ниола, и русалка, как ни странно, удовлетворилась таким объяснением. Руку она сняла.

— Так что было дальше? — спросила Ниола, увидев деревья, костер и готовый лагерь.

— Понимаешь ли, — Вакс смущенно почесал в затылке, — дальше был какой-то хаос. Все были заняты тем, что отражались в многочисленных зеркалах. Не то чтобы с образованием двойников, это нет — но они показывали разное, какие-то странности. И с каждым зеркалом было так: показывает, показывает, а потом отваливается.

— Одним словом, — добавил подошедший к ним Рейко, — мы, конечно, видели битву двух гигантов, но так и не поняли, что в ней происходило. В книжках все отчетливо, в балладах вообще было бы: и поднял он первую приделанную русалками ножку... и поднял он вторую такую же ножку... — все в мельчайших подробностях. А на самом деле — какие

там ножки; вовсе ничего не разберешь.

— А когда все кончилось, — продолжал Вакс, — ты с неба шлепнулась. Одна. Куда пропал твой двойник — неизвестно.

— Может быть, — слабо улыбнулась Ниола, — пропала я, а двойник тут лежит.

— Это неважно, — терпеливо объяснила Лола, — вы одинаковые. Можно заменять.

Рейко между тем видел, о чем Ниола хочет спросить, и решил ее не мучить. Он сказал:

— Юши и Гараччи тоже остались каждый в одном экземпляре. На вопрос, как это вышло — они-то не стояли на спине у зеркального карпа и могли бы отследить — отвечают вовсе несуразное.

— Да где же несуразное? — разозлился подошедший Гараччи. Вид у него был потрепанный, но непобежденный. — Это ты дурак, не понимаешь самых простых вещей.

— Давай я попробую, — предложила Ниола, приподнимая голову, — итак, куда пропал твой двойник?

— Да елки, — Гараччи вздохнул, как бы давая понять, что все ему талдычат одно и то же, а он считает это несусветной глупостью. — Я просто ушел. — Он вынул зеркало. — Видишь? Вот.

— Это там ты? — растерянно спросила Ниола, не ожидавшая такого ответа.

— А кто же? Октет полногрудых русалок? — не выдержал Гараччи. — Ну что вы все как сбоку ударенные? Хотя, — он сменил гнев на милость, — ты, конечно, ушиблась... Ты выздоравливай. — Гараччи спрятал зеркало и пошел к костру.

— А Юши как? — тихо спросила Ниола.

— Ох, — вздохнул Вакс, — и не спрашивай. Он в людей зеркалами швыряется. — Заметив испуганный взгляд Ниолы, он добавил, — Да ты не волнуйся, он адекватный, во всем остальном совершенно не изменился. Но уж очень злится, что вокруг все такие дураки, так что ты его про исчезновение двойника лучше не пытай. Я бы, говорит, тут с ума сошел с вами, если бы не Гараччи.

— А как рука у Аччи? — спросила Ниола.

— Я пину наложил, — с гордостью ответил Рейко, — И придумал, как использовать магического ассистента! Даже двух: Мукта и Мяура. Рука у него болит пока, но кость срастается на глазах.

— По крайней мере, — вздохнула Ниола, — мы знаем, что ушел тот, у

кого рука не была перебита.

— Нет, нет! — замахали руками Вакс и Рейко, — там в Аччи камень отлетел какой-то из-под ног этих самых карпов, в общем, у обоих была перебита рука.

— Только у этого — правая, — приподнявшись на локте, испуганно сказала Ниола. — А у того была левая.

— А как им иначе смотреть друг на друга в зеркало? — удивилась Лола. Вакс, Рейко и Ниола обменялись взглядами.

Уйти от русалок оказалось не так просто: реальный радиус их влияния заметно превышал все возможные оценки, сделанные Ваксом с учетом тех или иных поправок. Капли дождя вдруг начинали заплетаться лентами и душить кого-нибудь из группы, предпочитая выбирать замыкающего: так, если бы Гараччи как-то раз не заметил вовремя отсутствия Юши, с ним было бы уже покончено. Вместо палаток теперь натягивали тент, под которым ложились все вместе, причем обязательно выставлялись двое сменных дежурных. А одним прекрасным утром с Рейко случился настоящий сердечный приступ, когда, спустившись к ручью за водой, он обнаружил там сидящего на толстой ветке гнutoго дерева профессора Майли. К счастью, Вакс и Ниола умели оказывать первую помощь в этом случае, а когда Рейко привели в чувство, он уже мог руководить дальнейшими действиями своих непрофессиональных сиделок. По настоянию Вакса каждый, кто шел за водой, обязательно брал теперь с собой Рейко, чтобы у того не развилась водобоязнь.

Они шли и шли, и настал момент, когда можно было сказать, что русалки уже неделю не проявлялись. Тогда управление маршрутом снова взял на себя недоучившийся географ Гараччи. Лола некоторое время протестовала, а когда уже не могло быть сомнений, что это ни к чему не приведет, надула губки и потребовала, чтобы Мукт ее утешал и шел с ней в обнимку. Мясур незаметно взял у Мукта несколько тяжелых вещей из рюкзака и переупаковал к себе, чтобы другу было легче справляться со своими новыми обязанностями. На самом деле выбор маршрута в лесу Лоле давался с трудом, работа эта ей не нравилась, поскольку не слишком получалась, и ее мало хвалили за это. Но все же ей хотелось считаться главной ведущей, а фактически ведет по карте пусть хоть Гараччи. Несмотря на то, что она много капризничала, а может быть, как раз по этой причине, Мукт заметно привязывался к ней все сильнее. Его

уже и впрямь задевало, когда Лола засматривалась на Мяура, Вакса или Рейко; как бы то ни было, пока что он с ними не ссорился.

Лола не участвовала в дежурствах, но в очередь Мукта часто просыпалась и сидела с ним, занимая его собой. Мяур стойчески выдерживал это, хоть и должен был брать на себя все обязанности обоих дежурных. Лола, разумеется, не занималась костром и запрещала это Мукту: ведь огонь — это большая гадость, Мукт из-за него чуть не умер, так что теперь Лола ненавидит все, что связано с огнем, и беспокоится за любимого. Мукт вздыхал, печалился, но, не желая огорчать маленькую русалку, держался от пламени как можно дальше, и только изредка подбрасывал в костер ветку-другую, если был уверен, что Лола не видит. Неожиданно, однако, у Лолы открылись кулинарные способности: она одна во всей компании разбиралась в приправах, добываемых со дна мелких водоемов. Даже Гараччи с уважением почесывал в затылке, глядя, как Лола, начинавшая и бросавшая все дела по капризу — да и делала она их обычно спустя рукава — как та самая Лола сидела над горсткой водных растений и водорослей со дна застоявшегося ручья, кропотливо перебирая свою добычу, по несколько часов кряду. Пару раз Ниола заставала Лолу с заплаканными глазами над собранием мокрых трав. Поначалу девушка думала, что маленькой русалке не дается амбициозный кулинарный проект, о чем та, вопреки русалочьему обыкновению, научилась догадываться заранее, и вот теперь плачет. Но ехидный голос в ее голове — кажется, так начинается душевная болезнь шизофрения? — информировал Ниолу, что по всем внешним признакам бестолковому теологу должно быть очевидно, что бывшая лорелейка пробует применить русалочье любовное колдовство, а оно-де, безобразие эдакое, плесневелая мокрятина из-под засохшего доисторического фекалоида, никак не позволяет применить себя в бесхвостном режиме. Ниола крутила головой — что за ерунда? Мукт и без того совершенно покорен, влюблен и очарован, зачем бы это бедняжке стараться? — и уходила на цыпочках, не желая беспокоить расстроенную русалку.

Юши тем временем нашел себе партнера по фехтованию и сражался с ним на мечях. Это произошло почти что само собой. Юши проснулся утром, в дежурство Рейко и Ниолы, и отправился в лес, чтобы облегчиться. Совершив это, он решил пройти еще немного на север, чтобы рассмотреть ближе какой-то черный холм, видневшийся из-за веток — что, если это и есть холм Нви, о котором говорилось в пророчестве?

Раздвигая ветки, Юши вышел на опушку. Огромного роста существо в шлеме с рогами и в черной кольчуге из отдельных пластин уже спешивалось с коня, ожидая соперника. Оно говорило по-человечески. Оно представилось “бобрыцарем” и спросило, признает ли Юши абсолютное превосходство дамы его, бобрыцаря, сердца над всеми прочими дамами, мыслимыми и немыслимыми. Юши разумно возразил, что на этот вопрос нельзя отвечать так сразу, нахрапом: он, Юши, должен сначала это проверить. Бобрыцарь взревел в бешенстве, обозвал Юши охальником, блудником и дерзким мальчишкой и двинулся на него со своим мечом. Юши, огорченный тем, что его, очевидно, неправильно поняли, остановил бобрыцаря и принялся было ему объяснять, что он, бобрыцарь, как существо, способное логически мыслить, должен был бы согласиться, что для ответственного суждения, положительного или отрицательного, Юши здесь не хватает информации. Вот если бы бобрыцарь попросил его признать превосходство дамы сердца бобрыцаря над дамой сердца одного только Юши, тогда он, Юши, легко исполнил бы эту просьбу, поскольку, строго говоря, дамы сердца у Юши нет, а значит, если рассуждать логически, любое утверждение, сделанное о ней, верно. До этого места бобрыцарь слушал Юши достаточно благосклонно и даже кивал головой в нужных местах. Обрадованный успехом, Юши продолжал, что, с другой стороны, если и у бобрыцаря на самом деле нет дамы сердца, то Юши по той же причине готов признать ее превосходство над всеми женщинами, мужчинами, животными, растениями, а также неодушевленными предметами... К сожалению, этого бобрыцарь уже не понял. Впрочем, несмотря на ослеплявший его гнев, у бобрыцаря хватило наблюдательности, чтобы заметить, что у Юши нет при себе оружия, так что он бросил ему свой меч, а себе взял другой, видимо, запасной, отцепив его от седла. Лишних доспехов, однако, у него не было; соблюдая неведомый, но понятный Юши этический кодекс, бобрыцарь снял свои доспехи, шлем и кольчугу. Юши испытал крайнюю неловкость, увидев, что бобрыцарь как две капли воды похож на него самого, и даже спросил: “Что? Опять?!” — но противник успокоил его, объяснив, что перед тем, как его посвятили в бобрыцари, он был болотным тинником, и его настоящее обличье не позволяет ему вызывать на бой других бобрыцарей, так что он всегда выходит из положения именно этим способом. Фехтование на мечах (а это совсем другое дело, чем когда тебя стремятся отколошматить безо всяких правил две кочерги), как всегда, очистило голову от мыслей, освободило сердце от лишних эмоций, сняло с ушей суету и

ажитоаж. Юши как будто плыл в море ясности, выполняя фигуру за фигурой. Ему нравилось разнообразие: Бросок Водной Змеи, Растревоженной Солнцем или Поворот Шеи Сангвиника невозможно совершить посредством его любимой рапиры, а гибкое лезвие узкого плоского меча, попавшего в его руки таким необычным способом, годилось для этого идеально. Он не думал о сопернике, не пытался сознательно предугадать его движения: ничего не существовало вокруг Юши, кроме танца двух лезвий, из которых одно возникло когда-то как продолжение его руки, а другое — как его необходимый партнер.

— Как красиво! — раздался высокий голос.

Всегда неприятно, когда тебя тащат за волосы из моря ясности.

— Лола, — сказал Юши, опуская меч, — ступай назад к костру. Мукт скоро проснется.

Противник его, со своей стороны, восхищенно смотрел на Лолу, при этом несколько съеживаясь и обрастая тинной.

— Прекрасная дама, — проговорил он с комично чавкающим призывом, — позвольте мне быть вашим бобрыцарем!

— А как это? — благосклонно спросила Лола, разумеется, совершенно игнорируя Юши.

— Я буду провозглашать вас прекраснейшей дамой на всем белом свете и требовать от других бобрыцарей признания вашего превосходства! — объявил болотный тинник, в облике которого уже совсем ничего не осталось от Юши, отчего последний сразу почувствовал облегчение. — А если буду иметь честь лицезреть вас — может быть, вы вознаградите мои старания, протянув мне ручку для поцелуя!

— Хорошо, — кивнула Лола и протянула тиннику ручку, которую тот облобызал с хрюкающими звуками. — Хочешь ножку? — поглядев на это, спросила она.

Ясное дело, тинник с чрезвычайным тщанием облобызал и ножку, и другую ножку, прыгая вокруг них уже совсем по-собачьи. Лола как будто выбирала, что ему предложить следующим ходом, но, оглянувшись на Юши и быстро рассчитав что-то в голове (или где они это рассчитывают?), передумала.

— Можешь недолго проводить меня, — сказала она, — но не до самой стоянки.

Тот закивал и побежал за Лолой, даже не оглядываясь на лошадь, доспехи и кольчугу; Юши ничего не оставалось, как положить рядом с этими брошенными сокровищами чужой меч и пойти следом. По дороге Лола

расспрашивала тинника о здешних местах; как существа водяные (а точнее, в первую очередь земляные и во вторую водяные, если верить трупу доктора Майли), они явно говорили на своем особенном языке, несмотря на то, что говорили по-человечески. Тинник рассказал ей, что в здешних владениях нет лорелей, потому что якобы все они зачахли от любви к Принцу-Тритону, а его основная резиденция находится в озере, где он разводит для своего здорового питания головастика. Лола спросила, кто таков Принц-Тритон по крови, не донник ли; тинник подтвердил, что, точно, донник, причем по музыкальной части, так что он не один, а при нем есть целый квартет. Сам Принц — донник-дудочник. Тут Лола велела тиннику передать Принцу весьма невнятное сообщение, что-то вроде того, что дудка принца-донника ее заинтересовала, и отпустила его к его лошади. Лола и Юши пошли дальше и пришли на стоянку. Мукт, уже давно проснувшийся, радостно бросился им навстречу и поднял Лолу на руки. Она улыбнулась и приложила руку к его губам. Оказалось, самое важное, что выяснилось этим утром — это подробность об озере, в котором Принц Тритон разводит головастика. Дело в том, что на карте Гараччи было отмечено Головастое озеро в том месте, которое согласовывалось с окрестным рельефом — а значит, они почти наверняка знали, где они находятся. Более того: если верить козлолаку, белое пятно, внутри которого следует искать холм Нви, начинается сразу за озером. Оставалось всего дней пять пути.

Если бы Лола была человеком, можно было бы сказать, что она сделалась нервной. Она подолгу возилась со своими травами и в конце концов стала требовать помощи от Ниолы. Тогда Ниола спросила напрямую, чем это Лола занимается: ей-де ясно видно, что речь идет не о приправах. Лола посмотрела на нее, прикидывая что-то в уме, и ответила:

— Я хочу сделать колдовство для любви. Любовное колдовство.

— Зачем, Лола? — спросила Ниола. — Мукт ведь и так...

— Не Мукт, — ответила Лола. — Другие.

— Кто?

— Вакс, Рейко, Гараччи... — начала перечислять Лола...

— Лола! Зачем? — потрясенно спросила Ниола.

— Так нужно, — раздраженно ответила Лола. — Давай делать скорее.

Идет время.

— Лола, объясни мне, пожалуйста, для чего тебе, чтобы в тебя влюбились все мальчики...

— И ты, — кивнула Лола. — Все вообще.

Ниола смотрела на нее, широко раскрыв глаза, и не находила слов.

— Я не понимаю, зачем вы идете, зачем холм Нви, — объяснила Лола, видя, что дело не двигается с места. — Я не понимаю почти ничего, когда говорят. Мне нужно понимать.

— Ты все лучше и лучше знаешь язык, и понимаешь гораздо больше... — начала было Ниола.

— Нет, — перебила ее Лола. — Вы говорите про непонятное. Когда говорите Вакс и Юши и ты, трое между собой — ничего не понятно. Я не могу даже запоминать.

— А каким образом твое зелье сделает наши разговоры понятнее для тебя? — Ниола прижала указательные пальцы к вискам. Нельзя сказать, чтобы она сама хоть что-нибудь понимала.

— Вы будете говорить обо мне, — просто сказала Лола. — Мне всегда понятно, когда так.

Ниола с большим трудом выговорила себе увольнительную: дескать, невозможно, Мукт будет расстроен, все остальные тоже будут страдать. Лола возражала, что “это ревность”, что “так надо” и что “это всегда”, но в конце концов сказала: “Ладно. Ты уходи. Мне поможет Мукт”.

Помог Лоле Мукт или нет, непохоже было, чтобы зелье сработало. По-видимому, отчаявшись разобраться с целью похода, Лола решила его возглавить. На другой же день на привале она потребовала признания, что это она всех спасла от “лол” на озере, и она же раздобыла важнейшую информацию об озере Головастое. Путешественники согласились это признать. Значит, победно провозгласила Лола, она и есть настоящий командир экспедиции. На это никто ничего не ответил. Но Лола не отставала, и в конце концов ей предложили быть идейным вдохновителем. Это ей понравилось.

— Я буду знаменосец, — сказала она.

Вакс про себя выругался, проклиная идею Юши накануне перед сном поговорить о современных родах войск, и сказал:

— А знамени-то у нас и нет.

— Я сошью знамя, — сказала Лола. — Я быстро. Мукт мне поможет.

— А что? — фальшиво обрадовался Рейко. — Маленькое такое знамя, как столовая салфетка, неплохо и даже стильно.

— Нет. Будет большое знамя. Как настоящее, — не согласилась Лола.

— Но, Лола, настоящее знамя — тяжелое, — вмешалась Ниола. — Настоящее знамя несут обеими руками. Разве ты этого хочешь? Нам ведь еще

долго идти.

— Нет, — решила Лола. — Знамя понесет Мукт. Он будет помощник знаменосца.

На это ни у кого не нашлось возражений. Когда знамя было готово, половину вещей Мукта распределили по всем рюкзакам. Мукт торжественно нес знамя двумя руками, а рядом с ним шагала Лола, гордо подняв голову и поглядывая на свое окружение свысока. Впрочем, это ей скоро наскучило. Знамя с вышитой на нем русалкой было засунуто к Мукту в рюкзак, и тот снова шел с любимой в обнимку.

Поход даже Мяура научил осторожности: встретив заросли малины, распространявшей запах миндаля, он вынул свои приборы и констатировал чрезвычайно высокое содержание цианидов. К сожалению, урок был усвоен Мяуром все же недостаточно основательно, поскольку, натолкнувшись через несколько шагов на маленькую девочку с круглым румяным лицом, поглощавшую эту малину отовсюду, где только могла достать, будущий маг оттащил ее от кустов за шиворот, запретил ей есть малину и попытался убедить дождаться доктора Рейко, который сможет ее спасти. В ответ на это девочка превратилась в громадного медведя и не свернула Мяуру шею только потому, что ее испугал топот многих ног и громкие голоса подоспевших путешественников. Она, однако, немного помяла его и кинула в малиновые кусты, так что это ему пришлось дожидаться помощи доктора Рейко — который, к слову, объяснил ему, что смертельный ион хорошо связывается сахаром, так что, если малина достаточно сладкая, девочка могла и не почувствовать никакой ядовитости. История с Мяуром задержала продвижение группы еще на два дня.

Лола полюбила купаться. Благо на пути лежала череда озер, мелких и покрупнее, она стала проводить в воде все больше и больше времени. Иногда она брала с собой Мукта, но чаще заявляла, что ей нужно побыть одной. Если необходимость побыть одной настигала ее прямо в дороге, приходилось устраивать привал: такие ритуалы, неизвестно почему, очень нравились Лоле. Юши несколько раз замечал тинника в камышах или даже на лугу в высокой траве; тот прикладывал палец к губам, Юши пожимал плечами и шел дальше. Он знал, что тинник служит Лоле, и эта информация не представляла для него интереса.

Наконец дошли до большого озера. Остановились на ночь, наловили

рыбы и раков. Было странно стоять так близко от воды и не думать о русалках — разумеется, кроме Лолы, которая не любила, чтобы о ней не думали. Рейко сделался чрезвычайно мрачен. Вакс и Юши решили было, что он вспоминает профессора Майли, и не спрашивали его ни о чем, Однако по дороге за дровами, куда они отправились втроем, Рейко признался сам.

— У меня был этот... приступ, — сказал он ни на кого не глядя. — Ну, припадок. Я, короче, нам напороочил.

— Не понял, — сказал Вакс.

— Ты изъясняешься, как русалочка, — сказал Юши.

— А! — Рейко махнул рукой. — Прав Аччи, что там толковать вам, дуракам...

— Ну ты уж просвети нас, убогих, — серьезно попросил Вакс. — Давай по порядку. Когда ты, как ты говоришь, нам напороочил?

— На днях. Не помню точно. Луна была узкая, нарастала.

— А сейчас она почти полная, — заметил Юши. — Значит, давно.

— Давно, — Рейко отозвался как будто эхом.

— Ты, того... сделай нас гнифами, будь другом, — попросил Вакс. Он уже не сомневался, что дело нешуточное.

— Да вы и так... ладно, скажу, только мне и выговаривать это не хочется.

— Рейко потер ладонью лоб и начал:

*Что ж вы ходите, деточки,
Что ж вы ветки ломаете,
Опоздаете, едучи
Мимо лета по наледи,*

*Будет вам по беспечности,
Прячьте головы в памяти,
Время лечит — не лечится,
Одного потеряете,*

*Счетом сердца и печени
По артерии наискось
Сосчитайтесь, беспечные,
Только недосчитаетесь.*

— Мда, — сказал Юши после большой паузы. — А вроде бы не такие

мы и беспечные. Может, это не нам адресовано?

— А кому же? — спросил Вакс.

— Ну, не знаю. Русалкам, — Юши пожал плечами, разворачиваясь к Ваксу лицом. Ветка, которую он при этом задел, неуклюже треснула.

— То-то они все ходят и ломают ветки, — усмехнулся Вакс.

Рейко молчал.

— Не горюй, друг, — хлопнул его по плечу Юши, — еще ничего не случилось. Некоторые эксперты полагают, что можно менять будущее.

— А меняли уже? — оживился Рейко.

— Наверное, да, — ответил Юши, — но, понимаешь, это же все засекречено. Так что отчетов я тебе тут наизусть не зачитаю. Ну не зря же они так считают! — добавил он, увидев, что Рейко мрачнеет снова. — Без оснований такие вещи серьезные люди не говорят.

Вакс вдруг понял, о чем думает Юши. Юши думает холодно, деловито: что бы ни случилось, нельзя допустить, чтобы это была Ниола. Это было бы непростительно невежливо; вероятно, лирита Шиу, узнав о подобном, на целую секунду или даже на полторы сморщила бы свой нос. Имя не названо, степень свободы есть. Значит, нужно быть рядом, и в случае чего занять ее место. О чем думает Рейко, долго гадать не приходится. Рейко думает, что надо быть начеку, когда наступит время стать тем самым, кого они недосчитаются. Рейко чувствует свою вину на пустом месте, и с этим ничего не сделаешь. А ему, Ваксу, о чем подумать? Вероятно, о том, что для него это рутина. Разве он не хотел бы стать на место меритессы Ленно, Ленно с невозможными глазами, каких никогда больше не встречал и не встретишь, Ленно, которая успела побыть меритессой где-то дня два с половиной? Но он был далеко, хотя, конечно, спасибо и на том. Это лучше, чем не успеть, находясь в двух шагах.

Найдя сухой ствол, они притащили его назад к озеру, где шло живое обсуждение важной новости. Лола объявила, что она не пойдет дальше — будет ждать у этого озера. Мукт думал было и сам остаться с ней, но Лола, немного помучив его, заявила лукаво, что он ее уже выбрал, а вот ей, Лоле, еще нужно принять решение. В этом озере живет болотный тинник, который ухаживает за ней, и он сделал ей предложение остаться с ним навсегда. И вот она сейчас в затруднении — тинник или Мукт. Юши про себя усмехнулся: хитрый ход, и не заподозришь. Дело-то было не в тиннике, а в доннике. Хотя, впрочем, разве Мукту не все равно, тинник или донник — уж он-то их точно не различает! И тут Юши осенило.

— Рейко! — крикнул он. — Смотри, как все просто! Лола и есть та, кого мы недосчитаемся!

Рейко обернулся на его голос и вдруг расхохотался немного истеричным, но совершенно счастливым смехом. Дальше были обиды — сперва Лолы, потом и Мукта — за ними последовали разъяснения, после которых Лола приняла важный вид и уверенно подтвердила, что в пророчестве говорилось именно о ней, поскольку о ней постоянно что-нибудь пророчат, так уж получается, она сама не знает, почему все о ней да о ней. Мукт сказал, что он знает, и долгим взглядом посмотрел ей в глаза. Лола спросила, вернется ли он к ней после того, как найдет свой холм Нви, Мукт пообещал это со всей горячностью, но Лола тут же слегка охладила его пыл, заметив, что она вообще-то может за это время предпочесть тинника. Но пусть все-таки он идет, а потом возвращается. На том и порешили.

Мукт и Лола устроили себе под луной ночь прощания. Наутро у Мукта были круги под глазами, конечности немного тряслись, но выражение лица у него было вполне счастливое. Похоже, он не сомневался, что его предпочтут в конце концов тиннику. Не сомневался в этом и Юши. Лола еще раз помахала всем рукой, и плавно, по-русалочьи, нырнула в воду. — Красивая девушка, — улыбнулся Рейко.

Мукт сделал было строгое лицо, но тут же добродушно усмехнулся и подмигнул приятелю.

Еще до первого привала они отметили странность. Земля дышала. Прямо под ногами — медленно, но неотвратно — менялся ландшафт.

— Круто! — восхитился Гараччи. — Смотрите, тут холм растет! А тут какое-то прямо бурление. Я так и думал, что белое пятно здесь неспроста!

— Ну да, — согласился Юши, — видно, карту здесь и не нарисуешь.

— А что, — спросил Мяур, — если этот холм Нви взял, да и разгладился?

— Значит, пророчество не исполнится, — пожал плечами Гараччи. — Как там было сказано?

Рейко не хотелось вспоминать дурацкие пророчества, хватит с него, честное слово. Он ушел вперед, любуясь цветами — как они-то выживают на таких почвах? Вот, они идут всего пять часов с небольшим, а ведь за это время рельеф изменился до неузнаваемости; какие-то отрезки пути вытянулись, какие-то сократились; он мог бы поручиться, что дорога назад сейчас была бы гораздо длинней. Хотя, конечно, все еще сто раз поменяется...

Мукт, как выяснилось, давно хотел поболтать с Ниолой — под нежным надзором Лолы об этом не могло быть и речи. Первым делом он принялся расспрашивать ее об огневичках: сам он знал о них очень мало, присоединиться к ним в той или иной форме уже несколько не хотел, но имя “Вейя” до сих пор произносил с запинкой. Ниола честно призналась, что в поведении Вейи для нее тоже было много неожиданного; огневичка, вопреки уверениям профессора Майли, показалась ей существом самостоятельным и очень умным, причем именно что своим умом. А также, увы, обладающим весьма мрачным и безжалостным чувством юмора. Она, Ниола, никогда бы не смогла поступить вот так — после всего, что пережил Рейко, явиться ему в виде профессора Майли. Мукт на это ничего не сказал. Тут к ним присоединился Мяр, они с Муктом стали вспоминать, как учились, а точнее, нарушали инструкции в своем училище, и хохотали все трое так, что изменчивые горы на горизонте откликнулись на это причудливым эхом.

Вакс и Юши говорили о том, в каких текстах упоминалась вот такая зыбучая земля — не просто полигоны с лютующей сырой магией, а плавно, как бы под рукой садовника, меняющийся ландшафт. Садовник всплыл потому, что первый и главный такой текст, “Сад Движущихся Корней”, упоминает о регулирующем весь этот процесс садовнике Кейли, “жестоким садовнике”. Правда, эксперты сходились на том, что садовник Кейли — аллегория или одно из воплощений самой Смерти. Но здешние места совсем не напоминали личные владения Смерти, о которых и Вакс, и Юши знали не понаслышке.

Гараччи, нескладный, как длинноногая птица на суше, задерживался то там, то здесь, совал ногу в какие-то ручьи и ямы, чтобы почувствовать изменения; однажды еле успел выдернуть ее из песка, превращавшегося в болото. Потом он догнал Рейко. Какое-то время они шли молча.

— Я бы хотел, — нарушил молчание Гараччи, — чтобы все дороги были такими. По крайней мере. те, по которым хожу я. Знаешь, бабы — хорошо, всякая занятная магия — хорошо, но вот здесь-то, скажи? — взаправду весело.

— Мне тоже нравится, — пожал плечами Рейко, — а про тебя бы не подумал.

— Что так? — удивился Гараччи.

— Да странно ведь оно для географа. Карту не нарисуешь... — Рейко таким взглядом оглядел небо, готовившееся к закату, как будто и на нем ожидал увидеть смену небесных ландшафтов.

— А ты знаешь, — помолчав, сказал Гараччи, — географы раньше были как раз такими.

— Какими? — не понял Рейко.

— Ну, земля ведь двигалась. Все менялось. Она, наверное, создавалась, или я не знаю — какая разница. Географ вроде как помогал земле найти то состояние, в котором она хочет быть. И рисовал для нее карту. Если карта срабатывала — земля ложилась так, как ей и предписано. Если нет — тогда географ...

— Что географ? — спросил Рейко.

— Ну... проваливался, например, куда-нибудь. Он не справился, соответственно, земля хотела ему показать, что он был неправ.

— А ты откуда это знаешь? — Рейко остановился, пораженный странной прагматичностью подобного инженерного решения.

— Дед рассказывал... — неопределенно махнул рукой Гараччи. И добавил, — ты можешь не верить, я и сам не очень-то верил. Вот до этого самого момента. Мне хорошо здесь. Может, я и недоучка... но я именно что географ. По праву рождения — вот.

— Так тебе же нравится, — поддел его Рейко. — То есть, ты не хочешь рисовать ей карту, не хочешь, чтобы она успокаивалась.

— А она сама не хочет пока успокаиваться, — объяснил Гараччи. — Ждет чего-то.

— Под ноги смотри, — пропищали из-под его ботинка. — Как это вас, дылд двуногих, так быстро делают? Куда ни пойдешь, эти уже там топчутся.

Гараччи встал на пятки и медленно отступил назад. Довольно крупный муравей с длинным хоботком выпрямился из-под его ноги и глядел на него сердито.

— Виноват, — сказал Гараччи. — А вы что, здесь живете?

— Сам здесь живи, если нравится, — буркнул муравей. — Наш город дальше по курсу, по крайней мере, если смотреть отсюда сейчас.

— А как он держится на месте? — спросил Рейко. — Все же ходит у вас ходуном.

— Все ходит, все движется, но неподвижно стоит великий холм Нви! — пропищал муравей, очевидно, что-то цитируя.

Гараччи и Рейко переглянулись.

— Приятель, — начал Гараччи, — уважаемый муравей! Не могли бы вы нас, эээ... сопроводить до холма Нви?

— Сами дойдете, — невежливый муравей юркнул в трещину, внезапно

открывшуюся в земле, и исчез с глаз.

Друзья, окруженные близостью цели, решили, однако, остановиться и подождать остальных. В меняющемся рельефе разминуться можно надолго. В самом деле: хотя Ниола, Мяр и Мукт догнали их очень скоро, Юши с Ваксом пришлось ждать более часа. Последние при этом утверждали, что ни разу не потеряли из виду Ниолу, Мукта и Мяр. Узнав новости, все приободрилось, а Ниола сказала:

— Кто бы мог подумать, что великий холм Нви — это просто-напросто муравейник?

Великий холм Нви оказался большим муравейником: где-то вполовину человеческого роста. Несмотря на все попытки наладить контакт, муравьи, сновавшие туда-сюда в его окрестностях, по-человечески не разговаривали, а вот укусы их оказались довольно болезненными. Обойдя его несколько раз, исходив все окрестности вплоть до границы тех мест, где земля не менялась, путники приуныли. Никакого “места силы” и вообще ничего интересного не наблюдалось. Муравейник как муравейник. Правда, большой.

— Аччи, — позвал Вакс, — что делаем? Ты лидер группы.

— Уходим, — мрачно ответил Гараччи. — Хотя какой я, к свиньям, лидер.

— А мне понравилось, — возразил Рейко. — Нет, правда. Никогда в жизни мне не было так интересно.

Гараччи сделал знак, чтобы его не утешали, поскольку он безутешен, и пошел назад к озеру, не разбирая дороги. В самом деле несколько безответственное поведение для лидера, подумал Вакс — но что взять с географа. Они шли и шли, и все никак не могли потерять великий холм Нви из виду, а в небе между тем уже наступал закат. Не могло быть и речи о том, чтобы успеть назад до темноты, но и на ночлег оставаться было негде — трудно выбрать между движущейся землей и территорией огромного муравейника. Было более или менее ясно, что придется идти всю ночь, хотя вслух об этом не говорили.

— А давайте еще здесь погуляем? Просто так? — вдруг предложил Мукт.

— Побродим, походим, может, найдется еще какой-нибудь кусок неподвижной земли, только без муравьев.

— Давайте, — Гараччи сразу схватился за это предложение, — гулять так гулять!

Их тянуло в сторону солнца, и они с легким сердцем пошли на закат. Разочарование ушло, тяжесть взятого на себя обязательства испарилась

— рюкзаки, правда, еще тянули к земле. Не то, чтобы это было совсем неважно — но это оказалось немного по сравнению с той тяжестью, с какой чувство долга садится на шею. Мяр, Мукт и Ниола снова хохотали, теперь уже над какой-то теологической шуткой, Вакс и Юши, подслушав ее краем уха, тоже веселились; Рейко и Гараччи, взявшись за руки, орали дурными голосами какие-то детские вирши из подворотни, не то частушки, не то считалки.

*Я железный автомат,
Ты из бездны автомат,
Кто попробует нас тронуть,
Будет сам тому не рад!*

*Нужно знать свои права,
Нужно ведать, что внутри,
Сердце раз, а печень два,
Красный край у глаза три,*

*Нас немного в этом мире,
Волосы в носу четыре,
Ухо пять, другое шесть,
Сколько было, сколько есть...*

Гараччи от чувств шваркнул ногой об пол, желая выбивать такт, и тут оказалось, что они ступили на место силы. Красная под закатным солнцем земля вздыбилась, плеснула пеной, проросла высокими скалами. Никто не устоял на ногах; все прижались лицом к быстро меняющейся земле, скалы подняли их на три-четыре человеческих роста вверх, после еще на тридцать, и они цеплялись за камни, которые то отламывались, чтобы разбиться оземь, то уходили внутрь скалы, как если б хотели замуровать в ней людей. Юши вспомнил — Ниола! — выцепил ее взглядом и полез за ней дальше наверх. Рейко и Гараччи, наоборот, съезжали по наледи; “между прочим, совершенно неуместная вещь летом” — холодно, отстраненно думал Рейко. Внутри себя он был абсолютно спокоен, хотя где-то в верхних слоях проскальзывала иногда дикая, обезумевшая надежда, щекотала ноздри, приходя запахом во плоти, но и там, в тех верхних слоях, он был уверен, что сумеет исполнить свой долг. Правда, когда он заговорил вслух, голос его предательски дрогнул:

— Аччи, что ты делаешь?

— Вот это, — задумчиво ответил Гараччи, как если бы вокруг была твердая земля и на ней паслись прелестные козочки, с сожалением сминая губами хорошенькие цветочки, — вот это я хотел бы нарисовать.

Так он и сделал — стал рисовать пальцем на льду, так что держался одной рукой. Он медленно съезжал вниз, чем был совершенно доволен: так и нужно было, чтобы продолжать карту. Потом он стал съезжать все быстрее.

— Аччи! — кричали ему.

Только его имя, и оно должно было ему сказать: брось рисовать на льду, ты рехнулся, держись двумя руками, вот же у тебя под рукой удобный камень, а, нет, проехал, вот еще лучше...

Он заскользил сильнее, попытался нащупать на шее артефакт, фыркнул, вспомнив, что так и оставил его у Ниолы, в суматохе дней все о нем позабыли; поднял глаза, встретился взглядом с Ниолой, улыбнулся ее отчаянью, на всякий случай подмигнул ей — и полетел вниз.

Этим он поставил точку в своем рисунке. Когда он упал, земля стала меняться в последний раз, так что, когда Ниола спрыгнула со своей огромной высоты, она приземлилась, пролетев всего два метра.

Ниола не обратила внимания на перемены. Она наклонилась над Гараччи, послушала его сердце. Взялась рукой за лоб. Встала на ноги. Прюделав все это, Ниола страшно закричала. Она кричала так, как человек кричать не может. Скоро у нее пошла горлом кровь. Все подошли к ней; Рейко на ходу доставал медицинские инструменты. Но Ниола не захотела лечиться, вместо этого она взлетела высоко — именно с такой высоты падал географ — и, видимо, отказавшись от левитации, рухнула вниз. Однако, артефакт Гараччи — звездный диск — самопроизвольно завращавшись, устроил что-то вроде воздушной подушки, поддерживавшей Ниолу, пока она плавно опускалась по воздуху, рядом с тем местом, где лежало странно изломанное тело.

Когда Ниола опустилась на землю, голос в ней закончился. Рейко, Мюр и Мукт остановили кровь на расстоянии, не подходя к ней. Теперь она лежала молча и смотрела вверх. Вакс сел рядом. Он сказал, как бы ни к кому не обращаясь, негромко и ласково:

— Аччи рисовал карту пальцем по льду. Теперь эта карта выбита в камне. Так само получилось. Под камнем ниша. Он может спать там. И нам надо написать несколько слов.

Откуда-то у Ниолы снова взялся голос. Она сказала:

— Я не хочу.

Встала — почти взлетела — протянула руку, не касаясь тела Гараччи, и оно поднялось, лежа на воздухе, как на кровати. Ниола как будто сшивала его взглядом, и оно становилось прежним: срастались переломы, закрывались раны; как головоломка, сложился из мелких осколков кости раздробленный череп. Тело стало прежним, но оно оставалось мертвым. Ниола тогда закрыла лицо руками и стала плакать — обыкновенно, просто, как плачет очень несчастная девушка.

Мужчины тихо зашевелились, стали делать какое-то дело. Изнутри головы Ниолу окликнул голос:

— Ниола! Эй!

— Уходи, — ответила Ниола.

— У меня нет ног, — заметил голос.

— А мне нет до тебя дела, — сказала Ниола, безжалостная к собственному любопытству.

— Мое дело — предупредить тебя об ошибочности решения, которое ты готовишься принять.

— Ты предупредил. Уходи.

— Придется повторить: ты хочешь невозможного. Гараччи нельзя вернуть из владений Лоры в мир живых.

— Лора, — Ниола откликнулась эхом. — Мне нужно поговорить с ней.

— Лора не заглядывает в этот мир.

— Значит, мне нужно в тот.

— Попробую в третий раз, — сказал голос, в котором не прочитывалось эмоций. — Кривые, окольные пути, о которых ты думаешь, хороши не для всех. Если ты выведешь Гараччи по ним в мир живых, “спасибо” ты не услышишь.

— Мне не нужно его спасибо, — ответила Ниола. — Мне нужно, чтобы он был живой. Это все.

— Это невозможно, — без выражения ответил голос.

Нियोла дотронулась пальцами до звездного диска; он пульсировал и был теплым. “Значит, ты можешь говорить и можешь быть теплым, — подумала Ниола. — Мне нужен холод.”

Нियोла подошла к камню. Посмотрела на карту — рисунок Гараччи. Узнала почерк Рейко под ней:

“Здесь лежит Гараччи, географ по праву рождения и смерти”.

Губы ее шевельнулись в улыбке: Рейко тоже писал это пальцем, а надпись получилась выбитой в камне.

Она обошла камень и встала напротив ниши, где лежало тело Гараччи. Сдержала желание поцеловать его в губы или хотя бы в лоб. Подняла руку, разжала пальцы. Тело покрылось изморозью; мгновение спустя изморозь сошла. Теперь Аччи стал практически каменным, разложение его не коснется. С сего дня началась работа. Аччи должен вернуться в мир.

Ниола покинула камень, прошла семь легких шагов и оказалась у холма Нви. Она сложила руки на груди и смотрела, как муравьи выходят к ней, совсем по-человечески кланяются, становясь на заднюю пару ног. Это лишнее — но пусть действуют, как привыкли.

— Для уроженцев великого холма Нви настал великий день, госпожа, — прозвучал внутри головы муравьиный писк коммуниканта. — К нам вернулись Цель и Служение.

— Мне нужны знания о дорогах мертвых, — сказала Ниола.

— Без всякого сомнения, госпожа, — еще раз поклонился коммуникант.

— Наш народ ошибался и умирал лишь на тех из них, что идут под землей.

— Если так, — решила Ниола, — с них и начнем.

Совет держали, не дождавшись Ниолы — было похоже, что покамест ей тяжелы и встречи, и разговоры. Аккуратный Юши коротким движением ладони срезал кусок скалы — получилось ровное плато площадью в половину восьмой доли Головастого озера. Мяур и Мукт, хихикая, засеяли небольшой круг щепками и вырастили семь удобных деревянных кресел. Почему их семь, никто не спросил. Кресла росли прямо из скалы, как грибы из земли.

— Лучше сидеть у огня, — рассеянно сказал Рейко.

Мукт щелкнул пальцами, от чего в месте щелчка расцвел разноцветный цветок пламени, и посадил этот цветок в центре круга. Он тут же разросся и стал настоящим костром — правда, этот костер горел без дров. Когда все расселись, Вакс сказал:

— Очередность устанавливает лидер группы. Я буду говорить первым, думаю, Гараччи дал бы мне слово — если, конечно, нет возражений.

Возражений не было.

— Итак, мы с полным правом можем сказать, что судьба посмеялась над нами. Аччи повел нас искать магов, равных по силе магам древности — и мы нашли себя сами, а его потеряли. Аччи активировал место силы, оно узнало нас, и мы стали его частью. Мы с Муктом и Мяуром нарастили шкалу их магометру — но он продолжает ломаться, какой предел

ему ни поставь. Это значит, что — во всяком случае, эффективно — это месторождение сырой магии неисчерпаемо.

Рейко поднял голову:

— Как такое могло возникнуть?

— Здесь есть над чем подумать, — ответил Вакс.

— А нет такого, чтоб мы теперь были привязаны к этому месту? — спросил Юши.

— Не думаю, — ответил Вакс.

— Нет, конечно, — сказал Мяур, — ты, Юши, видно, еще не пробовал левитировать. Если пересечь границу, ничего не меняется.

Юши тут же извинился и попросил разрешения это проверить, чтобы, как он выразился, уточнить эффект. Получив разрешение, он поднялся в воздух, исчез в сумеречном небе и спустя полминуты вернулся обратно.

— Убедился? — спросил Мяур.

— Да... — ответил Юши... — Я там воздвиг статую у границы, где-то в три человеческих роста. Не знаю — может, это и глупо...

— Ты там Аччи поставил? — спросил Рейко.

— Аччи, который рисует карту, — кивнул Юши, — а на карте есть, в частности, он же, рисующий карту, и так до бесконечности.

— Вот почему тебя так долго не было, — понял Мукт.

— Ты сделал мощный артефакт, — задумчиво проговорил Вакс, — с такой рекурсией...

— А нельзя ли сегодня без технических подробностей? — раздраженно спросил Рейко. — Аччи там должен быть, вот и все.

— Вот об этом я и хотел сказать, — усмехнулся Вакс. — Спасибо, Рейко. Если коротко, не стоит уходить в отрицание. Мы многое можем, но очень мало об этом знаем. Нам нужно учиться. И с этим должны быть совместны любые дальнейшие планы.

— Ах, да. Планы, — без выражения сказал Рейко.

— А правда, — спросил Мяур, — что мы теперь будем делать?

— А какие есть варианты? — заинтересовался Юши.

— Ну, например... — Мяур почесал в затылке. — Можно вернуться в город...

— Ну ты сказал, — фыркнул Мукт.

— Да в таком виде, как мы сейчас, мы там все раздолбаем, — сказал Юши.

— А что, — обернулся к нему Рейко, — я бы сейчас размешал в фарш Службу Безопасности.

— Лучше не пробовать, — предостерег его Вакс.

— Почему это? — сердито спросил Рейко.

— Потому что наверняка примешаются добавки, — объяснил Вакс. — Сейчас мы представляем собой приборы с плохим разрешением, извини уж за технические подробности. Пока не время заниматься радикальной кулинарией.

— Хорошо, — сказал Мяур, — город отпадает. Что еще может прямо сейчас делать наша группа?

— Аччи умер, — напомнил Рейко. — Группы больше нет.

Все замолчали.

— Все же, — начал было Юши, несколько неуклюже, — даже если Аччи нет с нами...

— В принципе Рейко прав, — пришел к нему на помощь Вакс. — Нам все равно предстоит разделиться. Сила меняет людей.

— А я не буду меняться, — Мяур сидел расстроенный.

— Давай просто всегда дружить, — улыбнулся ему Мукт, — что бы там ни было.

— Давай, — согласился Мяур, — но меняться я не буду.

— А вот интересно, — сказал Рейко, — что, если кто-то из нас захочет, например, высшей власти? Вот, скажем, стать богом, притом единственным, и чтобы все ему поклонялись. А других богов отменить. Или что-нибудь в этом роде.

— Между прочим, это серьезно, — сказал Юши. — Я, например, уже думал об этом.

— И как? — заинтересовался Рейко.

— Пока что отверг как скучный проект, — пожал плечами Юши, — но кто знает, что в моей голове будет твориться через сто лет. Я бы вот прямо здесь, не сходя с места, заключил магический договор — о вечном союзничестве и все прочее. Если, конечно, кто-нибудь знает, как это делается, — добавил он, вынув из воздуха довольно нелепый плед из какой-то комковатой шерсти и укрывая им плечи. Магический костер по какой-то причине стал давать гораздо меньше тепла.

— А кто может это знать? Мукт? Мяур? — спросил Вакс.

— Я знаю только самый простой способ, когда договор связывают артефактом, — виновато сказал Мукт. — На самом деле, годится любой предмет, — подумав, добавил он. — Только после этого его нужно очень хорошо охранять. Если Согласную Печать разрушить, договор теряет силу.

— Боюсь, что это не прокатит, — вздохнул Юши. — Ломать не строить. Нет такого предмета, который не сможет разрушить маньяк.

— Есть, — сказал Рейко.

— Ты о чем? — спросил Вакс.

— Договор все равно будем заключать не здесь, а у ниши, — сказал Рейко.

— В присутствии Аччи. Его и попросим стать нашей Печатью Согласия.

— Чтобы тело Аччи его держало? — спросил Юши. — Дикая мысль, но...

— Я за, — сказал Мяур.

— И я, — сказал Мукт.

— Поддерживаю, — кивнул Вакс.

Готовить договор поручили Юши, наказав ему предусмотреть все возможные лазейки для маньяка, в которого кто-нибудь из них может вырасти. Юши возразил, что всего не предусмотреть, но можно прописать пункт, обязывающий Сообщество Сильных, как они отныне будут называться, регулярно возобновлять договор с возможностью включать новые поправки, ничего, однако, не выключая. Заодно можно будет инкорпорировать Ниолу, когда она придет в себя.

— А если она никогда в себя не придет? — спросил Рейко.

— Знаешь, — сказал Юши, — за то, чтобы увидеть Ниолу возжелавшей высшей власти над миром, я два таких мира отдам.

— Да, — без улыбки кивнул Вакс, — за такое не жалко.

Назначив новую встречу через четыре дня — столько, сколько нужно Юши, чтобы набросать черновик договора — начали расходиться. Последними у костра остались Мукт и Мяур. Какое-то время они молча сидели, играя пламенем. Потом Мукт тихо попросил:

— Позовем Вейю?

— Думаешь? — неуверенно сказал Мяур. Но, поймав взгляд Мукта, тут же согласился, — Тогда давай звать.

Старый ритуал, который они использовали у озера лорелей, теперь вызвал улыбку. Лишние элементы в нем были видны насквозь, нужные исправления — очевидны. Было даже ясно, как сделать так, чтобы огневичка не смогла уклониться от вызова, но от этой поправки Мяур и Мукт, обменявшись взглядами, отказались.

И огневичка явилась. А явившись, за словом в карман не полезла.

— Ну что, мои козляточки, — сказала она, — горе мне с вами, как и всем пяти элементам, чтоб их мама в этом природном борделе хорошо зарабатывала. Один лезет в суть творения — ну что ему там, скажите мне, медом намазано? Ничего хорошего он там не найдет, только испачкает

морду и брюки. Другая повадилась бродить дорогами мертвых; ага, конечно, все ей там страшно рады. Третий вообще помер. Истинно говорю, человек — это загадка: как это так, ни мозгов, ни совести?

— Здравствуй, Вейя, — широко улыбнулся Мукт. — Это кто же лезет в суть творения?

— Да этот, двуногий без перьев, — не очень эффективно уточнила Вейя, — из паствы Палвади.

— Вакс, — понял Мьяур.

— Все ему интересно, — проворчала огневичка, — на чем да на чем стоит такое месторождение сырой магии. Надо ему ухватить парадокс за хвост. А о том, где у парадокса анальное отверстие, он не подумал.

— А где у парадокса анальное отверстие? — веселился Мукт.

— А как раз там, откуда он дерьмом пуляется, — уведомила его огневичка. — Где-то в районе хвоста.

— Неужели ты все это берешь их наших мозгов? — поразился Мьяур.

— Вы давно свои мозги прочищали? — поинтересовалась огневичка. И пояснила, — туда вообще-то без защитной маски и без защитных очков не заглянешь. Кругом пыль и мрак, и яд разложения.

— Вейя, я хотел спросить... — Мукт посмотрел на свои ботинки, потом решил и поднял голову, — вдруг... нельзя ли вернуть к жизни Гараччи? — выпалил он на одном дыхании.

— Нет, — сразу ответила Вейя, совершая фигуру танца в прыжке, потому что ей надоело сидеть на месте. — Он сам виноват, что помер. Не надо быть дебилом.

— Так ведь пророчество... — начал Мьяур...

— Пророчество! — передразнила его огневичка. — Дались вам эти пророчества! Пророчество, — сказала она уже несколько спокойнее, — это след творения. Эхо первого замысла. Ну и зачем вам непременно его исполнять? Возьмите да переделайте, перезамыслите, сотворите заново. А нет — все, спасибо, глава закончена, вы расписались в получении, судьба миров поставила печать. Вплоть до этого места уже ничего не исправишь.

— Очень жаль, — сказал Мукт. — Нет слов, до чего жаль. Вейя... мы почти ничего не знаем.

— Мне нравится это “почти”, — ехидно усмехнулась Вейя. — Какая самонадеянность.

— Ну да, — кивнул Мукт, — мы со всех сторон дураки, настолько, что даже не понимаем, до чего мы дураки. А ты невозможно прекрасна. Я вот думаю, вдруг ты согласишься нас поучить искусству магии? Я бы

начал прямо сегодня.

— Лично ты, — сказала Вейя, усевшись прямо на горячем воздухе, скрестив ноги, — прямо сегодня должен пойти и исполнить свое обещание. Притащить сюда свою Лолу. Если обустроишь ей достойный водоем, глядишь, и она тебя кое-чему научит.

— А я хочу этого? — Мукт поднял на нее глаза. — Ты, Вейя, думаешь, я не знаю, чем она там занимается со своим тинником?

— Донником, — поправила Вейя.

— Ну, тинником, донником, — поморщился Мукт, — стану я еще их разбирать.

— Напрасно, — пожала плечами огневичка, — вопреки распространенному заблуждению, невежество не украшает мужчину. И, кстати, чем она там занимается с донником — это как раз полная ерунда. Вот, к примеру, ради тебя, тогда еще ни на что не годного балбеса, она отдала свой хвост. А хвост у русалки, между прочим — это ее все. А совсем не сиськи, как тут некоторые думают, — добавила она, метнув насмешливый взгляд на Мяура. Тот покраснел; впрочем, он надеялся, что в сумерках у огня этого никто не заметит.

Мукт посмотрел в огонь и глупо улыбнулся.

— Ладно, схожу.

— Иди сейчас.

Он встал, пригладил волосы ладонью, оттолкнулся от земли ногой и исчез.

— А меня, — спросил Мяур, — согласишься учить? Будь добра, Вейя: я очень старательный.

Огневичка окинула его взглядом сверху вниз, потом снизу вверх, потом еще несколько раз.

— Ну что, ученик, — ухмыльнулась она, — первый урок ты уже усвоил. Тому, кто просит тогда, когда он может приказывать, благоприятствуют самые благородные стихии. Такой маг может надеяться на помощь и доверие равных, тогда как любителю принимать царственные позы и раздавать команды в лучшем случае будут всю жизнь угрожать — а за спиной его плести интриги — коварные рабы. Хотя, — помолчав, со вздохом добавила Вейя, — лично я не давала бы ключей к управлению элементами таким балбесам.

17. Гости с той стороны канала

Илона проснулась и подняла голову с подушки, мокрой от слез. Больше всех ей было жаль ту девушку. Что она должна была чувствовать! Ведь если б про тот артефакт на шее не забыли, если б она вернула его Гараччи — тот бы остался жив! Даже если б ее неконтролируемая способность к левитации сработала вовремя, она бы успела его спасти! Так глупо... так страшно. Илона хорошо знала, сколько беспомощности обрушивается на тебя в то время, когда ты еще не умеешь левитировать по своей воле, но вроде бы знаешь, что вот-вот, и полетишь. И Гараччи, конечно, было ужасно жалко — легкомысленного, нелепого, бесшабашного географа по праву рождения! И остальных. Вот, понимаешь, шли, шли — и дошли...

Умывшись, она подумала, не вызвать ли сейчас Джагги и Фикуса. Пока она колебалась — не хотелось, чтобы они догадались про заплаканную подушку — пришел вызов от Джагги.

— Видела? — спросил он.

— Видела, — ответила Илона. — Надо обсудить. Вызовем Фикуса?

— Лучше просто пойдем к нему, — сказал Джагги. — У него голова болит. Из-за этого связь плохая.

— А мерит Фогеди? — удивилась Илона.

— Вроде бы на вызов поехал.

— Без нас?

— Фикус сказал — может, он нас еще позовет. Так что бери все с собой — аптечку, костюм...

— Сама знаю, — обиделась Илона; она не любила, когда ею командовали, во всяком случае, сверстники.

— До встречи тогда, — миролюбиво сказал ей Джагги и отключился.

Тут Илона вспомнила, что адреса-то она сама и не знала. Название локации пришло к ней на ум, было оно странное, вот и запомнилось — Квартал Мнительных Филинов. И это звучало разумно, мерит Фогеди как раз и должен был жить в таком квартале. А номер дома? А этаж? А что, если на этаже не одна квартира?

Можно еще раз вызвать Джагги, плюнув на чувство собственного достоинства. Мало того — он наверняка даже не будет злорадствовать: мальчишки обычно ничего такого не замечают, они в этом вопросе тупые какие-то. Но Илона-то будет знать, что пошла на сознательное унижение. Нет уж, она этого не сделает. А сделает она вот что: пока будет идти по

улицам, попробует настраиваться на мысли прохожих. Пока дойдет до Мнительных Филинов, успеет натренироваться. Так что там уже она поймает мысли Фикуса или Джагги издалека и будет просто по ним ориентироваться. И все будут думать, что она адрес прекрасно знала с самого начала — вот так.

Сначала вовсе ничего не выходило. Не ловились мысли, и точка. Илона знала, что залезать в чужие головы вот так, за здорово живешь, могут только очень сильные коммуниканты. Но знала она и то, что эту силу можно тренировать. Через какое-то время ей показалось, что она поймала не мысль, но обволакивающее, смутное стремление дерева расти, тянуться к свету, что ли, посылать кому-то свою любовь с бабочками и пчелами. Она очень радовалась этому, распознавала в получаемом потоке сообщений все новые и новые аспекты, как вдруг, дойдя до своего дерева, она обнаружила, что это вовсе не дерево, а фонарь. Вот что это? Неужели ей так легко себя обмануть?

Только три поворота спустя ей удалось поймать что-то вроде человеческого мыслеобраза. Немолодая дама со встречной пешеходной полосы испытывала раздражение: ей было неприятно, что Илона шла слишком большими шагами, и что у нее не было шляпки. Дама сильно удивилась, когда Илона посмотрела на нее счастливым, благодарным взглядом и одарила ее до скандала неженственной улыбкой от уха до уха. Дальше, во всю длинную улицу Кроткой Абаттуары — сплошные неудачи. После поворота — мысль-намерение познакомиться, но у мальчишки-пешехода, глядевшего на нее во все глаза, было до того восхищенное выражение лица, что эта мысль могла быть считана и оттуда, а вовсе не из его головы. Дальше — несколько более надежно: мысль будочника, у которого пропал кусок колбасы, и он воображал себе сцену наказания вора. Вором, по его мнению, была одноглазая белая кошка, которую он в мыслях стыдил и сравнивал с самыми бессовестными демонами ближнего зарубежья.

Илона шла, стараясь проникнуть в каждую встречную голову; удачи были редкими, но всякий раз приносили большую радость. А главное — она привыкла сторониться людей; часто они даже представлялись ей чужеродными, страшными, если и способными думать, то обдумывающими какую-нибудь бессмысленную жестокость. На деле же, если ловить их мысли случайно, люди оказались не так и плохи. Она почти забыла о том, как грустно все вышло у взрослых ребят во сне, и даже боялась случайно взлететь от хорошего настроения. Дело в том, что несанкционированная левитация на улицах города Никкудакена была строго за-

прещена.

И тут она вздрогнула, поймав нечто очень странное: немного механическое и писклявое.

— Госпожа не будет довольна. Зачем мы вышли в таком месте? Разве не видно, какие здесь муравьи?

— Если бы мы пошли другой дорогой, мы бы были уже мертвы.

— При чем здесь это? Следы беглого трупа были на другой дороге, а на этой их нет.

— Ты глуп, как труп человека! Какой прок госпоже, если бы мы погибли на той дороге, со следами или без следов?

— Не смей называть меня глупым, трус! Госпожа ценит преданность в живых и в мертвых равно. Ей было бы приятно, если бы мы погибли, исполняя свой долг. Да. Не спорь. Ей было бы очень, очень приятно.

Илона остановилась как вкопанная. Где-то она уже слышала о “госпоже”. И даже не один раз...

Пришел вызов.

— Ты уже вышла из дома, ученица?

— Да, мерит.

— На всякий случай: номер дома шестьдесят шесть, этаж шестой, у квартиры нет номера. У нее на двери изображение голой саламандры.

— Как это? Саламандры вроде и так — ну — не носят одежды... — удивилась Илона.

— Увидишь, — Фогеди спешил. — Только не рассматривай слишком подробно, ты несовершеннолетняя. Сразу накрой ее ладонью, и она тебя выпустит. Меня там нету, я вас вызову или зайду за вами, если время позволит. До встречи.

Мерит Фогеди отключился щелчком, изображая брошенную трубку телефона.

Тем временем, точнее, двумя часами раньше, в сдвоенном храме Лоры и Миару на улице Висельников происходило вот что. Облако пылевого тумана, занимая всю улицу, накрыв собой даже клумбы и газоны, приближалось к воротам. С трудом подобрав брюхо, оно вползло на территорию и двинулось дальше к входу в храм, не встречая никакого сопротивления. Внутри храма пылевая завеса опала, так что взглядам открылась серебристая Сеть На Человеков в режиме силового щита. Держали ее, стоя внутри нее по периметру, орднунг-маги высшего ранга. В центре находились те, кто отдавал им приказы — трое мужчин в элегантных

черных шинелях без знаков отличия. Впрочем, один из них был толстый, приземистый, пузатый, как пылевое облако; представление об элегантности к его шинели не клеилось. Навстречу все этой внушительной конструкции вышли четыре полуобнаженные жрицы Миару.

— Что это было? — с испуганным любопытством поинтересовалась как будто старшая из них.

— Это была демонстрация силы, — приятно улыбаясь, сказал самый высокий из троих центральных мужчин.

— Ах! — вскрикнула одна из девушек и упала на руки подруг.

— Ну, Райна, ну, — хлопала ее по щекам пухленькая красотка, одетая только в короткую юбку и в заплетающие ногу сандалии. — Подожди, сначала надо поговорить.

— Если миараине дурно, — сказал толстяк, — наши маги будут рады оказать помощь...

— Ой, что вы, что вы, ей совсем не дурно, — удивилась все та же красотка, подняв на них сверкающие глаза. — Наоборот, Райна без ума от сильных мужчин.

Мужчины неловко переглянулись.

— Передайте миараине Райне — так, кажется? — наши комплименты, когда она придет в себя. Она произвела незабываемое впечатление, — сказал тот из троих, что до сего момента молчал. — Однако, нам следует как можно скорее поговорить с вашей начальницей.

— С которой из них? — переспросили девушки.

— С самой главной, — уверенно отвечал говоривший последним.

Девушки переглянулись.

— А у вас есть водолазные костюмы? — спросила ослепительно рыжая, одетая, со своей стороны, в серебристую сеть и ничего кроме.

Особисты — разумеется, визитеры представляли Службу Безопасности — при этом вопросе несколько растерялись. Пока они собирались с мыслями, с потолка грянул грудной альт:

— Авариана Луш, Жадная В Страсти!

— Слышу твой зов, Шейный Позвонок Миару! — восторженно прокричала пухленькая в юбочке (и только), глядя вверх.

— Проводи этих рабов любви в малый объединенный зал.

— В первый, горячая миараина? — почтительно уточнила Авариана Луш.

— В тот из них, что посвящен играм рептилий и земноводных, — ответили с потолка. — За ними придут.

Авариана хлопнула в ладошки и сказала:

— Пойдемте, мальчики. Только придется перегруппироваться, — она оглядела их небольшую упорядоченную толпу, — на пути попадаются узкие коридоры.

Толстый особист в черном вытер со лба испарину. Двое других зачем-то одернули шинели. Впервые за долгое время страх коснулся их спин между лопаток своим гусиным пером.

В коридорах, спасаясь от душных и страстных ритуальных ароматов, посетители сразу надели маски. К концу пути у всех кружилась голова, всех одолевало какое-то жаркое, невнятное предчувствие, и у каждого ломило виски и зубы от тех усилий, какие они прилагали, чтобы не думать об Авариане Луш, Жадной В Страсти, о разных необыкновенно приятных частях Аварианы Луш и о том, на что она, очевидно, охотно согласилась бы прямо здесь и сейчас.

Зал, куда их провели, был небольшой, воздух в нем оказался самый обыкновенный, почти без тяжелых примесей обволакивающих мозг ароматов, а барельефы на стенах в самом деле с естествоиспытательской достоверностью изображали сцены любви у земноводных и пресмыкающихся. Когда их глаза привыкли к полутьме, они увидели за столом, повторявшим форму какого-то географического объекта, красивую женщину, в большой степени одетую, благодарение Никкуду, а рядом с ней скрепленный золотыми заклепками желтовато-белый скелет. Скелет вскинул череп, как будто взглянул на пришедших пустыми глазницами и поднял костяную руку в знак приветствия. Женщина улыбнулась и повторила его жест.

— Меня зовут Гвиневера, я представляю здесь половину Сладчайшей Миару, — сказала она. — В другой половине храма все заняты непрерываемыми ритуалами, так что Неумолимую Лору здесь будет представлять анимированный скелет выдающегося ученого-антрополога Аккеда Лаони в соответствии с его завещанием.

— Мы польщены... да, польщены, миараина, — толстяк достал платок и вытер им лысину, — но мы должны говорить с теми, кто наделен правом заключать договоры от имени храма и принимать необратимые решения.

— Вот моя печать, — немного обиженно отвечала жрица, прогягивая руку и демонстрируя ему рубиновое сердце, которое пульсировало у нее на раскрытой ладони. — В полномочиях домиморта скелета вы, я полагаю, не сомневаетесь?

Толстяк ошарашенно посмотрел на нее, но тут же взял себя в руки и

кивнул несколько раз:

— Нет. Конечно, нет, миараина, разве разумному человеку пришло бы в голову в таком усомниться? Мы рады приветствовать домиморта и миараину и готовы, с вашего позволения, приступить к изложению сути нашего к вам дела.

— Присядьте, орды, — кивнула миараина Гвиневера, — мы вас выслушаем. Мериты маги могут сесть прямо на ковер.

Толстяк начал с объяснения: дело, мол, тайное, проходное, но срочное. Служба их требует секретности.

— Простите, что мы не представляемся...

— Напротив, преорд Гортери, — произнес скелет у него в голове, — здесь вы совершенно правы, в этом нет никакой необходимости.

— Домиморт не любит носить голосовой аппарат, — извиняющимся голосом произнесла Гвиневера, — вы должны простить ему его манеру общения.

— О, конечно... — сказал толстяк. — Поверьте, я понимаю... Собственно говоря, — он принял решение, — наш вопрос очень прост. У меня с собой есть предварительный текст договора, продиктованный, выражаясь отнюдь не метафорически, высокой государственной необходимостью. Нам бы хотелось, чтобы вы, мудрые духовные лица и... — он посмотрел на скелета, — гм... словом, чтобы вы прочли его и скрепили его своей подписью. Разумеется, если у вас будут поправки, мы здесь же их и рассмотрим.

С согласия миараины и домиморта толстый особист развернул свиток старого образца и зачитал текст, в котором значилось, что отрок по имени Наргод Фолли ар-Миару, в случае, если он пережил обряды послушнической инициации, получает мирской отпуск и передается в руки офицеров Службы Безопасности как лицо, требующее особой охраны.

— Миараина, домиморт? — вежливо спросил толстяк. — Что вы скажете?

— Я подпишу, — пожала плечами миараина, — если вас не смущает, что такого отрока у нас нет. Это что-то секретное, верно? Фальшивый послушник, нужный вам для того, чтобы ввести в заблуждение врагов государственной безопасности?

Среди офицеров возникло шевеление.

— Миараина Гвиневера, — укоризненно покачал головой толстяк, — в вашей уловке так мало хитрости, что мне приходится бороться с подозрением, будто вы держите нас здесь за дураков. — Он сделал паузу, чтобы дать возможность жрице откреститься от столь немислимого суждения,

граничащего с оскорблением власти. Но миараина молчала, и он решил продолжать. — Между тем, нам достоверно известно, что не далее как вчера к вам в храм меритом Фогеди, главным технологом Отдела Умиротворения Внешних Скорбей, был приведен его сын, Наргод Фолли, сразу же отправленный на церемонию инициации...

— Позвольте мне спросить вас откровенно, преорд, — снова вмешался скелет, так бесцеремонно влезавший в головы к высшим офицерам, — какие же выводы вы делаете из этой информации? Если, конечно, миараина ошиблась в своих оценках, и вы здесь не дурак.

— Я вижу три возможности, — медленно произнес толстяк, угрожая сверкнув глазками. Только что скелет предоставил ему возможность перестать строить из себя дипломата. — Первая — миараина лжет, по ее представлениям, в интересах сына Фогеди. Вторая — Наргод Фолли не пережил изнурительных для мужчины обрядов инициации. Третья... — он взглянул на скелет, и глазки его расширились... — ах, в самом деле, я упустил из вида четвертую.

— Вы все-таки решили рассмотреть версию миараины? — можно было бы сказать, что скелет спросил это с улыбкой, если бы он мог улыбаться.

— Можно сказать и так, — спокойно ответил толстяк. — правильно ли я понял, что Наргод Фолли со вчерашнего дня посвящен Беспристрастной из четы двух богинь — а не Сладчайшей, как мы полагали, составляя текст договора?

— Поздравляю, преорд, вы только что доказали миараине по крайней мере вашу личную интеллектуальную состоятельность. — И ведь нельзя было сказать, чтобы скелет говорил вызывающе, чтобы он нарывался на конфликт. Нет — он как будто и после смерти продолжал вести свои антропологические наблюдения над людьми, точнее, высшими офицерами.

— Так, — сказал толстяк. — А ваша половина отдаст его нам, домиморт?

— Вы спрашиваете, выдадим ли мы вам тело послушника Наргода Фолли Лориена?

— Он что, мертв? — не выдержал один из высоких в черном.

— И да, и нет, преорд Кафний, — как бы пожал плечами скелет. — У юного Лориена открылись спиритологические способности впечатляющей силы. В соответствии с инструкцией, он приступил к спиритологической части инициации немедленно по обнаружении его уровня. Сейчас он уже идет Второй Магистральной Тропой Мертвых, и будет в дороге еще три луны.

— Я не совсем понял, что это значит, — сказал толстяк.

— Это значит, что он лежит в коме, — сухо пояснила миараина.

— Прекрасно, — оживился толстяк, — так вы просто передайте его нам! Наши маги сумеют о нем позаботиться.

— А что, — и офицеры готовы были поклясться, что скелет поднял бровь, — ваши маги умеют успокаивать мертвых?

— Что вы имеете в виду, домиморт? — кашлянув, спросил толстяк.

— Я имею в виду, — спокойно сказал скелет, — что мертвым не понравится, если в обряд Путешествия будут внесены подобные изменения. Это я знаю не понаслышке, — он улыбнулся. — Мертвые начнут волноваться. А в таком случае их обыкновенно приходится успокаивать. Так как, маги умеют? — скелет ждал ответа.

Все высшие офицеры и некоторые из орднунг-магов знали в подробностях то, что произошло несколько дней назад в некрополе. Успокаивать мертвых не умели ни маги, ни никкудаки. Это умел только мерит Фогеди Фолли, отец отрока Наргода Фолли Лориена.

— У нас есть люди, которые умеют это делать, — уклончиво сказал толстяк, — но я вижу, что ситуация непростая. Мы вернемся к этому разговору три луны спустя, с вашего позволения, а пока я хотел бы, чтобы нам показали тело Наргода... поймите меня правильно, — добавил он, — лично я как человек вашим словам верю, но служба обязывает нас убедиться во всем своими глазами.

Миараина глядела отсутствующим взглядом, видимо, советуясь с домимортом.

— Что ж, если вы просите... — сказал скелет... — Предупреждаю, — сухо добавил он, — мы, конечно, сделаем все, что можем, нам не нужны скандалы, но вы должны и сами позаботиться о своей безопасности.

Полчаса спустя из Лориной половины храма двух богинь вышли через неприметную заднюю дверь в стене два орднунг-мага и еще два человека в черном, хватаясь за стены. Были они смертельно бледны, и их колени дрожали. Послушники в серебристых одеждах на носилках вынесли третьего офицера в черном — того самого толстяка. Он пребывал в коме. Домиморт скелет предположил, что преорд Гортери случайно зацепился ногой за могильный камень и таким образом выпал на одну из Троп Мертвых. Что в связи с этим предписывают инструкции, домиморту неизвестно — это должен лучше знать непосредственный начальник преорда. Вот его и несут обратно, так сказать, для получения дальнейших распоряжений. Что случилось с остальными шестью орднунг-

магами, никто даже не обсуждал.

Собравшись в квартире хармотехнолога, трое учеников — Фикус, Илона и Джагги — так и не успели толком поговорить. В голове Фикуса опять всплыла на поверхность шпионская рыба-прилипала. Всплыла и заявила как ни в чем не бывало:

— У них по другую сторону канала такое делается...

Поскольку разговор велся телепатическим образом — Фикус разрабатывал большую голову — рыбу услышали все трое.

— Так я и знал! — взвыл Фикус. — Ну почему мерит Фогеди не дал мне вчера разбить мою дурацкую башку о стекло террариума!

— Фикус, подожди минуточку, — попросил его Джагги. — Ну пожалуйста. Можно, я с ней поговорю?

Фикус, ворча, разрешил. Джагги начал с того, что обратился к рыбе на “вы”, чем сразу произвел на нее впечатление. Почти тут же они перешли на “ты”, пока Фикус хлопал глазами, и под аккомпанемент этого хлопанья обсудили, что же происходит “на том конце канала”, то есть, у особистов. По всем признакам, по тому, как они суетятся, их настигла настоящая катастрофа. Пока рыбе только удалось понять, что, в частности, на глазах хранителей разрушилось несколько документов, до того секретных, что они существовали ровно в одном экземпляре. Что происходит, когда разом пропадает столько информации, каждый может представить сам. Например, одного из высших офицеров высекли его покойные родственники, явившиеся ему не в виде истлевших тел, а в виде призраков во плоти. Другой заперся в кабинете с суккубом. Третий уже несколько раз застрелился насмерть, попал, но, говорит, ничего не помогает. (“Бедняга,” — понимающе вздохнул Фикус.) В разгар этой захватывающей беседы явился мерит Фогеди, извинился, что помешал, предложил продолжать. В конце сказал:

— Теперь ясно, почему они отменили прошлый вызов, по поводу множественных молний в Каверне.

— Отменили? — удивилась Илона.

— Да, и перекрыли его новым, стократ более срочным и совершенно секретным. Как раз к ним в ведомство.

— А нам можно с вами? — выпалила Илона прежде, чем успела осмыслить это сообщение.

— Надо подумать, — сказал Фогеди.

— Мерит Фогеди! — воскликнул Фикус. — Ну что же это! У меня в голове

рыба!

— Неужели я забыл ее поблагодарить? — ужаснулся Фогеди. — Пискулара рыба, предоставленные вами сведения совершенно неоценимы.

— Какие все вежливые, — смущенно сказала рыба.

— Я невежливый! — орал Фикус. — Она точно так же может про нас все рассказывать им!

— Фи, как неблагородно, — поморщился Фогеди, — предполагать такое про своего ближнего. Ну зачем это пискуларе могло бы понадобиться? Она если в чем и заинтересована, так это в том, чтоб ты не разбил башку о стену или стекло. Она же у тебя в голове постоянно обитает, а у них так, проездом.

— А зачем тогда они ее ко мне подсаживали? — не отставал Фикус.

— Ну они же не знали, что наша птичка-скат поможет пискуларе сформировать отдельную личность! — укоризненно сказал Фогеди. — Стоит иногда подумать головой, хотя бы во время, свободное от разбивания ее об стекло.

Фикус задумался.

— Хорошо, — сказал он, — а когда вы ее у меня из головы вынете?

— Я?! — Фогеди посмотрел на Фикуса потрясенно, как если бы тот предложил ему утопить котенка. — Своими руками?!

— Мне что, так и жить с этой рыбой в башке? — спросил Фикус.

— Это не рыба, а мечта, — сказал Фогеди.

Джагги и Илона переглянулись. По правде сказать, они пребывали в полной растерянности.

— Теперь вот что, — Фогеди обвел всех троих взглядом. — Вам есть что мне рассказать?

Все трое молчали. Потом Фикус потрянул головой и сказал:

— Все равно это когда-то должно было произойти.

— Сны о прошлом — это всегда про будущее, — загадочно сказала Илона.

— Однажды, — со вздохом начал Джагги, — я нашел на помойке сломанный левитатор...

Фогеди открыл ящик стола, вытряхнул оттуда рваную калошу, разводной ключ и засохший кусок сала, и с самого дна достал свой блокнот.

Поскольку это был блокнот мерита Фогеди, произошло ожидаемое: говоря конкретно, совершенно непредсказуемое событие, на первый взгляд довольно нелепое. Из его переплета тут же вырос сияющий гриб, ложный суккуб. Гриб снял шляпу и положил рядом на стол, почесал тем же отростком свое плодовое тело — у него была схематично женская фигура,

в соответствии с названием – и запел:

Если что-то начал делать,

Никогда не завершай.

Если что-то завершаешь,

Сразу снова начинай.

То, что начиналось смело,

Смело продолжается,

Если начал делать дело,

Не клади ему конца,

Если что-то начал делать...

– Похоже, мы влипли, – сказал Фогеди, откинувшись на спинку стула; чтобы наблюдать за грибом, он прищуривал глаз то так, то эдак.

– А как его заткнуть? – спросил Фигус.

– По-моему, это она, – сказал Джагги.

– Это ложный суккуб, – вспомнила Илона короткий пассаж из теткинo-го справочника с красно-белыми картинками. – Он из споры вырос. Ее очень трудно посеять.

– А сорвать? – Фигус встал с места и сделал шаг к столу, на котором лежал блокнот. Гриб схватил шляпу, прикрылся ею от Фигуса, как щитом, отступив немного назад, но не прерывая пения.

– Ученик Фигус, – строго сказал Фогеди, – хармотехнолог должен быть вежлив и справедлив. По крайней мере, по отношению к грибам и к рыбам. – Тыльной стороной ладони он вытер пот со лба: перекрикивать ложного суккуба было непросто. – В любом случае, – все же продолжал он, – сорвать его можно только в том случае, если как фуголог ты сильнее того, кто его посеял.

– А кто его посеял? – спросила Илона, широко расширив глаза.

– Я, – ответил Фогеди.

Дети переглянулись.

– Этот настырный гриб, похожий на женщину, здесь просто как памятка, – объяснил хармотехнолог. – Да... он служит мне напоминанием, – задумчиво повторил он.

– О женщине? – спросил Фигус.

– Дай подумать... – Фогеди наморщил лоб. – Скорее, о том, что, как ни старайся, все равно забудешь что-нибудь важное.

– Если что-то начал делать, никогда не завершай... – не унимался гриб. Фогеди быстро подхватил блокнот; не давая грибу опомниться, перевер-

нул. Как только первая страница обложки шлепнулась на стол орнаментом вниз, гриб исчез. Фогеди как ни в чем не бывало принялся листать блокнот.

– Здесь все записи идут задом наперед, – заключил он. – Видимо, неспроста. Но, к счастью, места достаточно. Давайте запишем вашу старую историю до конца, чтобы новой было с чего начинаться.

Дети снова переглянулись.

– Вы думаете, начнется новая? – спросил Фигус.

– Обязательно, – заверил его Фогеди. – Иначе гриб будет разочарован. Ученик Джагги, продолжай свой рассказ! Я взял карандаш.

И Джагги, иногда для пользы дела перебиваемый Фигусом или Илоной – они помогали уточнять детали – принялся рассказывать мериту хармотехнологу все так, как он увидел во сне и сумел понять.

– Я не понял, орд-трепанатор, – монах, стоя у окна, водил пальцем в перчатке по узорчатому стеклу. – Что значит "процедура подсадки осциллирующего ярлыка оказалась не завершена"? Как она могла сперва завершиться, согласно вашему же отчету – между прочим, это он в папке лежит на столе – а потом оказаться незавершенной? – Он вынул из-за обшлага рукава увеличительное стекло, несколько святотатственно обтер его о свою священную мантию служителя Никкуда, и принялся в это стекло рассматривать привлекший его внимание узор.

– Сейчас происходит много странного, преорд, – глядя в пол, хмуро отвечал его собеседник. – Документы портятся...

– Документ в папке цел, – возразил монах.

– Подопытный, юный ученик хармотехнолога, оказал сильное ментальное сопротивление...

– Вы не первый день в инсертариуме, орд-трепанатор, – без выражения, не отрывая взгляда от лупы, наставленной на узор в оконном стекле, напомнил ему монах.

– Его наследственный индекс выше трех по всем показателям, и достигает высшего балла...

– Вне всякого сомнения, – подтвердил монах. – Вернемся к отчету. В нем вы написали, что процедура завершена. То есть, канал был открыт, экранирован вдоль берега в мозге носителя, имплантация выбросила единицу и сетевик показал три икса?

– Все так, преорд, – уныло отвечал офицер медицинской разведки. – Он и сейчас их показывает.

- Тогда работайте дальше. Следуйте инструкции.
- Но преорд, форма сигнала, который идет оттуда – в тех случаях, когда он вообще идет...

Монах оторвался от своего развлечения с лупой и посмотрел на него в упор.

– Я бы не советовал вам интересоваться формой сигнала, который идет оттуда, – скучным голосом произнес он. – Знаете, уровень нашего допуска всегда чем-то ограничен. Это оберегает нас от многих неприятностей. Ступайте, орд-трепанатор, и старайтесь соблюдать инструкцию настолько точно, насколько это возможно для человека. Мы ведь с вами всего лишь люди, не так ли?

– Я понял, преорд, – страх мелькнул в глазах медика, он коротко поклонился и, повинаясь жесту монаха, вышел из помещения.

Монах снова вернулся к работе над рисунком узорчатого стекла. Он ничего не записывал: ему хватало тренированной памяти. К тому же, симпатическими рунами Никкуда передавались только очень короткие сообщения. Несколько мгновений спустя переданная информация была расшифрована целиком, паттерн распался, но для постороннего зрителя ничего бы не изменилось: случайные бродячие узоры стекла, витраж-калейдоскоп, иногда такой ставят даже в жилых домах.

Объяснение к тому, что прилипала, подсаженная в мозг подростка – ученика Фогеди – позволяет отследить лишь обрывки коммуникации носителя с его окружением, информанты преорда предлагали своеобразное. По их мнению, в стандартную процедуру секретной медицинской магии вмешались потоки стороннего ритуала, так что трепанаторы и их ассистенты, сами того не желая, вызвали в мир одного из богов и подселили его в мозг ребенка-коммуникатора.

Монах вернул лупу за обшлаг рукава своей рясы, чей покроем отвечал его скромному положению в иерархии Храма Небопредержащего Никкуда. В богов он не верил.